

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

Краткое содержание докладов
У годичной научной сессии ЛО ИВ АН
май 1969 года

Ленинград 1969

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

Краткое содержание докладов
У годичной научной сессии ЛО ИВ АН
май 1969 года

Ленинград 1969

И. Д. Агусин

К ДАТИРОВКЕ КУМРАНСКОГО КОММЕНТАРИЯ НА ОСИИ

Изданный в 1959 г.¹ и переведенный в 1968 г.² фрагмент Кумранского Комментария на Осии (4QpNox^b = 4Q 166) до сих пор не привлек к себе специального внимания исследователей. Между тем этот фрагмент представляет значительный интерес, так как позволяет выяснить исторический фон документа и зашифрованные в нем события.³

Предметом данного исследования являются три сохранившихся комментария ("п'ёв'ёр'им") к кн. Осии П, 10-18:

1. К кн. Осии П, 10: " [Толкование этого:] (имеется в виду), что [... и на]считались и забыли бога... [и] забросили за свои спины его заповеди, которые он послал им [устами] его пророков-рабов, и прислушались к вводящим их в заблуждение (1st'utim) и почитали их, и в слепоте своей боялись их, как богов" (4QpNox^b П, 2-6).

2. К кн. Осии П, 11-12: "Толкование этого: (имеется в виду), что (бог) покарал их голодом и жаждой на позо[у] и бесчестие перед глазами иноземцев (1'ulu hgw'um), на которых они опирались ('dx n'c'iw 'lum), а те не избавят их от их бедствий" (4QpNox^b П, 12-14).

3. К кн. Осии П, 18: "Толкование этого: (имеется в виду), что [все праздни]ки⁴ они устанавливает по срокам иноземцев⁵... [и веселья]⁶ обернулось для них печалью" (4QpNox^b П, 15-17).

Из приведенных "Комментариев" вырисовываются следующие основные контуры исторической ситуации, зашифрованной кумранским комментатором. В стране в то время находились "иноземцы", на которых "опирались", по-видимому, те, кто названы "вводящими в заблуждение". Пробывание иноземцев совпало с начавшимся в стране голодом. Эти события связаны также во времени с каким-то праздником или весельем "оберкувшимся скорбью". Обращает также на себя внимание, что в откк. 15-16 заключена явная полемика по вопросу о календаре, что весьма характерно для кумранской общины, имевшей свой особый календарь. Дальнейшие наблюдения над текстом показывают, что упоминаемые в нем "иноземцы" не могли быть римляне армии Помпея, которые повсеместно в Комментариях называются *kyum tseer. ky'u'm*. Под условным обозначением "вводящие в заблуждение" в кумранских Комментариях обычно скрывается фарисей.⁷ Палеографически наш документ датируется второй половиной (может быть, даже концом) I в. до н.э. Следовательно, события, отраженные в документе, по всей вероятности, имели место в I в. до н.э. И это все, что нам дает документ сам по себе. Очевидно, что дальнейшее конкретно-историческое определение этой ситуации, ее отождествление невозможно без помощи внекумранских источников.

Я полагаю, что возможность для отождествления ситуации, зашифрованной кумранским комментатором, нам открывает рассказ Иосифа Флавия (Древности XIV, I-2) о событиях 65 г. до н.э. Флавий сообщает, что после смерти Александры-Саломеи (67 г. до н.э.) еще с большей силой обострилась борьба между ее сыновьями Гирканом и Аристокбулом. Победенный в этой борьбе Гиркан бежал за помощью к набатейскому царю Арету, которому Гиркан обещал значительные территориальные вознаграждения. Во главе 50-тысячного войска Арет появился в Иерусалиме и помог Гиркану осадить Аристокбула и его сторонников, укрывшихся в храме. Согласно Флавию, во время этой осады наступил "Праздник Опресноков, который мы называем Песхой" (Древности XIV, 2, I, § 21).

С осадой храма войсками Арета и Гиркана Флавий связывает два преступления, совершенных людьми Гиркана: убийство Ония Праведного (§§ 22-24) и вероломное нарушение данного осажденным обещания доставлять им жертвенных животных для нужд праздничного жертвоприношения (§ 26). В наказание бог наслал на страну силь-

нейший ураган, уничтоживший весь урожай, что привело к резкому вздорожанию цены на хлеб (Древности, XIV, 2,2 § 28), а в пересказе флавия Иосифом — "и великому голоду" (IV, 19). Отзвуки этих событий, о которых сообщает Флавий, сохранились и в талмудической литературе.⁸

Указанное сообщение Флавия позволяет, как мне представляется, отождествить и конкретизировать ситуацию, выступавшую в 4QpNo^b П. "Иноземцы" — это войска набетейского царя Арета, который вместе с Гирканом, опиравшимся на фарисеев (= "зводящие в заблуждение"), осаждал укрывшихся в Иерусалимском храме Аристубула и его сторонников. Осада совпала с праздником Пасхи (месяц Нисан 65 г. до н.э.), "обернувшись печалью". Во время осады в стране начался голод, который и Флавий и кумранский комментатор рассматривают как наказание божье.

Совпадение ряда существенных моментов вплоть до деталей в сообщении Флавия и 4QpNo^b настолько резительны, что вряд ли здесь может идти речь о случайности. В пользу этого отождествления говорит и тот факт, что в Комментариях на Наума (4QpNa^h) зашифрованы события 88—67 гг. до н.э., которые, как нам удалось показать,⁹ также хорошо "вписываются" в рамки соответствующего рассказа Флавия. Если принять предложенную здесь гипотезу, то 4QpNo^b можно считать вторым после 4QpNa^h датированным кумранским документом: он отражает события 65 г. до н.э. Таким образом, мы получаем точный *terminus post quem* для создания этого текста.

1) J.M. Allegro, A Recently Discovered Fragment of a Commentary on Hosea from Qumran's Fourth Cave, JBL, LXXVIII, 1959, N 2, стр. 142—147.

2) J.M. Allegro, Discoveries in the Judaean Desert of Jordan. V. Qumran Cave 4, Oxford, 1968, стр. 31—32 и табл. X.

3) О структуре и характере кумранских Комментариев см. И.Д. Амусин, Кумранские Комментарии, ВДИ, 1968, № 4, стр. 91—108.

4) [kw]l hmq⁷ awt.

5) uwlkwn bhw^cdy hgw⁷um — букв.: "они делают так, чтобы праздники шли по срокам (или: датам) иноземцев".

6) [wgy]lh⁷ : это предлагаемое мною восстановление, вместо ожидаемого по тексту леммы — m^wá (м.р.), вызвано тем, что следующее за несохранившимся подлежащим сказуемое в и.р. (nhp⁷kh)

требует подлежащее в ж.р. В ВВ многократно засвидетельствована некая синонимичность и взаимозаменяемость глаголов *amā*, *āyā*, *ayī* и их производных. Ср., например, Ia.65,18 и 66,10.

7) См. *4Qp Nah* II 8; II, 5.7; *4Qp Ps* 87 I,15.18; II,9; ср. 1QS J,11; CD I, 15; II, 16-17; 1QH II,14; IV,11-12.16.20.

8) *Sota*, 49^b и параллельные места: *Baba Kamma* 82^b и *Menabot* 64^b.

9) ВДН, 1962, № 4; *Revue de Qumran*, 1963, № 15, ВДН, 1964, № 1.

Е.И.Васильева

ТЕРМИНЫ *ТАЙФЕ*, *'АШЬРАТ* И *КАБЙЛЕ* В СОЧИНЕНИИ *НАРАФ-ХАНА БИДИСЬИ "НАРАФ-НАМЕ"*

В "*Нараф-наме*" *Нараф-хана Бидисьи* (XVI в.)^I большое место уделено описанию племенных отношений среди курдов. И это естественно - курдское общество XVI в. имело ярко выраженную родо-племенную структуру.

Для обозначения курдских кочевых родо-племенных единиц *Нараф-хан* использует, в основном, три термина арабского происхождения: *тайфе* (мн.ч. *тавайф*), *кабйле* (мн.ч. *кабйла*) и *'ашьрат* (мн.ч. *'ашьр*). Другие термины, как-то: *йа*, *улус* и др. в "*Нараф-наме*" встречаются значительно реже.

При первом рассмотрении термины *тайфе*, *'ашьрат* и *кабйле* в тексте "*Нараф-наме*" кажутся совершенно синонимичными, а их употребление - лишним какой-либо системы и порядка; одно и то же племя выступает то под одним названием, то под другим. Например, племя *халиди* дважды называется *'ашьратом* и дважды *тайфе*; племя *махуди* 6 раз - *'ашьратом* и 6 раз - *тайфе*; племя *карси* один раз - *'ашьратом* и один раз - *тайфе*.

Неустойчивость в употреблении этих терминов объяснима отсутствием стабильности в самих родо-племенных подразделениях. Племя не есть застывшая социальная единица. Факторы экономического и политического порядка, как-то: рост численности племени, недостаток пастбищ, внутрплеменные раздоры, неурожай и войны - все это приводило к дроблению старых и образованию новых пле-

мен. Кроме того, наряду с родо-племенными единицами, члены которых были связаны кровнородственными отношениями, возникли родо-племенные союзы, куда входили также чужеродные и иноплеменные группы.

Такого рода факторы находили отражение в неустойчивости и текучести терминов, обозначающих родо-племенные объединения и у других народов. Так, термин 'аи́рат у некоторых арабских авторов служит синонимом термину *кабиле* и наряду с этим обозначает подразделение последнего². Для киргиз-казаков Большой Орды из всех возможных степеней патриархально-родовых делений только для самой нижней степени (которая состояла уже непосредственно из семей) существовал определенный термин - "тайфе" или "тайпас"³. При дроблении "тайфе" его части тоже назывались "тайфе". Таким образом, и по существу, и по номенклатуре родо-племенные объединения отличаются подвижностью и текучестью.

Все три термина - *тайфе*, *аи́рат* и *кабиле* - в "Нараф-дэме" означают "племя". Но учет в с е х употреблений этих терминов Нараф-дэмом Бидийси позволяет заметить, что в семантической структуре каждого из них одни значения явно преобладают над другими.

Прежде всего отличается от двух других термин *тайфе*. Этот термин у Нараф-дэма Бидийси имеет наиболее широкий диапазон употребления: от самой крупной этнической единицы "народность, народ" до самой мелкой ячейки общества - "семья". Перевод этого термина зависит от контекста.

Тайфе - народность, народ. В таком значении этот термин лучше не переводить: طایفه اکراد عزالدین را عزیزین میخوانند "Курды Назаддэна называют Назэйнном"; در انساب طایفه اکراد "Относительно происхождения курдов существует много различных мнений"; از عشایر و قبایل او سوال "Спросил, какого рода он и племя. Сказал: "Из народности курдов" (с. 191, 12, 17).

Тайфе - племя, независимо от его количественной и иной характеристики. Термин *тайфе* применим к любому племени в отличие от терминов 'аи́рат и *кабиле*, имеющих более конкретное значение. Из трех указанных терминов в "Нараф-дэме" наиболее употребителен термин *тайфе*.

... по причине старинной вражды, которая у него была с племенем хаккари..."; "فرستاده ... جمعی از طایفه خالیدی ... فرستاده"; "послал отряд из племени халиди" (с.97, 208) и т.д.

Курдский автор XIX в. Махмуд Байязиди, написавший "Современную историю Курдистана", употребляет термин *тэйфе* в том же значении. "На территории Османского государства, - пишет он, - насчитывается от 700 до 800 *тэйфе*, называемых *анйратами* и *кабйле*"⁴.

Тэйфе - род, семья. Например: *عالمیشان طایفه* "Поистине, эта высокодо-
стойная семья известна среди правителей Курдистана"; *دولت آن*
طایفه بدو منقرض شد "с ним закончилась власть того рода"
(с.89, 20).

Термины *кабйле* и *анйрат*, в отличие от *тэйфе*, более конкретны: *кабйле* означает обычно племя небольших размеров; *анйрат* - большое племя или союз племен. *Кабйле* могут существовать самостоятельно и входить в состав *анйрата*. В доказательство можно привести много примеров из "Вараф-наме". Ограничимся тремя, наиболее показательными: *عشیرت روژکی در یکروز از بیست و چهار قبیله آکراد در موضع طاب ... جمع گشته* "анйрат ружаки был собран в один день в местечке Таб из 24 курдских *кабйле*"; *... قلعه ارمشاط است که قبیله براسبی منصور اند عمده* "...крепость Арамшат, которое владеет *кабйле* барасби. Из-за большого числа сторонников [это *кабйле*] считают в *анйрате* бохти главным"; *عشیرت آن ناحیه منحصر بختی بکثرت احوان و انصار میباشند* "анйрат того округа включает семь *кабйле*" (с. 358, II7, II6).

В таком же смысле употребляет термины *кабйле* и *анйрат* Махмуд Байязиди: "На территории Бохтана пять крупных *анйратов*... Там произрастает и множество небольших *кабйле*" (с.72. См. также с. 54, 55, 69, 70, 71).

Таким образом, в какущемся хаосе и неупорядоченности употребления этих трех терминов можно наметить более или менее четкие границы употребления каждого из них: *тэйфе* называется любое племя - и большое, и малое; *кабйле* - чаще всего небольшое племя; *анйратом* - крупное племя или союз племен.

1) Scheref-nameh ou Histoire des Kourdes par Scheref, prince de Bidlis. Texte persan, t.I, SPb, 1860.

2) Б.И.², т. I, р. 700.

3) Н.А. Арштов, Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой Орды и каракиргизов, СПб, 1895, стр. 58.

4) Архив А.Д. Жамы - Архив АН СССР, ф. 2, оп. I - (1865), № 20.

Н.В.Виноградов

ХАРАКТЕР СВЯЗИ ТЕКСТОВ А и В ПАПИРУСА ВИЛЬБУР

Известно, что изданный А.Х.Гарднером уникальный хозяйственный источник ремеснического времени папирус Вильбур^I состоит из двух документов - Текстов А и В.

Текст А является списком значительной части земель, расположенных по левобережью Нила в пределах XVII, XX и XXII верхово-египетских номов. Подавляющая часть зафиксированных в нем земель находилась в распоряжении храмов, остальная земля состояла под контролем светской администрации, причем среди последней преобладала категория, обозначенная термином $\text{h}^3 - \text{t}^3$ фараона. Этой категории земли были посвящены 18 из 279 параграфов Текста А, и именно ими завершались первые три из четырех секторов документа (четвертый сектор дошел до нас без конца).

Расположенный на оборотной стороне папируса Текст В целиком посвящен фиксации $\text{h}^3 - \text{t}^3$ фараона.

Установлено, что эти Тексты были объединены не механически, что между ними существовала органическая связь, причем в известной мере она была выявлена еще издателем. А.Х.Гарднер определил, что земли Текста В охватывают тот же район, что и земли Текста А (Wilbour, II, р.178). Им же установлено, что нередко лица, записанные в заглавных строках Текста В, встречаются в Тексте А, и что строки локализации участков земли часто совпадают в обоих Текстах (Wilbour, II, р.169-71).

Однако, характер связи этих двух Текстов до сих пор остается неясным, а попытки ее объяснения неудачными. Представляет-

оя, что признанием к пониманию этой связи является взгляд на h^3-t^3 фараона, как на одну из категорий царской земли. Однако, из материалов панируса Вильбур, а также смежных с ним хозяйственных текстов вытекает, что h^3-t^3 фараона находилась преимущественно на храмовой земле. Более того, в результате изучения внутренней структуры документа и, прежде всего, согласованных долевых записей типа А и В в Тексте А удается прийти к выводу, что участки h^3-t^3 фараона в Тексте А обрабатываются храмовыми земледельцами, иными словами, земли, обозначенные термином h^3-t^3 фараона, лишены собственного персонала. Вместе с тем, не вызывает сомнений то, что урожай, собираемый с участков h^3-t^3 фараона, отчислялся в закрома государства. Отсюда следует как будто бы единственно возможный вывод: h^3-t^3 фараона не является одной из категорий царской земли, а представляет собой форму отчисления части урожая с земель, находящихся в распоряжении храмов, в пользу царской администрации. Естественно, что выделение h^3-t^3 фараона как чистого дохода царя с этих земель имело для царской администрации чрезвычайно большое значение. Закономерна поэтому необходимость создания сводных списков h^3-t^3 фараона. Именно таковым для своего района является Текст В. Но источником такого сводного списка должны были быть какие-то первоначальные документы. Текст А является, по-видимому, примером такого источника. В этом отношении показательно само распределение в нем параграфов h^3-t^3 фараона - в конце каждого сектора документа. Создается впечатление, что участки h^3-t^3 фараона, рассредоточенные в пределах каждого большого сектора по храмам, в конце его сгруппировывались вместе в отдельные параграфы, создавая тем самым первоначальные ячейки сводного списка h^3-t^3 фараона. Именно это и подтверждает сопоставление выделенных параграфов h^3-t^3 фараона Текста А с соответствующими параграфами Текста В, которое выявляет следующие закономерности.

1) Заглавные строки сопоставимых параграфов h^3-t^3 фараона в обоих Текстах полностью совпадают, иными словами, h^3-t^3 фараона в выделенных параграфах Текста А и в сопоставимых параграфах Текста В находилась под управлением одних и тех же лиц.

2) Строки, фиксирующие локализацию участков земли выделенных параграфов Текста А совпадают с соответствующими строками параграфов Текста В.

3) В обоих Текстах, как правило, совпадает и распределение фараона по храмам.

4) И наконец, величина участков h^3-t^3 фараона в Тексте В в подавляющем большинстве случаев превышает величину сопоставимых участков в Тексте А. Последнее обстоятельство объясняется тем, что в известном нам районе в принципе могло быть много участков h^3-t^3 фараона, и не зафиксированных в Тексте А, донеднем до нас неполностью (Wilbour, II, p.5), в то время, как Текст В включает в себя все без исключения участки h^3-t^3 фараона данного района, в том числе и те, которые никогда не были зафиксированы в Тексте А.

Следовательно, Текст А является одним из источников Текста В, или вернее, документа, подобного ему, ибо сам Текст В, как об этом свидетельствует ряд его записей, не являлся непосредственной сводкой h^3-t^3 фараона в год составления Текста А (1158 г. до н.э.). Он был составлен, вероятнее всего, гораздо раньше, по причине, которую нельзя установить с полной определенностью. Однако, как мы видели, связь его с Текстом А настолько очевидна и близка, что можно предположить, что из года в год, во всяком случае, во время правления одного царя, отчисления h^3-t^3 фараона с земель храмов были в основном стабильными. Это и позволяло, по-видимому, переписывать старый текст типа В для контроля на обратной стороне нового текста типа А, внося в старый Текст В необходимые изменения - и уже на основе этого исправленного документа приступать к составлению общего списка h^3-t^3 фараона с земель, закрепленных за храмами на данный год. И действительно, сам Текст В позволяет сделать такой вывод. Документ изобилует вставками, прочерками, исправлениями, внесенными в текст позже, нередко другими писцами, чего почти не обнаруживается в Тексте А.

1) The Wilbour Papyrus. Ed. by A.H. Gardiner. Vol.I Plates, 1941. Vol.II Commentary, 1948 / в тексте: Wilbour, II /; Vol. III Translation, 1848; Vol. IV Index, 1952. Oxford.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ КАРТЛИЙСКОГО ЦАРЯ АРЧИЛА

Жизнеописанием царя Арчила, деятеля середины VII в., заканчивается начальная часть сборника "Картлис цховреба". Сведения об авторе (или авторах) этого произведения сохранились в двух приписках редакционного характера, причем эти сведения противоречивы¹. Поэтому высказывались различные мнения об авторе, в частности, этого произведения².

Жизнеописание Арчила ясно делится на две резкохарактерные и по существу самостоятельные части, первая из которых, предшествующая первой приписке (стр. 282-244), является органической частью предыдущей хроники - она выдержана в таком же обычном для этой хроники повествовательном стиле, рассказ ведется сперва о царевиче Арчиле (стр. 282-241), а затем о царе Арчиле (стр. 241-244). Здесь Арчил все время упоминается без каких-либо эпитетов также, как и все предшествующие цари в этой хронике, т.е. Арчил в этой части вовсе не представлен в образе святого мученика. Напротив, вторая часть, помещенная после первой приписки и озаглавленная "Мученичество святого и прославленного мученика Арчила, который был царем Картли" (стр. 245-248), является агнографическим произведением, в котором на первый план выдвигут образ мученика, упоминаемого только с эпитетом "святой".

Начинаясь "Мученичество Арчила" с повторения того же факта, которым заканчивается первая часть - хроника о царе Арчиле. Конец этой хроники: "В те времена воздержались саркиновы (арабы) от вступления в Картли до пятидесятого года после ухода (Мурвана) Кру (глухого)" и т.д. (стр. 244); а первая фраза "Мученичества": "И как прошло 50 лет, вновь прибыли Чичнаум, сын Мохамада" и т.д. (стр. 245). И хотя между описанными в обеих частях событиями связь очевидна, однако ни о каком первом или предыдущем приходе Чичнаума в Картли в хронике об Арчиле нет речи, да и вообще этот Чичнаум упоминают только в "Мученичестве Арчила". А это дает основание думать, что "Мученичество" является частью несохранившегося агнографического произведения - полного жизнеописания святого Арчила, и первая фраза "Мученичества" вставле-

на редактором, внесшим его в сборник "Картлис цховреба", с целью связать "Житие Арчила" с предыдущим повествованием. Поскольку же в первой редакционной приписке упомянуто лишь "Мученичество Арчила", по-видимому, Леонти Мровели является автором только этого эгиографического произведения, а не всей исторической хроники. Все это подтверждается традицией, сохраненной метафрастическим "Житием святого Арчила" (первая половина XV в.): никто не смог достойно восхвалять святого Арчила, кроме "святого епископа того (Арчила) времени Леонти Мровели, который его блаженную жизнь и подвижничество пространно описал, как повествует (об этом) летопись жизни картвелов", причем от этого труда сохранилась лишь часть, представленная в "Картлис цховреба"⁵.

Таким образом, "Мученичество святого Арчила" в нынешнем виде является фрагментом несохранившегося самостоятельного эгиографического произведения, написанного Леонти Мровели. Этот фрагмент, по-видимому, был внесен в сборник исторических произведений "Картлис цховреба" одним из редакторов этого сборника. Остальная часть жизнеописания Арчила, касающаяся начального периода его деятельности, является частью исторической хроники У-УП вв., оставленной другим лицом, согласно второй приписке, Джуаншером Джуаншеряни.

1) В первой приписке сказано: "Сие мученичество Арчила... написал Леонти Мровели" ("Картлис цховреба". Текст, установленный по всем основным рукописям С.Г.Каухчивили, I, Тбилиси, 1955, стр. 244); во второй: "Книгу сие мученичества его (Арчила) нашел (он; глагол в III лице ед.ч.) весьма кратко написанной, которую из-за смутных времен должным образом никто не смог написать" (стр. 248); в древнеармянской версии первой приписки нет, а во второй сказано: "Это краткое повествование (о мученичестве Арчила) было обнаружено в смутное время и было положено в книгу, которая называется "Картлис цховреба", т.е. "История Картли" / Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник (Картлис цховреба). Грузинский оригинал и древнеармянский перевод с исследованием и вокабулярем издав Н.В.Абуладзе. Тбилиси, 1953, стр.207-208/.

2) По наиболее распространенному мнению "Мученичество святого Арчила" является самостоятельным произведением, которое

в "Картлис цховреба" было внесено позднее (см., например, К.С. Кекелидзе, История грузинской письменности. I, Тбилиси, 1951, стр. 221; на груз. яз.). В последнее время А.Богверадзе высказал мнение, что это произведение является "органической частью" всей предшествующей ему части "Картлис цховреба", которая вместе с мученичеством Арчила написана одним автором, а именно Леонти Мровели (см. А.Богверадзе. "Первая летопись "Картлис цховреба" и ее автор" в сб. :Грузинская историография. I. Тбилиси, 1968, стр. 33; на груз.яз.).

В) М.Г.Джанашиви. Грузинская словесность, I, Тифлис, 1905, стр. 258.

М.Н.Землин

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕОПУБЛИКОВАННОГО ГРАММАТИЧЕСКОГО
СОЧИНЕНИЯ "М'Э'ОР 'АЙИИ"

(Рукопись ГИБ 1208 г., II Собр.Фирк.евр.П А 132, I.)

В свое время А.Гаркави допускал, что сочинение по грамматике древнееврейского языка "М'Э'ОР 'АЙИИ" ("Свечок глаза") было написано в 1208 году и что автором его был Йехуда бен Йа'аков бен Йехуда. Нам приходилось уже отмечать весьма своеобразную систему "сопряжения" глагола в этом сочинении, аналогичную системе, имевшейся у грамматиста первой половины XI в.к. Абу-л-Фараджа Харуна ибн эл-Фараджа и у Второго иерусалимского филолога. Автора "М'Э'ОР 'АЙИИ" мы поставили третьим в ряду грамматистов караимской школы (см. Семитские языки, вып. 2 (ч.2), изд. 2-ое, 1965, стр. 768-770).

Теперь можно считать установленным, что последняя глава "М'Э'ОР 'АЙИИ" включена в состав опубликованного произведения караима Йехуда ха-Дасси "Эшкёл ха-кофер" (II48г.). Эта глава "М'Э'ОР 'АЙИИ" посвящена тридцати пяти образцам имени. В сочинении "Эшкёл ха-кофер" в том же порядке перечислены те же образцы и приведены, с небольшими добавлениями, те же примеры. При этом автор "Эшкёл ха-кофер" указал, что данную главу он заимствовал из сочинения тивермедского ученого Йехуда бен 'Алана "М'Э'ОР 'АЙИИ" ("Свечок глаз"), которое до нас не дошло.

Вывод напрашивается сам собой. Если одна глава, т.е. примерно 15% всего имеющегося текста неопубликованной рукописи "Мэ'ор 'эйни", является вариантом главы утерянного сочинения "Мэ'ор 'эйнайим", то возможно, что весь текст исследуемой нами рукописи ГПБ является сочинением Йехуда бен 'Алән Тивериадского - "Мэ'ор 'эйнайим". Некоторые данные исследователей об этом тивериадском ученом нуждаются в тщательной проверке. Окончательно еще не доказано, что тремя именами - Йехуда бен 'Алән, 'Алән ('Али) бен Йехуда и Абү-Касир Йахйя ибн Закарйя - в разных источниках именуется одно и то же лицо. Но, если исходить из более или менее достоверного положения о том, что Йехуда бен 'Алән жил в Тивериаде в начале X в., то для суждения об авторстве и истинном названии "Мэ'ор 'эйни" необходимо проанализировать другие главы и разделы ленинградской рукописи и установить, могли ли они по своему содержанию (и терминологии) быть написаны в этот ранний период истории еврейской грамматики.

Сомнения вызывает первый раздел "Мэ'ор 'эйни", где имеется характеристика основных грамматических категорий: имени, глагола, служебных слов, отглагольного имени, отрезцов (моделей) слов и др. Систематичность изложения и уровень теоретических рассуждений этого раздела выше, чем в сочинениях конца IX - начала X вв. В то же время в этом разделе встречаются в большом числе весьма архаичные термины, характерные именно для этого времени, например, *נשׁוּן* - глагол, *נשׁוּן נשׁ* - отглагольное имя, *ג'לר* - множественное число *ג'לר*, *ג'לר* - определенное и неопределенное имя и др.

Раздел "Мэ'ор 'эйни", посвященный "спряжению" глагола и основанный на представлении об одно- и двусогласных корнях без учета категории породы (см. КСИНА, 86, стр. 164-177), мог быть создан в начале X в. Однако не вполне ясно, почему в сочинениях Абү-д-Фараджа Харуна количество знаков и "спряжений" меньше, чем в "Мэ'ор 'эйни", но равно количеству "спряжений" у более позднего Второго иерусалимского автора, который ссылается на Абү-д-Фараджа Харуна.

Без особых колебаний можно отнести к началу X в. раздел "Мэ'ор 'эйни" о взаимозависимости форм различных категорий глагола. Есть основания полагать, что рассуждение о взаимозависимости

глагольных форм было более ранним этапом учения о глагольных породах, заимствованного лишь позднее из сочинений по грамматике арабского языка.

Данные, имеющиеся в нашем распоряжении, допускают несколько решений вопроса об авторстве, названии и времени написания "Мё'бр 'айин": а) "Мё'бр 'айин" — самостоятельное сочинение более позднего периода, нежели начало X в., но в него включено несколько разделов из грамматики "Мё'бр 'айнайим"; б) "Мё'бр 'айин" является сочинением Йехуды бен Адана "Мё'бр 'айнайим", причем не исключено, что ко времени его переписки в 1208 году в текст были внесены какие-то изменения и дополнения. Раскрытие загадки, возникшей вокруг личности тивериадского ученого, может, в свою очередь, внести изменения в каждое из предполагаемых решений.

Если одно из этих предположений подтвердится, то, в какой-то степени, будет восстановлена история еврейской грамматики периода последних масоретов Тивериады. Как известно, тивериадские масореты (VII—IX вв.) создали систему огласовки древнееврейских текстов, которая, вытеснив все другие существовавшие в то время системы, утвердилась и существует поныне.

В.Н.Клюяков

**ДИТТОГРАФИИ ИСТОРИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ НА ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ,
ХРАНЯЩИЕСЯ В ВОСТОЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ЛГУ**

Типографское дело в Иране стало развиваться с начала XIX века, но уже через короткое время типографский способ печатания был заменен литографированием и с тех пор, на протяжении почти столетия в Иране выходили исключительно литографми. Это были книги не самые разнообразные темы, печатались как произведения поэтов и прозаиков классического периода персидской литературы, так и произведения современных авторов. Судя по сохранившимся литографиям крупными центрами персидского книгопечатания были в Иране Тегеран и Тебриз, а за рубежом в Индии — Бомбей и Лакноу, в Турции — Стамбул, в России — Ташкент.

Библиотека Восточного факультета ИГУ обладает большой коллекцией персидских литографий. До недавнего времени этот фонд не подвергался научному изучению. Только в 1964 г. студент пятого курса кафедры иранской филологии Р.Рахимов описал эту коллекцию и защитил дипломную работу на тему "Каталог персидских литографий библиотеки Восточного факультета ИГУ". В 1966/67 г. по поручению кафедры иранской филологии и библиотеки Восточного факультета я продолжил работу над этим каталогом. В каталоге зарегистрировано 659 литографий более четырехсот названий. Он разделен на 16 больших тематических разделов.

Согласно каталогу, в библиотеке имеется 61 литография исторических сочинений (45 названий). Р.Рахимов разделил их на несколько подразделов:

Всеобщая история (10 названий), История Ирана и Средней Азии (10), История Газневидов (2), История Тимуридов и Тимуридов (2), История Сефевидов (1), История Надир-шеха (8), История Каджаров (2), История бахтиаров (1), История Кермана (1), История Кума (1), История Мешхеда и Хорасана (1), История Индии (3), История Афганистана (5), История прочих стран (6).

Из средневековых произведений следует отметить Тэрих-и Табарӣ в переводе с арабского Бал ашӣ (4 части) (X в.), Тэрих-и Байхакӣ (XI в.), Тэрих-и Наминӣ Утбӣ (в переводе с арабского Абу Нерафе Дзарфадаканий) (XII в.), Раузат ас-Сафэ Мирханде (7 частей) (XV в.), Хаблб ас-Сийар Хандамйре (3 части) (XVI в.), Тэрих-и Нигаристан Ахмада Казвинӣ (XVI в.), Тузук-и Тимур (в переводе с турецкого Абу Талиба ал-Хусейнӣ) (XVII в.), Тэрих-и Адамйрә-и Аббасӣ Искандар-бана Туркманяна (XVII в.). Три исторических сочинения Мухаммада Махди-хана Астарәбәдӣ (Тэрих-и Надирӣ, Тэрих-и Джахангумә-и Надирӣ и Дурре-и Надирӣ) относятся к XVIII в.

Из исторических трудов XIX века надо упомянуть работы Мухаммад Хасан-хана и тимәд ас-Салтане Санӣ ад-Дауле Марәгӣ - Мирет ал-Буддәи-и Нәсирӣ (4 части), Тэрих-и мунтазам-и Нәсирӣ (2 части), Дурар ат-Тиджән, Матла ән-Намс, Тэрих-и Инкишәф-и Йангӣ Дунйә, Тэрих-и Фарәнсе, Риза Кули-хана Хидәйете - Адмак ат-Тавәрих, и работы Мухаммад Али-хана б. Мухаммад Хусейна Закал ал-Мулка Фуруғи - Тэрих-и мухтәсар-и Ирән и Дурре-и Надирӣ-и

Мухтасар-и Ирэн. В библиотеке хранится литография большой поэмы известного поэта XIX века Фетх Али Хана Сабб Кашанӣ - Нәханшәһ-нәме, являющейся подражанием поэме Фирдауси Нәх-нәме.

История Афганистана посвящены пять работ. Заслуживает внимания автобиография эмира Абд ар-Рахмана - Тәдж ат-Тавәрих, и произведение Султана Мухаммад-хана Дурранӣ - Тәрих-и Султани.

Три литографии касаются истории Индии: Дәстән-и Турктайи-и Хинд (автор - Насреллах-хән Даулатйәр), Тәдж ат-Тавәрих (автор - Мйрәй Мухаммад Мйрәйи Малик ал-Куттәб) и Нимән-и Хайдарӣ (автор - Хусейн Али Кирмәйи).

Наиболее ранней из литографий является книга Тәрих-и Бахтйәрӣ (автор - Абд ал-Хусейн Лисән әс-Салтанә Малик ал-Муаррихӣ), выпущенная в Тегеране в 1838 г.

Как было показано, в библиотеке хранится много ценных литографий. Если учесть, что научно-критических изданий текстов большинства исторических сочинений и произведений других жанров до сих пор не существует и с содержанием их можно познакомиться только по рукописям или литографическим изданиям, то становится ясным важность описания и изучения коллекции литографий, хранящихся в библиотеке Восточного факультета ИГУ.

Ф. Дж. Мамедова

ТЕРМИНЫ НАЪА ПЕТ И АЗГА ПЕТ В АЛУЭНСКИХ КАНОНАХ

Термины наъапет и азгапет засвидетельствованы в канонических предвадах, принятых на соборе в Алуэне в 487/88 г., который был созван царем Кавказской Албании Вачаганом II. На этих терминах основано утвердившееся в научной литературе мнение о том, что в Кавказской Албании в V в. н.э. продолжал господствовать перво-бытно-общинный строй. Анализ Алуэнских канонов заставляет усомниться в этой точке зрения.

Эти термины фигурируют в списке лиц - участников собора. Перед царем Вачаганом предстали клир и азеги, наъапеты Арцаха,

нашапет Кадакатоийа Бакур и многие другие, - говорится в преамбуле. За текстом канонов следует перечень лиц, окрепивших их печатями: "Эти постановления сделаны епископами и священниками и азатами перед царем... К этому предписанию приложили персти ырманатер, назарепет, азгапеты: Мару^т, Тирагг, Аопракос, Имафон, Бакур, Аратан, храбрый Вардан - тар Гардмана, Хурс, Германосен, Хосгеан, нашапет Широд и все азаты Албании". Данные двух списков и текст канонов показывают, что нашапеты, азгапеты, тары и азаты принадлежали к правящей верхушке - знати. Они присутствуют на соборе и вместе с царем разрабатывают и утверждают официальный документ - каноны. Реальное значение термина тар - владыка, господин, глава рода, глава страны, Нашапет (из парф. nāfa-pati) - букв. "родовладыка". То же означает и азгапет (с замещением из среднеперсидского составляющих азг и пет).

Основываясь на терминах нашапет и азгапет в тексте Алуэских канонов, С.Т.Еремян полагает, что "еще с конца V века в горных ущельях и лесистых районах страны (Кавказской Албании - Ф.М.) продолжали жить племена скотоводов и охотников, организованные в родоплеменные объединения - "азг", во главе которых находились племенные вожди - "азгапеты". Каждое племя представляло собой совокупность кровнородственных общин, во главе которых находились родовые патриархальные главы, родовладыки - "нашапеты" (Очерки истории СССР II-V вв., М., 1958, стр. 307).

Четвертый канон гласит: "Плоды от народа священникам должны быть приносимы по такому порядку: состоятельный человек вносит в пользу священника четыре грива (гармба) пшеницы, шесть гривов (гармбов) ячменя, 16 мер вина, а бедствующий дает вдвое меньше хлеба, вина же сколько может; кто не имеет пашни и виноградника (т.е. безземельный - Ф.М.), с того чтобы не брали ничего..." Согласно данному канону основным податным условием были крестьяне, которые делились на "имущих", "бедствующих" и безземельных - "тех, которые не имели пашни и виноградника".

В "Истории албев" и в Алуэских канонах (канон 5) встречается сочетание "азет и шинакан", "азаты" и "рамки". Одной из причин созыва Алуэского собора послужили "смуты-неурядицы, происшедшие между азатами и рамками". Азаты ("благородные"), как мы отметили, были светской знатью. Шинакан - крестьянами. Рамки -

понятие широкое, оно подразумевает "простонародье", "чернь". В категорию фемиков входили шинаканы, городской люд и ремесленники. Исходя из того, что основным податным сословием Албании были крестьяне-шинаканы и что светской знати - аэтам противопоставляются то крестьяне-шинаканы, то "простолудины", можно заключить, что главными производителями страны были крестьяне. Основными классами албанского общества были крестьяне-шинаканы и аэты.

Из "Истории албан" и Алуэских канонов, в частности, явствует, что термин аэт был широким термином, означал весь класс феодалов. (каноны 8,5,18,20,21). Нам представляется, что неверно осмысливать термин аэт для Албании в его изначальном смысле, т.е. как племенное объединение. В У в., когда экономической ячейкой албанского общества была малая семья, в условиях глубоко зашедшего процесса распада родовых объединений, в условиях развития феодальных отношений - в Албании не сохранилось устойчивых признаков родовых общностей, родственные группы уже не являлись организованными родовыми объединениями с различными, присущими роду, подразделениями, а представляли собой кровнородственный коллектив - агнатическую группу (следуя терминологии А.Г.Перихания). Согласно "Истории албан" термины аэт, том, зарм, тун, означавшие ранее различные родственные коллективы (племя, род), в период раннего средневековья заменяют друг друга, становятся равнозначными, относятся к одному и тому же реально существующему родственному коллективу - агнатической группе. И главное, под этими терминами засвидетельствованы в "Истории албан" агнатические группы знати. Подобно тому, как термины аэт, том, зарм, тун означают в рассматриваемый период агнатические группы, соответственно этому и термины тэр, наџапет, азџапет относятся к главам этих агнатических групп. Очевидно, что между терминами, означавшими глав этих групп, не следует видеть смысловое различие.

Термины "наџапет" и "азџапет" в рассматриваемых текстах не только этимологически, но и реально являются синонимами. В одних текстах рукописей засвидетельствованы наџапеты Арџаха и Каданка-тойџа, в других - азџапеты. Даже в одном и том же тексте Бакур назван то наџапетом, то азџапетом; Верден, тэр Гардмана, упомина-

нут в списке азгепетов. Нет оснований видеть различие между этими терминами и усматривать в азгепетах Агуэвских канонов "племенных вождей", а в наханетах - "родовых патриархальных глав кровнородственных общин" и считать, что в Албании в V в. продолжал господствовать первобытно-общинный строй.

Каков же знать представляют собой термины наханет, азгепет, тар? Для этого обратимся еще раз к рассматриваемым двум спискам и к текстам канонов. "Постановления оделаны епископами и азатами в присутствии царя", хотя в начале канонов сообщается, что эти каноны приняла царь, клир, (названы поименно) "азаты и наханеты (они же азгепеты - Ф.М.) Арцаха и наханет (он же азгепет - Ф.М.). Кайанкетойна Бакур и многие другие..." Как видим, в одном случае светская знать представлена обобщающим термином "азаты", а в другом - конкретными, специальными терминами. Следовательно, в понятие азат входит вся светская знать, включая и присутствующих на соборе наханетов-азгепетов и таров.

Следует подчеркнуть, что азгепеты и наханеты засвидетельствованы только в двух списках, как присутствовавшие на соборе и утвердившие каноны. Ни одна статья канонов непосредственно им не посвящена, светская знать именуется здесь, как было сказано, "азатами". Становится совершенно очевидным, что если господствующим классом является феодальная знать - азаты, и каноны отражают их интересы, то эти каноны не нуждаются в юридическом утверждении со стороны "племенных вождей-азгепетов" и "патриархальных родовых глав - наханетов". Следовательно термины "наханет" и "азгепет" в канолах означают феодальную знать и потому входят в понятие "азат" в широком смысле. Наханеты и азгепеты представляют собой на соборе глав феодальных патрионий.

Н.Д.Миклухо-Маклай

КНЕ РАЗ ОБ АВТОРЕ СОЧИНЕНИЯ "АДЖАНБ АД-ДУННА"

"Аджанб ад-дунна" ("Диковинки мира") - географическое сочинение на персидском языке, написанное в 20-х гг. XII в., - имеет немаловажное значение как источник для изучения истори-

ческой географии некоторых стран Востока, в особенности, северо-западного Ирана и восточного Закавказья.

Сочинение представляет определенный интерес также как одно из ранних дошедших до нас оригинальных (т.е. непереводаемых) произведений персидской географической литературы.

Пока сочинение известно только по двум рукописям (рукопись ИВ АН СССР, шифр А 258 и рукопись из коллекции Э.Брауна в Англии).

Рукопись ИВ АН СССР не содержит имени автора сочинения; возможно, что оно находилось в утраченной ныне части текста рукописи (в рукописи утеряно предисловие вместе с началом сочинения и его окончанием).

В Брауновской рукописи тексту сочинения предпослано введение. В нем автором сочинения назван некий Абу-х-Му'айнад Абу Мути ад-Балхи и указано, что сочинение было написано для Нуха ибн Мансура (саманидский правитель в 866-887/976-997 гг.). Эти данные никак не могут быть согласованы с данными, находящимися в самом сочинении, которые совершенно определенно датируют время жизни автора нашего сочинения концом XII в. и первой третью XIII в.

Поэтому введение, имеющееся в Брауновской рукописи, справедливо признается подложным.

Таким образом, вопрос об имени автора "Адхаб ад-дунья" пока остается открытым. Что же касается других собранных сведений об авторе сочинения (все они были почерпнуты пока только из рукописи ИВ АН СССР), то их можно теперь дополнить новой и важной деталью.

В одном (прежде не замеченном нами) месте (в рукописи ИВ АН СССР, А 258, л. II9а) автор сочинения упоминает (правда, не указывая имени) своего отца и называет его Мухаддис-и Табризи, т.е. "Тебризский мухаддис".

Это указание автора дает нам многое.

Прежде всего, оно полностью подтверждает правильность высказанного ранее предположения о том, что наш автор был так или иначе связан с династией Ильдегизидов (531-662/1136-1225), имевшей своим главным владением Азербайджан с центром в Тебризе.

Кроме того, мы теперь впервые получаем ответ, и притом совершенно точный, на вопрос о социальном происхождении нашего

автора. Как видим, он происходил из семьи мухаддиса, т.е. представителя очень почитаемого в мусульманском средневековом обществе сословия знатоков мусульманских религиозных преданий (хадисов).

Наконец, теперь с достаточной долей уверенности можно считать, что родным городом нашего автора был город Тебриз — обстоятельство, о котором до сих пор мы не имели никаких данных.

В заключение, думается, будет уместным предложить — до установления подлинного имени нашего автора — условно называть его "Ибн Мухаддис-и Тебризи" ("сын Тебризского мухаддиса") или просто "Ибн Мухаддис" ("сын мухаддиса") (ор. хорошо известны прозвища совершенно аналогичного характера, вроде "Ибн Факих" и др.).

Л и т е р а т у р а. Н.Д.Миклухо-Маклай. Географическое сочинение XII в. на персидском языке. Уч.записки ИВ АН СССР, т. IX, 1954, стр.175—219; С.А.Storey. Persian Literature, vol. II, part 1, L., 1958, pp.123—124, n 187.

А.Н.Рагоза

СОГДИЙСКИЕ ФРАГМЕНТЫ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО СОБРАНИЯ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР

Согдийский фонд центральноазиатского собрания ИВ АН СССР насчитывает около 150 фрагментов и состоит из материалов четырех коллекций: А.М.Кохановского, Н.Н.Кроткова, С.Ф.Ольденбурга и В.М.Реборовского. Этот фонд сложился в конце 19 — начале 20 вв. в результате русских экспедиций в Восточный Туркестан и особенно деятельности отдельных должностных лиц в Сибирязине. Русские исследования в Центральной Азии, начатые Н.Ф.Петровским и Д.А.Клеменцем, не могли успешно развиваться и расширяться в связи с недостатком денежных средств для ведения раскопок. Поэтому особое значение приобретала деятельность лиц, интересующихся историей Сибирязина и занимающих там официальное положение. Благодаря связям с туземным населением эти люди собирали

сведения о памятниках и следили за находками предметов древности, организуя их покупку. Это обстоятельство, всесторонне использовавшееся русскими научными учреждениями, объясняет то, что значительную часть центральноазиатского собрания ИВ АН СССР составляют рукописи, полученные при содействии русских должностных лиц в Китайском Туркестане.

В 1907 г. Географическое общество передало в Азиатский музей небольшое собрание древностей, полученное от врача консульства в Урумчи А.М.Кохановского. Среди рукописных фрагментов этой коллекции К.Г.Зелеман нашел и опубликовал в первом номере серии "Manichaica" 4 отрывка манихейской письменности, в том числе один согдийский. При ознакомлении с коллекцией Кохановского нам удалось найти еще 3 согдийских текста.

В собрание В.И.Роборовского входит только один согдийский фрагмент. Он был привезен из экспедиции Роборовского и Козлова в Центральную Азию (1893-1895) вместе с другими рукописями, найденными в пещере буддийского монастыря близ селения Тулк-мазар в Турфане.

Одним из наиболее деятельных собирателей древностей Восточного Туркестана был консул в Урумчи Н.Н.Кротков. В течение 1908-1912 г.г. Русский комитет по изучению Средней и Восточной Азии получал от него памятники искусства и рукописи, из которых последние передавались на хранение в Азиатский музей. В Азиатском музее, как правило, описания собраний из Центральной Азии не производились, но все же нам удалось найти краткое описание двух коллекций Кроткова, сделанных К.Г.Зелеманом. Согласно записям Зелемана, в первую коллекцию Кроткова, приобретенную Русским комитетом в 1908 г., входили в основном уйгурские тексты и 29 согдийских фрагментов.

Вторая коллекция Кроткова была подарена им в Азиатский музей в 1909 г., она включает три согдийских текста.

Материалы, присланные Н.Н.Кротковым, составляют главную массу ленинградского собрания согдийских рукописей (около 100 фрагментов).

Большое количество рукописных материалов было доставлено экспедициями, снаряженными в Восточный Туркестан Русским комитетом. Две из этих экспедиций проходили под руководством С.Ф.Ольденбурга, сыгравшего выдающуюся роль в организации исследований в Центральной Азии.

Среди неинвентаризованных материалов I-ой экспедиции Ольденбурга (1909—1910) мы нашли 17 согдийских фрагментов. Вторая экспедиция Ольденбурга (1914—1915), как известно, научала буддийские пещеры близ Дуьхуана. Среди привезенных рукописей были два больших согдийских фрагмента — отрывки сказки и сутры, изданные позднее Ф.А.Розенбергом. К собранию Ольденбурга принадлежат также 19 небольших текстов, время поступления которых в Азиатский музей выяснить не удалось.

Согдийские тексты ленинградского собрания представляют отдельные листы или, в большинстве случаев, части листов из различных рукописей нередко плохой сохранности (ветхая бумага, поустершийся текст, разрывы и лакуны). Они преимущественно невелики по размеру, самые крупные фрагменты насчитывают от 20 до 39 строк. По содержанию основная масса документов относится к двум религиозным культам — буддийскому и манихейскому. Среди крупных фрагментов имеются отрывки сутр (Sukasutra, Samghasutra, Vimbisarasutra), дхатак, буддийских сказок. Особый интерес представляет документ $SX \frac{Kf IV}{706}$, являющийся фрагментом письма правительницы Арка.

Материалом для рукописей служила главным образом бумага китайского производства. Можно выделить два основных ее вида: стандартная бумага, подкрашенная желтым, и грубая плотная бумага серого цвета. Текст наносился черной тушью. Написаны рукописи (за исключением большинства манихейских) так называемым "национально-согдийским" письмом. В собрании засвидетельствовано несколько типов почерков. Около половины фрагментов написано характерным, очень красивым почерком буддийских писцов. Другие почерка имеют с ним весьма большой диапазон расхождений — от незначительных палеографических отклонений до формы, называемой "уйгурокой".

Опираясь на работы по изучению согдийских рукописей Готье, Бенвениста, Хеннига и других, можно датировать согдийские фрагменты ленинградского собрания — 8-9 вв. н.э.

До сих пор согдийская коллекция ИВ АН СССР оставалась мало известной науке, т.к. из ее состава издано всего 8 текстов: 5 манихейских и 3 буддийских в публикациях Зелемана и Розенберга.

В настоящее время нами подготовлено факсимильное издание всех согдийских фрагментов центральноазиатского собрания. Публикация, помимо факсимиле, включает предисловие, чтение и перевод текстов (по коллекциям), лексико-грамматические примечания и глоссарий.

Введение в научный обиход ленинградской коллекции согдийских рукописей может оказаться полезным для согдийского языковедения и изучения домусульманских культур Восточного Туркестана.

В. А. Ромодина

ИСТОЧНИКИ "СИРĀДЖ АТ-ТАВĀРĪХ"

Сочинение "СирĀдж ат-таварĪх" составлено Файз Мухаммадом по зафиксированным в предисловии (стр. 2-3) указаниям эмира Хайбуллы, в соответствии с которыми были написаны четыре тома. Первые три тома, заключающие историю Афганистана 1747-1896 гг., изданы в Кабуле в 1918-1917 гг.

Источниками для географического описания Афганистана (стр. 8-9) послужили книги: "Мир'Āт аз-вазийат" Корнелиуса Ван-Дейка (см. Storey, Persian Literature, v. I, P. I, p. 163), "Джам-и Джам" В. Пиннока в персидском переводе Ферхад Мирзы и "ХайĀт-и АфĀни" ХайĀт-хана. Некоторые сведения о начале правления Ахмад-шѣха взяты из "Та'рих-и НѣдирĪ" МахдĪ-хана и из персидского перевода Истории Джона Малкольма. Более всего материала о событиях времени Ахмад-шѣха и его ближайших преемников почерпнуто из "ТарĪх-и СултĀни" (10, 18, 16-21, 27, 29, 37-38, 42, 47, 57) и "Та'рих-и АхмадĪ" (9, 18, 15-17, 21, 32-35, 38, 47, 49), кроме них использованы "ХазĪне-йи 'Аемире", рисале 'Али Кули МĪрзы и сочинения: "Сайр аз-МутѣхирĪн", "Нѣсих ат-таварĪх" и "Раузет аз-Сафѣ-йи НѣсрĪ".

Излагая события, предшествовавшие I-й англоафганской войне, и историю этой войны, автор "СирĀдж ат-таварĪх" пользовался дневником шѣха Муджи, историческим трактатом Сайида ДжамĀл-уддина АфĀни, сочинением "МухĀрабе-йи Кабул ва Кандахѣр" и

стихотворной "Акбар-наме" Хамйда Кашмирй. При описании этой войны и осады Герата 1887-1888 гг. Фейз-Мухаммад многократно обращался к "Нбсах ат-таварйх" (128-134, 144, 148-149, 171, 175-177), по которому в "Сирёдх ат-таварйх" использованы выдержки из дневника английского офицера Эйра. Изложение событий жизни и ранней деятельности будущего эмира Абдуррахмана основано на его сочинении "Паид-наме-йи Дунийа ва дйи", на текстуальные заимствования из которого встречаются указания в "Сирёдх ат-таварйх" (296). Изложение этого материала в "Сирёдх ат-таварйх" более подробно, чем в опубликованной "Автобиографии" Абдуррахмана (русс. пер. СПб., 1901, т. I).

Большинство упомянутых выше книг указано в предисловии к "Сирёдх ат-таварйх", где приводится список 16 сочинений. Как сообщает автор, он сопоставлял содержащиеся в них описания событий и отмечал имеющиеся разногласия в своей книге. Кроме того, в предисловии сообщается об использовании устной традиции и из лиц, которые передали то, что они слышали от своих отцов и дедов, а также рассказали о том, что видели сами, упомянуты следующие: сардар Мухаммад Кусуф-хън (род. в 1845 г., см. 200) - младший сын эмира Дост Мухаммад-хъна; сардар Нур 'Али-хън, сын сардара Шер 'Али-хъна Дандахърй; главный казий (при Абдуррахман-хъне, один из ближайших помощников этого эмира) - Са 'уддйн-хън. Воспоминания баракзайских сардаров довольно широко использованы при описании военных и политических событий 1888-1842 гг., в частности, отъезде Дост Мухаммад-хъна в Бухару (152-158, 157-158). Устная традиция используется далее при изложении событий 60-х - 70-х гг. XIX в. и особенно - 80 - 90-х гг.

В отличие от первых 2-х томов, имеющих в значительной степени компилятивный характер (прежде всего по истории ХУИ в.), т. II-й представляет собой летопись современных автору событий, основанную в большей своей части на разнообразных официальных документах, содержание которых приводится в пересказе, часто даются пространные выдержки из них, а иногда публикуется и полный текст. Из документов по внешней политике - прошение Махтум Кулй о принятии в подданство Мерва (388), послание хана Ханы (388), содержание письма, составленного для посла Османского правительства (796), переписка с вице-королями Индии и их чиновниками

(439, 466-467, 468, 476, II20, II29). Изложение переговоров Абдурахмана о вице-королем в Равалинди в 1884 г. (456-464) воспроизводит (с некоторыми дополнениями повествовательного характера) текст опубликованной в Кабуле в 1886 г. брошюры об этих переговорах (см. Т.И. Кухтина, Библиография Афганистана, М., 1965, № 977), составленной Мирзой Мухаммад Наби-хъном (ум. в мае 1892 г., см. 775). Описание поездки Насрулли-хана в Лондон (I064-I155), состоявшейся в апреле-октябре 1895 г., основано на записях в путевом журнале, на который имеются осылки (II45) и на письмах, которые он послал эмиру в Дабббуле (III0). Большой материал по вопросам пограничной политики включает более или менее подробные переписки фирманов, письменных распоряжений и инструкций эмира должностным лицам и их донесений: по русско-афганской границе (400-402, 450-453, 455, 478, 487, 488, 494, 825, 840, 884, 897, 936, I024, I028, I086-I087, I088, III2), по индо-афганской границе (605, 612, 680, 749 и др., особенно подробно после переговоров с Дуррандом - 939 и сл.), по афгано-иранской границе (882, 485, 498, 508-504, 580, I23I) и по границе с Китаем (II20).

Среди многочисленных документов по административным вопросам (700, 708, 771, 775-776, III5 и др.) имеется полный текст административных правил для хакимов вилайетов (762-771). Из документов, касающихся хозяйства и отчасти характеризующих социальные отношения - по внешней торговле (592, 730, 840, 880, 916, 965, I021, I038), о выдачах купцам осуд из казначейства (746), о налогах, обмерах земель и конфискациях имущества (725, 422, 780, 844, 895, 975-976, 941-942, I087) о землевладении (725, 818, 871, 920, 925, I011, I235-I236), о конфискации вакфных имуществ в диван (587). Для истории горного дела интересны данные о работе рудников в Бадахшане, о количестве добытых там лапис-лазури и других ценных минералов и свинца (736, 976, 980, I028, I026, I028, III3, III5). Заслуживает внимания геологов поступившее от геретского наместника в августе 1894 г. донесение о появлении источника нефти в русле р. Герируда около Кухсана (I026).

Для внутренней истории Афганистана большое значение имеют данные о политике эмира в отношении афганских племен и сведения о восстаниях различных племен и народностей, происходивших в 80-х - начале 90-х гг., а также о взаимоотношениях с "кафирами"

и о завоевании эмирскими войсками Кафиристана, основанные на военных донесениях.

М.Б.Руденко

НОВАЯ РУКОПИСЬ ПОЭМЫ КУРДСКОГО ПОЭТА СЕЛИМА СЛЕМАНА
"ОСУФ И ЗЕЛИХА"

До настоящего времени были известны две рукописные редакции курдской литературной версии поэмы "Осуф и Зелиха". Первая - поэма курдского поэта конца XVI-XVII вв. - Селима Слемана и вторая - неверно приписывавшаяся Александру Хаба курдскому поэту XVII в. - Харису Битлиси. Однако, уже при первом взгляде на вторую поэму можно сказать, что она вряд ли может рассматриваться как самостоятельное произведение. Сравнение текстов обеих поэм показало, что вторая поэма представляет собой лишь сокращенную и упрощенную переделку Селима Слемана.

Переделка эта состоит, с одной стороны, в опущении тех мест, которые не мешают развитию сюжетной линии (восхваление Аллаха и пророка, описание красоты, чувств и переживаний героев, лирические отступления), и, с другой стороны, - в частичной замене арабско-персидской лексики - курдской.

Близкое текстуальное сходство обеих поэм уже было отмечено нами ранее¹. Однако в то время, когда творчество Хариса Битлиси было еще не исследовано, у нас не было достаточных оснований для высказывания собственного суждения об авторстве второй версии. Теперь же, после работы над подготовленным нами изданием поэмы Хариса Битлиси "Лейли и Меджнун"² можно с уверенностью сказать, что Харис Битлиси не является автором второй версии, о чем прежде всего свидетельствует поэтический почерк этих двух поэм.

Кроме того автор не дает своего имени в тексте поэмы, как это было в традиции и как это делает Харис Битлиси в своей поэме "Лейли и Меджнун". Скорее всего автором второй версии был не профессиональный поэт, а грамотный переписчик, владевший персидским и арабским языками. Предположение это находит подтвержде-

ние в том, что в конце рукописи вместо имени автора, как это имеет место в основной версии, стоит слово **کاتب** (переписчик).

Вторая версия была создана с определенной целью - приспособить текст поэмы для чтения ее в курдских медресе³. Именно поэтому автор переделки стремится упростить язык поэмы, приблизить его к народному. С целью пояснения текста на полях рукописи даны курдские переводы отдельных арабских и персидских слов; в ряде случаев на полях выписаны инфинитивы глагольных форм встречающихся в тексте. Все это - пометы явно учебного порядка.

При последовательном сличении текста рукописей обеих версий выяснилось, что в сокращенной версии есть бейты, отсутствующие в версии Селима Слемана. Это обстоятельство позволяет предположить, что переделка осуществлена по какой-то другой редакции сочинения.

Предположение это подтвердилось, когда в 1967 г. в Ереване нам удалось увидеть неизвестный до настоящего времени исследователям фрагмент рукописи поэмы Селима Слемана,⁴ который содержит ряд строк, имеющих в сокращенной версии и отсутствующих в основной. По-видимому, переделка для медресе осуществлялась либо по той же редакции, которую мы встречаем в ереванской рукописи, либо по редакции очень к ней близкой.

Фрагмент новой рукописи содержит тридцать четыре листа размером 13 x 19; текст писан на обеих сторонах листа; на странице 10 бейтов; бейт выписан в строку. Фрагмент содержит одиннадцать глав; заголовки - на персидском языке.

Начало фрагмента (название главы): **برون اخوان يوسف را**

начало текста: **ایرومه نهمن قیام و تابک**

конец текста: **میلا وی دکه شی زمانه**

Рукопись не датирована. По палеографическим признакам - XIV-XIX вв. Имя переписчика - Меле Хусейн; место переписки - Стамбул. Почерк - четкий крупный огласованный рик'а; л.26а содержит молитву - **طعام دعائی** на арабском языке, написанную другой рукой; текст писан черной тушью; рукопись - без переплета.

Новая рукопись содержит в сравнении с основной версией (поэмой Селима Слемана) значительные добавления и разночтения. Появились ли они в результате второй авторской редакции или они принадлежат переписчику - предмет дальнейших исследований.

1) М.Б.Руденко, Описание курдских рукописей ленинградских собраний, М., ИВЛ, 1961, стр.58.

2) Харис Битлиси, Лейли и Меджнун, перевод, предисловие, примечания М.Б.Руденко, М., ИВЛ, 1965.

3) А.Хабс в своем рукописном резюме отмечает, что, "хотя сочинение Селима более изысканно, тем не менее, курдские муллы при преподавании в медресе пользуются только сочинением Хариса Битлиси" (второй версией - М.Р.). См. Описание восьми рукописей А.Д.Хабса - "Levlî û Mejnûn", рукопись ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина.

4) Рукопись составляет собственность Авдаррахмана Мамеда, привезенного ее из Стамбула. Пользуясь случаем выразить признательность его сыну - Али Авдаррахману - известному курдскому писателю, любезно предоставившему мне возможность работать над рукописью.

Т.И.Султанов

О НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКАХ "БАХР АЛ-АСРÂР"

Важным источником для истории Казахстана XV-XVI вв. является исторический труд на персидском языке среднеазиатского автора Махмуда б. Вали "Бахр ал-Асрâr Манъиб ал-Ахйâr", написанный в 40-х годах XVI века по поручению преемника бухарского хана Ийм-Кули, Нбдир-Мухаммеда.

В.В.Бартольд отмечал, что история Шайбани-хана и его преемников в "Бахр ал-Асрâr" изложена по "книжным источникам" и одним из источников Махмуда б. Вали называл "Зубдат ал-Асрâr"

Абдаллах б. Мухаммеда б. Али Насраллах, написанный на турки. (В.В.Бартольд. Сочинения. Т.Ш, М., 1965, стр. 258; Отчет о командировке в Туркестан. СПб, 1904, стр. 191).

В "Зубдат ал-Асрâr" (ркп. ИВ АН СССР, Д-104, лл. 92б-93а), написанном столетием раньше "Бахр ал-Асрâr", содержится описание неудачного похода шейбанидских султанов на орду казахского хана Кбсима зимой 1510 г. Сведения об этом же походе имеются еще в нескольких сочинениях, написанных в разные периоды.

Анонимный автор Шайбани-наме посвящает этому походу всего несколько строк (Шайбанинаме, т. I, Казань, 1849, стр. 92), так же коротко излагает это событие и Хондемир (Хабиб ас-Сийар, т. II, ч. III, Тегеран, 1271 г. х., стр. 316). Наиболее подробное описание похода Тимур-султана и Убайдулла-султана и их поражения содержится в "Тарих-и Рашиди" (рпк. ИВ АН, В-648, лл. 1356-136а), "Зубдат ал-Аср" и "Бахр ал-Аср" (фотокопия ИВ АН, ФВ-82, лл. 195а-196а).

Если сведения "Тарих-и Рашиди" несколько отличаются от других сочинений, то описание похода в "Бахр-ал-Аср" в основном совпадает с текстом "Зубдат ал-Аср" и, по-видимому, представляет собой переложение на персидский язык содержания последнего с некоторыми добавлениями и перестановками.

Отметим основные моменты совпадений. Оба автора утверждают, что поход против казахов был предпринят спустя два с половиной года после похода Шайбани-хана на Хорасан. Во главе войска находился сам Шайбани-хан, но нападение на казахского хана Касима совершили Тимур-султан и Убайдулла-султан. Шайбаниды захватили ставку Касим-хана и в течение нескольких дней праздновали победу, оставаясь в полном неведении о действиях противника. В это время Касим-хан послал для разведки некоего Муинсуз-Хасана (по "Бахр ал-Аср" Хасан-оглана) с отрядом, который близко подошел к лагерю шайбанидских войск. Неожиданное появление противника вызвало в лагере султанов панику, и в общей суматохе погибло множество людей. В числе убитых был и Канбар-мирза (по "Бахр ал-Аср" Канбар-бий), являвшийся одним из беков (по "Бахр ал-Аср" одним из эмиров) хана и правителем Балха. С разбитыми отрядами султаны в жалком состоянии присоединились к Шайбани-хану.

В этой же главе "Зубдат ал-Аср" сообщается о том, что Шайбани-хан еще до начала зимнего похода против казахов отобрал у Кучум-хана Туркестан и передал его Сайид Амику. После неудачного похода Бухара была отобрана от Убайдуллаха и передана тому же Сайид Амику, а Убайдуллах назначен правителем Хисара вместо Хамза-султана и Махди-султана.

Этот же рассказ содержится и в "Бахр ал-Аср" с той лишь разницей, что назначение Сайид Амика правителем Туркестана отмечено Махмудом б. Вали в начале описания похода.

Совпадение описаний этого похода в обоих текстах дает возможность утверждать, что основным источником при изложении событий, связанных с походом Шейбани-хана на казахов зимой 1510 г., для автора "Бахр ал-Асрар" послужило сочинение Абдаллаха "Зубдат ал-Асрар".

Другое сообщение "Бахр ал-Асрар", касающееся истории казахского ханства, относится ко времени после смерти Суйунджи-Хваджа-хана (1525 г.?, 1526 г.?). Следовательно, "Зубдат ал-Асрар", в котором изложены события до смерти Суйунджи-Хваджа-хана, не мог служить источником "Бахр ал-Асрар" при описании событий после 1526 г.

Приведенное сообщение Махмуда б. Вали о взаимоотношениях казахского хана Тохира с Шейбанидами в конце 20-х годов XVI в., не содержится в других, известных нам источниках. По-видимому, автор "Бахр ал-Асрар" при написании этой главы своего труда пользовался не дошедшим до нас или пока еще не обнаруженным сочинением.

"Бахр ал-Асрар" о Тохир-хане сообщает следующее. Тохир-хан "по причине грубости своего характера отвратил от себя сердца племен и воинов, был покинут начальниками войска и знатными людьми страны и обрелся за помощью к могуществу султана". Сын Суйунджи-Хваджа-хана, Кильди-Мухаммад-султaн согласился оказать ему помощь, и они несколько раз обменялись послами. Но, движимый неблагодарностью и непостоянством, - пишет Махмуд б. Вали, - Тохир-хан арестовал послов султана и, распавшись врата бедствия и несчастья, распустив знамя мятежа и бунта, выступил походом на владения султана. Возле границ Туркестана Кильди Мухаммад достиг казахского хана. Увидев издали войско Тохира, султaн построил свое войско. Командование правым крылом он поручил одному из своих приближенных, левым крылом - сыну Кучум-хана Абдулле-султaну, а сам занял место в центре. Тохир-хан тоже стал готовить к бою свое войско, "большая часть которого состояла из киргизов". После кровопролитного сражения Тохир-хан был разбит и с "несколькими из знатных и простых людей выбрался из водоворота несчастья и лучины смерти на берег спасения и раненый поспешил прочь". (См. Бахр ал-Асрар, рик., лл. 218в-219б).

КИТАЙСКИЕ ДОКУМЕНТЫ О ВЫДАЧЕ ЗЕРНА ПОД ПРОЦЕНТЫ
В ЭПОХУ ДИНАСТИИ ТАИ
(Из дуньхуанского фонда ЛО ИВ АН СССР)

В коллекции документов на китайском языке, хранящихся в собрании дуньхуанских рукописей Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, имеется 25 фрагментов записей, свидетельствующих о выдаче из монастырских и казенных складов зерна под проценты. По времени эти документы относятся к концу династии Тан (618-907) и к эпохе Пяти династий (907-960).

По своей схеме записей эти представляют собой документы простейшего типа, в которых в хронологическом порядке зафиксирована выдача зерна одному или многим лицам. В начале записей стоит дата, потом идут фамилия заемщика, наименование и количество выданного зерна, а также количество, которое должно быть возвращено с процентами. Затем следует поручитель ("коучэн-жэнь"), реже свидетель ("цзяньжэнь" или "чжицзяньжэнь"), а иногда и тот и другой вместе. В некоторых же записях свидетели и поручители отсутствуют, отсутствует и указание на количество зерна, которое должно быть возвращено. Последнее, по-видимому, можно объяснить тем, что для данного района существовал твердый процент, известный обеим сторонам.

У многих должников под записью, где обозначено количество зерна, которое они должны вернуть, стоит подпись. Чаще эти подписи ставились в виде крестообразных или других знаков, редко - фамильный знак. Такие же подписи ставили и поручители.

Приведем в качестве образца выдержки из некоторых фрагментов:

Дх-1451 (оп.№ 1626): 戊寅年三月七日 轄定昌便
黃麻陸斗秋柒斗樹果 (Год "у инь"
третий месяц 7 день. Хань Дин-чан взял в долг конопля 6 доу,
осень / вернет / 7 доу 8 вэй).

Дх-10270-а: 同日平康王懷遠 便粟兩碩
秋參碩 (..... в тот же день Ван Хуэй-да из

Пинкан /-сян, - название одной из деревень Дуньхуанского уезда - Л.Ч. / взял в долг проса 2 даня, осенью / вернет / 8 даня. / подпись /).

Дх-1449 (оп. № 1625): **口 頁 昌 便 粟 兩 石**
至 秋 兩 石 六 斗 口 承 弟 善 昌 (.....
Вань-чен взял в долг проса 2 даня, с наступлением осени / вернет / 2 даня 6 доу. Поручитель младший брат Вань-чен).

Дх-1432 (оп. № 1623): **程 殿 富 掌 石**
口 承 人 程 富 奴 **已 上 是 地 子 倉 麥**
(..... Чэн Вань-фу, один дань. Поручитель Чэн Фу-ку.....
Вышеозначенная пшеница из склада "дидцзи"). /"Дидцзи" - зерно, выдававшееся при династии Тан бедному населению на семена. - Л.Ч. /

Несмотря на свою фрагментарность и неудовлетворительное состояние рукописей записи дают четкое представление о том, на каких условиях предоставлялся заем. Срок возврата взятого в долг зерна обозначен осенью того же года, а потому по продолжительности (по нашим документам) он колебался от 3 до 8-ми месяцев. При этом независимо от срока процент определялся средним годовым и естественно, чем меньше был срок займа, тем относительно выше был ссудный процент.

Ссуды брали, главным образом, крестьяне, хотя были случаи, когда ими пользовались монахи, чиновники и др. Во всех случаях заем не был большим, а это свидетельствует о том, что брали их мелкие хозяева, которым, судя по ссудам, взятым за несколько месяцев до сбора урожая, не всегда хватало даже на пропитание.

Высокий ссудный процент был одной из немаловажных причин ухудшения экономического положения населения, в первую очередь крестьянства, которое и без того несло тяжелые податные и другие повинности. Поэтому Танская династия путем законодательных мер (Танхуйяо, цз. 88; Танлюдянь, цз. 6) пыталась создать ограничения ростовщичества. Был определен максимум ссудного процента и ограничен срок для роста процентов, которые не должны были превышать ссуду вдвое, т.е. не более, чем две меры за меру.

По ссудам можно было взимать от 4 до 6% в месяц, что должно было составить не более 48-72% годовых. Однако, как видно из на-

них документов, судный процент определялся не месячным, а средним годовым. Если допустить, что практика такого начисления была в Дуьхуане общепринятой, то для краткосрочных, на 3-4 месяца, суд будет характерным высоким уровнем процента, который составит норму процентных ставок в несколько раз выше (200% и более), чем это допускалось официально.

Поскольку рассматриваемые нами документы-записи представляют собой всего лишь одну из разновидностей форм отчетности, в основе которых заложена только фиксация выдачи содержимого из склада, то сделанное выше предположение о превышении норм процентных ставок может быть чисто гипотетическим. Правда, для такого суждения есть некоторые основания, а именно то, что согласно правилам начисление процентов полагалось вести из расчета в месяц, а не в год. С другой стороны, зафиксированная в наших документах твердая процентная ставка в размере 50% независимо от времени получения ссуды ограничивается сроком ее возвращения и, следовательно, не может дать ответа на вопрос, продолжал ли и в каких размерах расти процент в случае несвоевременного возвращения долга.

Нет пока никакого объяснения и тому, почему в двух документах зафиксировано 30, а не 50%. Возможно ответ на этот и другие вопросы даст имеющийся у нас фрагмент, в котором зарегистрированы задолжники и ведется перерасчет взятых ссуд. К сожалению, нижняя часть фрагмента оборвана и насколько удастся прочесть его покажет будущее.

Что касается свидетелей и поручителей, которые встречаются в наших документах, то первый, по-видимому, нес обычные функции - подтвердить при надобности факт получения ссуды, второй же, судя по опубликованным дуьхуанским заемным документам другого типа, составлявшихся в форме контрактов при займах у частных лиц, - давал гарантию, что должник никуда не исчезнет, а, если окажется неплатежеспособным, то брал на себя обязательство возместить долг.

МОГОЛЬСКО-УЗБЕКСКИЙ СОЮЗ ПРОТИВ КАЗАХОВ
В СЕРЕДИНЕ XVI ВЕКА

16-го зу-л-хиджа 939/9 июля 1533 г., возвращаясь из похода на Малый Тибет (Ладак), умер основатель государства Чагатайдов в Восточном Туркестане Султан-Саид-хан¹. Первого мухаррема 940/23 июля 1533 г.² в Яркенде на престол взошел его старший сын Абд ар-Рашид, который едва ли не в первые годы своего правления круто изменил традиционный внешнеполитический курс — союз с узбек-казахами против узбеков Шейбанидов.³ Известные в настоящее время источники не поясняют причины, вызвавших столь резкое изменение политической ориентации, а из современников хана только Мухаммад-Хайдар сообщает нам о самом факте разрыва с узбек-казахами: "От дней Эсен-Буги-хана до времени Абд ар-Рашид-хана между моголами и казахами существовали в общем дружеские отношения, но Рашид-хан вскоре порушил такое положение" (Мухаммад-Хайдар, рук., л.58а). В другом месте он замечает: "Затем он установил отношения дружбы и мира с узбек-шейбанами, что были исконными недругами (как об этом уже говорилось), и это помогло ему уничтожить узбек-казаков, что были исконными друзьями. И тем и другим узбекам Рашид-хан дал своих сестер в жены. Но поскольку узбек-шейбаны были старыми врагами, то, выдав свою сестру замуж, а это было серьезным делом, он положил конец этой вражде. Словом, объединившись в союзе с узбек-шейбанами, он совершенно разгромил узбек-казаков".⁴ Последующие события показали, что молодой хан (он родился в 915/1509-10 г.) правильно оценил конкретную обстановку, сложившуюся в том районе, в силу чего смена ориентации оказалась его удачным и стратегически верным внешнеполитическим шагом. Дело в том, что длительная борьба могольских ханов-чагатайдов и казахов против Шейбанидов не принесла успеха первым. Ведя упорную борьбу с Шейбанидами, они почти всегда оказывались в роли оборонявшихся и в результате потеряли Туркестан и Ташкент, опорные пункты на Сыр-Дарье и область Ферганы.⁵ С другой стороны, ко времени, когда бразды правления перешли в руки Абд ар-Рашида,

казахский союз в результате целого ряда внутренних неурядиц, смут и коллизий честью рассеялся и утратил свою былую силу и мощь, которой он обладал каких-нибудь десять-пятнадцать лет тому назад во времена Касим-хана (ум. 924/1518 г.)⁶ и его сына и преемника Меман-хана, когда, по словам Мухаммад-Хайдара, число казахов доходило до миллиона (Мухаммад-Хайдар, рук., л.206а).

Таким образом перед моголами со всей остротой встала проблема оказаться один на один с грозным противником, каковым являлись Шейбаниды в то время. Видимо, эта перспектива вынудила Абд ар-Рашид-хана отказаться от своих прежних союзников и заключить соглашение с "исконными врагами". Выгоды такого союза были очевидны - до известной степени ликвидировалась угроза нападения со стороны Шейбанидов, во-первых, а во-вторых, с помощью Шейбанидов появлялась возможность если не присоединить к Могольскому государству территорию северо-западной и центральной части Моголистана, где кочевали казахи со времени Эсен-Буги-хана (1434-1462), то распространить на нее свое преобладающее влияние. Отметим, что Абд ар-Рашид всегда рассматривал западную и центральную части Моголистана как свой наследственный юрт. Определенную выгоду из этого соглашения извлекали и Шейбаниды, так как при его заключении и вступлении в силу распадалась коалиция, противостоявшая и угрожавшая им на восточной границе Мавераннахра.

В настоящее время мы не располагаем прямыми сообщениями источников о точной дате заключения союза. О том, что он был заключен между Убайдаллах-ханом и Абд ар-Рашидом до 944/1537г.⁷, мы узнаем со слов очевидца и современника событий Зейн ад-дина Васифи⁸, который в своей "Реляции о победе над казахами" указывает на этот факт, сообщая, что Абд ар-Рашид-хан предложил Убайдаллах-хану объединить свои силы против казахов согласно договору и соглашению о совместных действиях, заключенному ранее у подножья перевала Ак-Богуз и скрепленному клятвой.

Союз моголов и узбеков Шейбанидов оставался реальной и действенной силой в течение последующих шестидесяти лет⁹. С его помощью Абд ар-Рашид-хан нанес еще одно поражение объединенным силам казахов и киргиз между 959-963/1551-1555гг. На этот раз

поддержку оказал ему Науруз-Ахмад-хан. Но это уже тема другого сообщения.

1) Мухаммад-Хайдар Дуглат, Тарих-и Рашиди, рук. ИВ АН СССР С 395, л. 317 б. The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlat. A history of the Moghuls of Central Asia. An English version. Edited...by M.Elias. The translation by D.Ross. London, 1895, p.446. (В дальнейшем Мухаммад-Хайдар, пер.Росса).

2) Мухаммад-Хайдар, рук. л.322б; пер. Росса, 450. Однако в первой части своего труда, окончательно заверенной в 953/1547 г. после второй части, Мухаммад-Хайдар приводит другую дату - 10 мухаррама /I августа (рук., л.98б; пер. Росса, 143).

3) При жизни Султан-Са'ид-хана этот союз был скреплен также династийным браком. Первой, а затем старшей женой его сына Абд ар-Рашида стала Чучук-ханым - младшая дочь казахского Адик-султана (впоследствии хана).

4) Мухаммад-Хайдар, рук., л.100б. По сведениям, которые мы находим у Махмуда б. Вели, Абд ар-Рашид-хан выдал замуж не своих сестер, а дочерей - Хаджи-ханым и Джалал-ханым по имени, причем обеих - за шейбанидских султанов (Бахр ал-асрар, фотокопия рук. Джурабека, хранящаяся в ИО ИВ АН СССР, л. 81а). Хайдар б. Али в своей обширной компиляции Тарих-и Хайдарӣ сообщает, что замуж за Барек-хана была выдана одна дочь Абд ар-Рашида (рук. ГИБ, ПИС 230, л. 417 б). Выше было указано, что по словам Мухаммад-Хайдара одна из сестер была выдана замуж за казахского султана. Этим султаном был Буйдан. Любопытно, что впоследствии Абд ар-Рашид вынудил его дать развод сестре (=Бади ал-Джамал-ханым), пригрозив ему смертью в случае отказа (рук., л.323б).

5) О битвах и сражениях Махмуд-хана и Ахмад-хана с узбеками из Мавераннахра см. Мухаммад-Хайдар, пер. Росса, 118 и сл. 130 и сл. Султан-Са'ид-хан уже после захвата Камгара и Яркенда дважды водил войска против узбеков. Об одном из этих походов, предпринятом в 932/1525 г. см. Мухаммад-Хайдар, рук. л.287а-288а; пер. Росса, 375-376; Бахр ал-асрар , л.217б; А.А.Семенов, Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр , МИТУСА, вып. I, Сталинабад, 1954, стр.146-147.

6) В.В.Вельяминов-Зернов, ссылаясь на Раузат ат-тәхрир (ср. рук. ИВ АН СССР С 400, л. 290в), приводит другую дату его смерти - 930/1524 г. См. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч.2, ТВОРАО, X, 1864, стр. 266.

7) Убайдаллах стал ханом всего Мавераннахра во втор. пол. 940/1583 г., а в начале 944/1587 г. силы обоих ханов выступили против казахов в исполнение договора.

8) Зайн ад-дин Васифи, Беда'и' ал-вака'и' . Крит. текст, введение и указатели А.Н.Болдырева (ПЛНВ, Тексты, Большая серия У), М., ИВЛ, 1961, стр. 1308-1328; также рук. ИВ АН СССР, В 658, лл. 431б-436а.

9) Весной 1008/1598-94 г. узбекские войска под командованием брата Абдаллах-хана вторглись в Могольское государство. Однако они не добились сколько-нибудь серьезного успеха и ушли назад.

С.М.Ахмижанов

О ВНЕШНЕМ ОБЛИКЕ КИПЧАКОВ-ПОЛОВЦЕВ

В научной литературе, посвященной истории кипчаков-половцев, особый интерес вызывает вопрос, касающийся внешнего облика этого народа, который уже отражен в самом названии "половцы". По поводу этимологии этого слова имеются различные суждения, из которых наиболее принято мнение А.Куника (1875 г.): половцы - производное от старославянского слова "плав" - солома, а отсюда "половий" - бледный, белесовато-соломенный цвет. В западноевропейских, византийских, венгерских, армянских, грузинских, китайских и арабско-персидских источниках они называются по-своему - комены, куманы, валены, плавки, хучаки, хардем, кича (цинча), ко-фу-ча, кипчаки, шары. Почти все эти названия, относящиеся к одному и тому же народу, переводятся как "желтые", "бледножелтые". Вероятно, облик этого кочевого народа настолько отличался от облика других кочевников, что те народы, которые сталкивались с ними, независимо друг от друга,

дают им одно и то же название, отмечающее светлый цвет их волос (И.Маркварт, Г.Грум-Гржимайло, Д.Расовский, Л.Гумилев, З.Анчабадзе).

Иное мнение наиболее полно сформулировано А.Пономеревым (1940 г.). Опираясь уже известными примерами, он пишет, что все свидетельства о белокурости половцев исходят из кругов, далеких от непосредственного соприкосновения с ними, и основаны на слухах, тогда как те народы и лица, которые жили в тесном соседстве с половцами, ничего не говорят об их внешних особенностях (русские и венгерские летописи, грузинские и армянские известия). Однако, когда на исторической арене вслед за половцами появляются новые кочевые племена - монголы, то и русские, и армянские, и грузинские авторы с удивлением и подробно, как-будто они впервые столкнулись с монголоидным типом лица, описывают их внешний вид. Замечательно, в этом свете, сообщение ал-Омери: "В древности это государство было страной кипчаков, но когда им завладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом они (татары) смешались и породнились с ними (кипчаками), и земля взяла верх над природными расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кипчаки". Плано Карпини, говоря о внешнем облике монголов, сообщает, что "внешний вид лица отличается от всех других людей", т.е. он не сравнивает их с кипчаками, по степям которых он проехал, прежде чем достигнуть ставки монгольских ханов. Наоборот, он отмечает, что "все, кто живет с ними (монголами) как команы, сарацины и другие стригут волосы таким же образом, но лица тех людей несхожи с лицами татар". Интересно китайское сообщение (Ганьму) о богатом лошадьми народе кича (цинча) - кичак, голубоглазый и рыжеволосый.

В какой-то мере отражают внешний облик половцев и собственные имена их ханов, которые являются, возможно, персонифицированными этнонимами. Так, имена Куман и Кубан-Кубан (упоминаются в русской летописи под 1103 и 1190 гг.) несомненно происходят от слова куба, означающее в ряде тюркских языков "бледный", "бледножелтый". Кубан/Куман - диалектные варианты одного и того же корня. На определенный цвет волос указывает и другое название половецкого хана - Шарукана, предводителя донецких

половцев; Нарукан (Сарыкан) - "желтый хан". Интересно, что сын Нарукана также носит имя, отражающее его внешний вид - Сарычан или Сарычан - "блондин", "русый". Еще два имени половецких ханов: Аклен и Акуш, по нашему мнению, отражают их внешний вид. Аклен - "белый", "беловатый", "высокий человек", Акуш/Агын - "беловатый", "молочно-белый". Ан-Нувайри сообщает о предводителе токсоба (одно из племен кипчаков - "токсобичи" русских летописей) Аккубуле, чье имя в турецких языках также означает "белый". Имеются и другие имена, отражающие внешние особенности половцев.

К сожалению, палеоантропологический материал конца I- начала II тыс. н.э. с территории, населенной кипчаками-половцами, не очень велик, но и на этом материале, благодаря исследованиям Г.Ф.Дебеца, В.В.Гинзбурга, О.Исмагулова, можно сделать заключение о расовой неоднородности и о значительной европейской примеси среди кипчаков-половцев.

Таким образом, аргументы, приводимые А.Пономаревым, вряд ли в состоянии опровергнуть мнение о европейском облике какой-то части половцев, что делает особенно острыми этногенетические проблемы, связанные с древнейшей историей этого народа.

М.В.Воробьев

НАРОДЫ ИМПЕРИИ ЦЗИНЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЧЖУРЧЖЭНЕЙ

Чжурчжэньская империя Цзинь (1115-1234) складывалась как многонациональная. Помимо самих чжурчжэней (около 10% населения), в нее входили еще три крупные народности: бохайцы (ок. 1%), кидане (ок. 2%), китайцы (ок. 87%). Все четыре народности принадлежали к разным этническим группам, находились на разных стадиях общественно-политического и культурного развития. Победители-чжурчжэни по всем этим показателям (этническому, социальному и культурному) были менее зрелыми организмами, особенно в начале, чем их подданные. Им пришлось выработать особую политику по от-

ношению к каждой из народностей, не остававшуюся неизменной на протяжении всего периода их господства.

С бохайцами у чжурчженей издавна сложились совершенно особые отношения. Отдельные племена чжурчженей жили во владениях Бохая (720-926), а после завоевания этого государства Ляо, наряду с бохайцами, стали вассалами киданей. Чжурчжэни считали бохайцев братьями по крови и по борьбе с общим врагом, но твердо заявили единоличные права на наследство Ляо, ликвидировав в III6 г. попытку бохайца Гэо Юн-чана восстановить бохайское государство. Бохайская знать первой признала цзиньскую власть. В бохайских поселках были введены привилегированные организации мэнъянь и моукэ (до II40 г.), бохайцы были освобождены (целиком или частично) от уплаты налогов, их сады и пашни превратились в образцовые в Маньчжурии, молодежь из знатных семей привлекали для службы при дворе, чжурчжэньские аристократы охотно искали себе жен среди знатных бохаек. Бохайцы, грамотные и опытные в делопроизводстве, оказались незаменимыми помощниками для чжурчженей, сначала на дипломатической арене, а потом и в центральном аппарате управления, где они занимали 5-10% командных постов. Юридически бохайцы были приравнены к китайцам, но по сути дела находились в привилегированном положении. На протяжении существования Цзинь и бохайцы сохраняли лояльность к чжурчжэням, и чжурчжэни не меняли своего неизменно благожелательного отношения к бохайцам, которые помимо всего являлись для них проводниками китайской культуры, в наиболее приемлемом для неопитов варианте.

Менее безоблачными оказались чжурчжэне-киданьские отношения. Старый антагонизм между двумя народами привел к войне III5-II25 гг. Уже в ходе войны чжурчжэни переманили на свою сторону многих киданьских вельмож и наместников с их подопечными. На присоединенных землях с II23 г. вводилась система мэнъянь и моукэ. Во время вспыхнувшей в II26 г. войны с Китаем чжурчжэни, умело играя на антикитайских чувствах, бросили киданьские войска против Сун. После окончания войны чжурчжэни стремились использовать основную массу киданей в качестве заслона против монголов на северо-западных границах империи, а превращая и служилую верхушку, имеющую опыт управления китайцами - в органах

местной и центральной администрации (доля ее участия в последней колебалась между 5-20% составе). Однако эта политика в своем осуществлении наталкивалась на ряд трудностей. Кидане не могли забыть недавней самостоятельности, они тянулись к династии Си Ляо (1132-1211), созданной их братьями, их постоянно подстрекали против Цзинь сначала южно-сунские, а потом монгольские эмиссары. В отличие от бохайцев они часто восставали. Если мелкие мятежи (1132, 1154 гг.) не оказали влияния на киданьскую политику чжурчженей, то широкое восстание 1161-1163 гг. вызвало в ней крутой поворот. Кидане стали подвергаться определенной чжурчженезации - политической и культурной. В 1163 г. мятежные киданьские мяньань и моукэ были распущены и поделены между чжурчженскими, в 1177 г. часть киданей с родного северо-запада была переселена в чуждую им Сев. Маньчжурию, киданей стали "поощрять" к заключению смешанных браков с чжурчженями, в 1191 г. запретили переводить чжурчженскую документацию на киданьский язык. С 60-х годов 12 века кидане превращаются в непризвигированное население, и впоследствии переходят на сторону монголов.

Отношение чжурчженей к китайцам отличалось наибольшей сложностью, вследствие численного, экономического и культурного превосходства последних. Определяющим в китайской политике чжурчженей являлось стремление "управлять Китаем руками китайцев". Содержание этой политики не изменялось, но форма и тактика варьировались. В период войны с Ляо (1115-1125) чжурчжени выступали как союзники Сун в деле освобождения китайцев киданьской империи. Китайцы по мере освобождения получали налоговые поблажки и управлялись двойным образом: при помощи чжурчженской системы мяньань и моукэ - в Маньчжурии, и при посредстве киданьских институтов китайского образца - в Сев. Китае. С переносом войны в сунский Китай население завоеванных областей вверялось территориальным управлениям сунского типа, подчинявшимся центральному чжурчженскому органу в Яньцине. Провинции, пограничные с южной Сун, были выделены в марионеточное государство Ци (1130-1137) с чисто китайской администрацией и традициями. Китайскому населению цзинь, кроме подданных Ци, было велено носить чжурчженские косы (с 1126 г.), одежду и головные уборы (с 1129 г.), дабы его можно было отличить от южно-сунских китайцев. В дальнейшем, в 1140 г. были распущены китайские мяньань и

моука, а после мира 1142 г. резница в управлении Маньчжурией и Сев. Китаем была постепенно ликвидирована, центральное чжурчженское правительство, территориальные управления и бюрократический аппарат реорганизованы с учетом китайских традиций, а в дальнейшем возобладал принцип единого управления для всех подданных империи. Чиновники на местах комплектовались из китайцев, даже в центральном аппарате они занимали - 25-50% мест. Правда чжурчжени стремились обеспечить за собой ключевые посты в правительстве и ввели ряд льгот для кандидатов на должности из числа чжурчженей. Китайское население допускалось к военной службе, хотя его вооружение ограничивалось. Все население провозглашалось равным перед законом. Уступка национальному принципу явственно ощущалась лишь в обычном праве. В социально-экономической сфере национальное неравенство оказалось наиболее заметным. В частную и общественную жизнь китайцев чжурчжени вмешивались лишь эпизодически. Они поощряли конфуцианство, смешанные браки, признавали китайский язык и литературу.

В центре национальной политики чжурчженей конечно находились китайцы. Чжурчженское отношение к бохайцам и киданям само определялось "китайским вопросом", намерением чжурчженей использовать эти народы в качестве союзников в управлении китайцами. Они сумели привлечь на свою сторону бохайцев и возвысили их до положения союзников. Кидане занимали сходное положение лишь до 60-х годов 12 в. В силу перечисленных причин чжурчжени не могли проводить в Китае "великодержавную" национальную политику. Попытки введения чжурчженских обычаев и одежды и провозглашение чжурчженского языка государственным были единственными "наступательными" мероприятиями на национальном фронте, а запрет смены чжурчженских фамилий на китайские, раздельное обучение и экзамены являлись мерами скорее охранительными - в обстановке засилья китайской культуры. Само принятие китайской культуры лишило национальную политику чжурчженей остроты. Но национальное неравенство в Цзинь не могло вовсе отсутствовать, так как победители и побежденные принадлежали к разным народностям. Оно ощущалось побежденными опосредствованно в военном давлении, в иноземном правлении и особенно в земельной и налоговой политике.

РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НА КАМЕННОМ ИЗВАЯНИИ ИЗ ЧОЙРЭНА

Чойрэньские курганы в 180 км к ЮВ от Улан-Батора являются, по замечанию В.А.Обручева, "последней колонией" древних могил, выдвинутых с севера в Гоби. На одном из них в 1928 г. было обнаружено каменное изваяние ("каменная баба") с древнетюркской рунической надписью. С 1929 г. изваяние хранится в Центральном Гос.музее МНР (Улан-Батор). В 1936 г. С.Е.Малов предпринял предварительную публикацию надписи, к сожалению, по неудовлетворительным фотографиям и ризоунку; хотя чтение С.Е.Малова теперь должно быть заменено, ему принадлежит оправдавшиеся догадки о характере надписи: а) надпись не имеет отношения к изваянию, которое было использовано лишь как материал для письма; б) надпись не является эпитафией. В 1962 г. надпись обследовал польский тюрколог Э.Триарский, упомянувший ее в своем отчете, а в 1968 г. акад. Римчен издал фотографию надписи, которой, однако, невозможно воспользоваться из-за плохого качества изображения.

Ввиду плохой сохранности многих знаков чтение надписи весьма затруднительно и может быть осуществлено только после тщательного визуального изучения подлинника под разными углами освещения, что и было осуществлено автором в 1968 г. Надпись состоит из 72 сохранившихся знаков в 6 строках, расположенных бустрофедоном. Начальная строка обозначена тамгами, одна из которых - родовая знак второй тюркской династии.

Приводим перевод надписи: "(1)... Государь /меня/ послал: Радуйся и иди! /он сказал/. (2) От Эльтериш-кагана (3) /вы/, Тон-бийге, (4) Тон-йиген-иркин и (5) /вы/ семь братьев не отделяйтесь же от /него/! (6) Я, Тоньюкук, / государство?/ создал (привел в порядок). За советы мне дома и загоны для скота..."

Надпись составлена Тоньюкуком, виднейшим политическим деятелем второго Тюркского каганата, в период между перемещением центра каганата в Хангай и смертью Эльтериш-кагана (687-691гг), и поэтому может быть признана древнейшей датруемой тюркской

надписью. Лексически и стилистически Чойрэнская надпись близка к большой надписи Тоньюкука (716 г.) и также отражает стремление ее автора выделить свою роль в создании тюркского государства. По основному содержанию надпись является политическим обращением к покорившимся вождям огузских племен на Хангае. Именно в связи с походом Эльтерми-кагана в Хангай, против огузов, упомянуты в Ойгинской надписи "семь мужей огузов", с которыми сразилось тюркское войско. Возможно, что предводитель одного из огузских племен, "сын иркина Йиген-чур", упомянутый в надписи Кули-чуре и в китайских источниках вместе с эльтебером уйгуров около 716 г., был сыном Йиген-иркина Чойрэнской надписи. В начале 90-х гг. X в. судьба вновь созданного государства зависела именно от позиции вождей многочисленных огузских племен, окружающих каганскую ставку; поэтому понятно стремление "первого министра" каганата заручиться их поддержкой, что ему тогда удалось. Дальнейшее изучение связей Чойрэнской надписи с комплексом орхонской эпиграфики позволит полнее реконструировать политическую обстановку в Центральной Азии к моменту становления Тюркского каганата.

А.М.Куликова

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В РОССИИ ДО 1917 ГОДА

Отечественное востоковедение - наука сравнительно молодая, однако она имеет многовековую пред историю. К сожалению, вопрос о периодизации процесса накопления знаний о Востоке, о его причинах, задачах и целях - до настоящего времени не разработан. Предлагается следующая схема периодизации дореволюционного востоковедения в России.

I. Начало знакомства русских с восточными народами теряется в глубине веков. Это знакомство оставило след в виде археологических памятников, географических терминов, языкового материала. В письменных источниках Киевской Руси встречаются сведения о вос-

точных народах. Закончить первый этап можно XVII в. Несмотря на то, что он охватывает несколько столетий, этот период можно считать единым этапом накопления первичного материала, когда интерес к Востоку не вылился в целенаправленное исследование, предпринимались лишь отдельные попытки изучения восточных языков, и это носило случайный характер.

II. Мероприятия Петра I в области востоковедения, продолженные его преемниками, позволяют считать I половину XVIII века вторым этапом востоковедения в России. Его характерной чертой является начало систематического изучения Востока. Специальные экспедиции по сбору материалов научно-востоковедческого характера и попытки планового изучения восточных языков подтверждают это положение. Первые оригинальные работы свидетельствуют о зарождении научного востоковедения в России. Однако, в этой области все предоставлялось инициативе отдельных лиц и здесь отсутствовала какая-либо система.

III. В царствование Екатерины II (1762-1796) в истории востоковедения в России отмечаются некоторые качественные изменения по сравнению с предшествующими периодами. Может быть, целесообразно выделить это время в отдельный этап (до 1804 года). По мнению советского востоковеда, "в екатерининское время была сделана попытка создать серьезную школу востоковедения"¹. Это выразилось, с одной стороны, в появлении ряда серьезных для того времени научных работ (оригинальные произведения, переводы, словари и т.д.). С другой стороны, - и это особенно важно, - был издан ряд правительственных указов², вводивших единообразие учебной системы и включавших изучение восточных языков в некоторые средние учебные заведения России. Эти меры правительства по решению вопроса о среднем образовании были большим шагом вперед в истории русской науки, в том числе и востоковедения.

IV. Начинается с важного события: 5/XI-1804 года был утвержден университетский устав - первое по времени официальное распоряжение о введении в университеты преподавания восточных языков. Тем самым была разрешена проблема организации высшего востоковедного образования в России. Главным содержанием данного этапа было развитие университетского востоковедения, в первую очередь, в Казани и Петербурге. К середине XIX века востоковедение

ние в России добились определенных результатов и были созданы предпосылки образования единого востоковедного центра.

У. Пятый этап также имеет четко выраженное начало: в 1854-1855 годах в Петербургском университете был учрежден первый в России и Европе факультет восточных языков. Централизация востоковедения, выражавшаяся в главенствующем положении созданного факультета по отношению к очагам этой отрасли науки на местах, сосредоточение в Петербурге основных книжных и рукописных собраний, оформление востоковедения, как самостоятельной науки со своими специфическими методами и задачами - таковы главные черты данного этапа. Закончить его можно 80-ыми годами XIX века - периодом, связанным с именем В.Р.Розена, благодаря многогранной организаторской и научной деятельности которого, успехи отечественного востоковедения получили признание во всем мире.

VI. На рубеже XIX и XX веков изучение Востока в России не отставало от Западной Европы, а некоторые отрасли востоковедения опережали зарубежную науку. В конце XIX - начале XX веков происходит специализация и систематизация востоковедения. Заключается этап 1917-1918 годами, когда началась перестройка до-революционной науки и создание новой школы советского востоковедения.

1) Б.М.Данциг, Из истории изучения Ближнего Востока в России - "Очерки по истории русского востоковедения", об.УИ, М., 1968, с.143.

2) ИСЗ, собрание I, т.ХI, № 15528; там же, т.ХХI, № 1642I и др.

Б.Е.Кумекон

ХОЗЯЙСТВО КИМАКОВ

На основании сведений большинства арабско-персидских источников IX-XI вв. введенных в научный оборот трудами В.В.Бартольда, И.Маркварта, В.Ф.Минорского, кимакки представляются исключительно кочевым народом, обитавшим в Прииртышье, с одним городом -

резиденцией их хакана (Тамим ибн Бахр, Ибн Хурдәдбех, Кудәма, Мас'удӣ, "Худуд ал-'алам", Гардизӣ). Эта концепция укоренилась в исторической науке. Исключение составляет работа Ф. Арслановой (1968 г.). На основании археологических данных (остеологический материал, предметы быта) Ф. Арсланова полагает, что хозяйство кимаков носило полукочевой характер.

Основу кочевого хозяйства кимаков составляло скотоводство. Скотоводство носило экстенсивный характер, что определяло большую подвижность кимаков. В поисках пастбищ они проходили большие расстояния от летовок к зимовкам и обратно. Так, согласно Махмудӣ и Гардизӣ, их зимовки достигали района Приаралья (страна гурзов), а летовки располагались в Прииртышье. Арабские и персидские источники отмечают разведение кимаками лошадей, овец, коз, коров, верблюдов (Иа'куби, "Худуд ал-'алам", Абу Дулаф, Гардизӣ, Марвазӣ, ал-Идрисӣ). Особое внимание кимакки уделяли разведению лошадей, ибо "тюрк сидел на спине лошади больше, чем на поверхности земли" (ал-Джахиз); конина предпочиталась другому мясу.

Вместе с тем, часть источников (Иа'куби, Абу Дулаф, Махмуд Кашгарский) сообщает о возделывании кимаками ряда зерновых и бобовых культур — проса, ячменя, пшеницы, гороха.

О традиционности некоторых из этих культур в кимакском хозяйстве свидетельствуют специальные термины, употребляемые кимаками для их обозначения (Махмуд Кашгарский); немаловажное место занимала в кимакском хозяйстве и охота. Наряду с облавной охотой в степях, кимакки занимались и охотничьим промыслом пушных зверей (соболь, горноста́й, лиса, кунница) в таежной зоне. Пушнина была для кимаков одним из важнейших товаров, который они поставляли иноземным купцам в обмен на соль ("Худуд ал-'алам", Гардизӣ, Марвазӣ).

Таким образом в кимакском племенном союзе можно фиксировать наличие нескольких хозяйственно-культурных укладов, связанных с преобладанием кочевого скотоводства, или земледельческого хозяйства при полуседлом скотоводстве, или промысловой охоты. Возможно, существовали межплеменная или внутриплеменная специализация, но в любом случае, утвердившееся положение об однородности хозяйства кимакков неверно.

Особое значение для анализа экономической структуры кимакского общества имеют сведения ал-Идрисӣ (XII в.), относящиеся,

по-видимому, к X - началу XI вв. Ал-Идрисī сообщает не только о земледелии, но и городской жизни у кимаков, которые имели по его сведениям 16 городов (по "Худūd ал-блaм" у кимаков кроме столицы их хакана, были селение и ставки 11 "наместников хакана" в их уделах). В этих городах существовало ремесленное производство тканей, одежды, металлических изделий. Кроме того, кимакки на территории своего расселения добывали железо, серебро и золото), выплавляли из руд металлы (ал-Идрисī описывает технологию плавки золота), доставляли их в города для ремесленной обработки. Упоминаются и кимакские купцы, вывозившие в другие турецкие страны некоторые ремесленные товары, а также рабов, захваченных во время набегов. Наряду с этим ал-Идрисī подробнее, чем другие источники говорит о земледелии у кимаков, отмечает, в частности, возделывание кимакками такой трудоемкой земледельческой культуры как рис, выращиваемый лишь на поливных землях.

Археологические работы последних лет (К. Байпаков) подтверждают наличие на территории расселения кимаков, по крайней мере, в районе оз. Алаколь, поселения городского типа, где существовало ремесленное производство, что согласуется с сообщениями ал-Идрисī. Городища IX-XI вв. в восточной части Семиречья (между р. Или и оз. Алаколь), отличающиеся от западносемиреченских, согдийских по происхождению, поселений, сравнительно невелики и расположены в районах удобных для поливного земледелия. Их тесная связь с земледельческим хозяйством несомненна. Очевидно, окончательные выводы о характере городской культуры у кимаков следует оставить до завершения археологических исследований.

Однако, и те данные, которые нам известны, свидетельствуют о сложной экономической структуре кимакского общества.

В.А.Лившиц, С.Г.Кляшторный

НОВАЯ СОГДИЙСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ МОНГОЛИИ (Предварительное сообщение)

В 1956 г. монгольский археолог Ц.Доржсурэн обнаружил в Бугут-сомоне (Архангайский аймак МНР) в комплексе погребальных соору-

жений стелу с курмивной надписью, установленную на спине каменной черепахи. Выше стела хранится в Архангельском краеведческом музее (г. Цзэцзян). По фотографиям, сделанным одним из авторов (С.Г. Кляиторым), В.А.Лившиц определил надписи на трех сторонах стелы - лицевой (БС I), правой боковой (БС II) и левой боковой (БС III) - как согдийскую.

Сохранилось около половины текста надписи, остальное уничтожено; в наибольшей степени пострадали начальные части строк (зоне эрозии, захватывающая главным образом верхнюю часть стелы). Надпись содержала не менее 82-85 строк, из них сохранились части 29 строк (19 на Б I, 5 - Б II и 5 - Б III). Последовательность частей текста: БС I - БС II - БС III. Бугучоомонская надпись является, насколько известно, вторым согдийским памятником, обнаруженным на территории МНР, причем, в отличие от Карабалгасунской надписи, она не имеет параллельной китайской версии. На четвертой, "оборотной" стороне стелы (БС IV), как можно судить по фотографиям, сохранились остатки другого текста, выполненного письмом арамейского происхождения; точное определение его остается задачей будущего (не исключено, что это также согдийская надпись, нанесенная позже).

Основная надпись начертана курмивным согдийским письмом, по вертикали (сверху вниз, счет строк - слева направо), рукой опытного резчика. Размеры и формы букв на протяжении всей надписи одинаковы (высота знаков $\approx 1,5$ см, ширина от 1 до 2 см). Палеографические особенности (в частности, начертания конечного -т), а также наличие некоторых идеограмм, известных для согдийских "Старых писем" и согдийско-буддийских памятников и не употреблявшихся, насколько это известно, в согдийских текстах в конце II в. и в III в. (например, ²HRZY "затем"), позволяют датировать надпись периодом не позднее II в.

Выводы о содержании надписи, излагаемые ниже, являются лишь предварительными. Надпись принадлежит к типу историко-дидактических, хорошо известных, в частности, по древнетюркским руническим памятникам. В ней излагаются события истории первого Тюркского каганата - об этом свидетельствуют имена каганов в сохранившейся части надписи. Судя по 1-й строке (БС I, стр.1), изложение ведется в форме ответа-поучения (...²к² w βγυ а²г

pwkxy txy wkr... "...он (?) сравнивает у господина. И вот..."). В надписи сохранился ряд имен каганов (стереотипная формула: $\beta\chi\gamma$ - имя собственное - $\gamma'\gamma'n$ "господин - ни - каган"), в том числе известных до сих пор только по китайским источникам: $\beta\chi\gamma$ mw $\gamma'n$ $\gamma'\gamma'n$ (БС I, стк. 2, где указано, что он в определенное время был "старшим" - $\gamma'wub\gamma$; БС II, стк. 3, - то же лицо?); $\beta\chi\gamma$ $\beta m'n$ $\gamma'\gamma'n$ (БС I, стк. 8); $\beta\chi\gamma$ $t\gamma r' r$ (или $t' \gamma r' r$, $\gamma u' / \gamma r' r$) $\gamma'\gamma'n$ (БС I, стк. 9); $\beta\chi\gamma$ $\gamma u z' r$ (или $\gamma u n' r$) $\gamma'\gamma'n$ (БС II, стк. 2); $\beta\chi\gamma$ mw $\gamma'n$ $\gamma'\gamma'n$ (БС II, стк. 3: $\beta\chi\gamma$ mw $\gamma'n$ $\gamma'\gamma'n$ PZY $\beta\chi\gamma$ mw $\gamma'n$ $\gamma'\gamma'n$). Не сохранились или не установлены чтения еще для нескольких имен каганов, выступавших в составе той же формулы ($\beta\chi\gamma$ $\gamma'\gamma'n$).

В надписи, возможно, упоминались и какие-то события религиозной жизни древних тюрок - в БС II, стк. 4, говорится о том, что некто стал "спасителем всего мира" ($\gamma w' n \gamma t' k' \beta e' \gamma r' \gamma w' \gamma u' n t t' w n' t$), причем "спаситель" обозначается зороастрийским термином созошьянт, хорошо известным в Авесте ($saos\gamma ant-$) и в среднеперсидских сочинениях ($s\ddot{o}\gamma uana$; $s\ddot{o}\gamma uana i s\ddot{u}t\ddot{o}mand$), где он прилагается либо к самому Зороастру, либо к жрецам и другим праведным зороастрийцам, которые будут участвовать в спасении или обновлении мира согласно представлениям зороастризма (согдийская форма слова, насколько известно, впервые представлена в надписи).

В надписи была, по-видимому, намечена хронологическая канва истории Первого каганата, при чем события датированы по двенадцатилетнему циклу (... $\gamma t\gamma$ ".....год").

Имена тюркских каганов Первого каганата, за исключением двух (Бумын и Истеми), известны только в китайской передаче, в то время как имена каганов Второго каганата известны как из китайских, так и из тюркских источников. Как установлено, тюркские и китайские наименования каганов в большинстве случаев не совпадают - китайские информаторы нередко приводят в качестве имени кагана одну из составных частей его титула.

Согдийская надпись, напротив, скорее всего отражает тюркскую систему каганских имен. Этим объясняется трудность отождествления имен из надписи с теми именами, которые известны нам только из китайских известий. Достаточно удовлетворительно

отождествляются пока лишь два имени: а) $\beta m'$ и $\gamma \gamma n$, тюрк. $\beta m'$ $qa\gamma an$, кит. Тумынь-кэхань (ум. 552 г.); б) $m\gamma \beta n$ $\gamma \gamma n$, кит. Мухань-кэхань (558-572 гг.). Общее число каганских имен в надписи не выходит за пределы числа каганов Первого каганата, что делает маловероятной возможность упоминания имен каганов второй тюркской династии.

Барельефное навершие стелы сохранилось частично. Срез не-вершия одинаков с обеих сторон, причем сделана попытка превраще-ния барельефов в скульптуру соединением их (звпрочем, незавершен-ным) на боковых гранях. Главная часть навершия - изображение вол-чицы, под брюхом которой нечетко проработанная, но несомненно человеческая фигурка. Весьма вероятно, что здесь изображена сце-на древнетюркского генеалогического мифа - кормление волчицей изуродованного врагами мальчика, который затем становится мужем волчицы, положив начало династийному роду тюрков - Амина. На стеле отсутствует родовой знак каганов второй тюркской династии (схематическое изображение горного козла). Между тем, памятник установлен на черепахе, что свидетельствует, судя по известным памятникам, о принадлежности погребенного к каганскому роду. Скорее всего, лицо, в честь которого воздвигнут погребальный комплекс, принадлежало к каганскому роду Амина, а сам памятник относится ко времени первой тюркской династии (552-630 гг.). В этот период согдийское население в восточной части каганата (территория Монголии) было достаточно многочисленно; в окружении последних двух каганов - Шиби (609-619) и Хели (620-630) согдий-цы были наиболее влиятельными советниками и администраторами тюркских государей, и не исключено, что делопроизводство велось на согдийском языке. Как свидетельствует Бугутсомонская надпись, согдийский был и языком историографов династии - явление, неиз-вестное во времена второго Тюркского каганата. Новый памятник свидетельствует, что тесный тюрко-согдийский культурный симбиоз, столь характерный для Средней Азии, не менее ярко проявляет себя в определенный период в Центральной Азии.

ГОРОДСКОЙ СТРОЙ ЮЖНОЙ АРАВИИ ВО II - IV вв. н.э.

1.0. Изучение города в древности и раннем средневековье проводится на материале античных городов: эллинистических, римских и христианских городов Римско-Византийской империи. Поэтому естественно возникает позиция генерализации особенностей античного полиса, превращения их в общие, социальные характеристики города определенной стадии развития общества.

1.1. Попытки выйти за пределы этого круга источников и культурного ареала были сделаны Н.В.Пигулевской на материале городов Южной Аравии и сасанидского Ирана. Они принесли очень значительный и богатый материал, сильно расширив круг охватываемых территорий и явлений и позволили обосновать тезис о единстве процесса развития городов на всем Ближнем Востоке, в пределах различных культурных ареалов.

1.2. Однако новая категория источников, привлеченная Н.В.Пигулевской, чрезвычайно богатая и перспективная - сирийские источники - исходят из того же римско-христианского круга и сообщают данные не столько о городах Ирана или Южной Аравии вообще, сколько о христианских общинах этих городов. Поэтому источники, восходящие к иным культурным ареалам, приобретают особое значение.

1.3. Местные источники, освещающие жизнь городов, и в Иране, и в Южной Аравии очень скудны и не позволяют дать достаточно полной картины.

2.0. В последние годы появился значительный южноарабской эпиграфический материал, позволяющий характеризовать городской строй Южной Аравии в первые века н.э. Это - серия надписей, исходящих от $\text{𐩦𐩣𐩪𐩢} / \text{𐩦𐩣} / \text{𐩨𐩣}$ "племени Саба", граждан Мариба" или упоминающих это племя: Ja 658, 785, 851; Sa 7, 8, 18; WBS 3910 и т.д.

2.1. Надписи датируются II-IV вв. н.э., т.е. временем до проникновения в Йемен монотеистических религий.

2.2. Анализ формулы $\text{𐩦𐩣𐩪𐩢} / \text{𐩦𐩣} / \text{𐩨𐩣}$ ("племени Саба", граждане (города) Мариба" и ее вариантов показывает, что она

обозначает жителей столицы сабейско-хьмьяритского государства, Мариба и его округа, конституированных в политическое объединение - городскую гражданскую общину (𐩦𐩣𐩪 - ḥgr).

2.8. Эта городская община значительно отличается от обычных для Южной Аравии территориальных сельских общин - "племен", обозначаемых тем же термином 𐩦𐩣𐩪. Она выступает инициатором создания надписей, тогда как "сельские" общины-племена (Хашид, Бакил, Сум^аай, Сухайм и др.) лишь упоминаются в надписях их правителей или владельцев - кайлей.

3.0. Надписи "племени Саба" носят посвятельный характер и обращены к 'Алмакаху. Благодарности и просьбы связаны с выпадением дождей, орошением полей и долин, сохранностью и благополучием оросительных сооружений. Тема военных походов, обычная для сабейских votивных надписей этого периода, не затрагивается.

3.1. Царский декрет к племени Саба' (RBS 3910) регламентирует куплю-продажу рабов и скота. Устанавливается ответственность продавца за жизнь проданного раба или животного на определенный срок после сделки (месяц и более). Преимущественное внимание уделено рабочему скоту - верблюдам и быкам.

3.2. В имеющихся надписях сведения о ремесленной деятельности отсутствуют. По-видимому, это объясняется характером текстов.

3.3. Основным занятием горожан несомненно являлось земледелие. Скотоводство носило подсобный характер. Регламентация торговой деятельности направлена на то, чтобы подчинить ее задачам земледелия.

3.4. Военная деятельность племени Саба', его участие в походах сабейских и хьмьяритских царей отражены в надписях иного типа - в текстах, поставленных представителями знатных родов, возглавлявшими войска города Мариба.

4.0. Характер городского строя раскрывают надписи Sh 7 и 8; они дают почти идентичные перечисления сословий, на которые делилось население города: Sh 7: кайли и совет старейшин и знать и все граждане Мариба. Sh 8: граждане города Мариба: кайли и совет старейшин и знать.

4.1. Приведенные перечни полностью совпадают с сословным делением жителей Наждрана в IV в., выявленным Н.В.Пигулевской, и с общим социальным расслоением Южной Аравии в VI в.

4.2. Кайлы представляли высший слой знати Южной Аравии, правителей или владельцев отдельных областей. Их положение в городокой организации Мариба, видимо, можно сравнить с положением сенаторов в городах поздней Римской империи.

4.3. "Совет старейшин" или сенат города составлял высший орган городского самоуправления.

4.4. "Знать", вероятно, составляла привилегированную часть населения, положение которой можно сравнить с положением курялов в городах поздней Римской империи. Отметим, что иносарабская терминология (*mr'* в собирательное "главы", т.е. "знать") точно передается сирийскими и греческими источниками VI в.

4.5. Нижний слой свободных горожан назывался *'b' l/mrb* "граждане (муж) Мариба". Этот же термин обозначает и всю совокупность граждан.

5.0. Городская община Мариба пользуется известной самостоятельностью. Она не подчинена кайлам, как сельские "племена".

5.1. Она имеет собственные войска, выступающие в походы царей под предводительством особых городских магистратов: *mr' / X' bn / sb'* "вожди племени Саба".

5.2. В сложной политической борьбе различных царских династий, происходившей в сабейско-хемьяритском государстве во II-IV вв., можно проследить особую позицию Мариба, его симпатии к одним династиям и антипатии к другим.

6.0. Аналогичную организацию, видимо, имели и другие крупные города Южной Аравии - Сирвах, Наник и Наман, Иибем в Хадрамауте и др.

6.1. Общественный строй городов Южной Аравии II - IV вв. во всех существенных чертах совпадает со строем городов Римской империи того же периода.

6.2. Это показывает, что полисный строй является не особенностью античного общества или греко-римского культурного ареала, а закономерным этапом исторического развития городов, непосредственным отражением социально-экономических отношений.

6.3. Развитие и изменение городского строя в античном обществе и вне его идет параллельными путями.

ФОРМУЛЫ "СООТВЕТСТВИЯ" И "ДЕЙСТВИЯ" В ИМПЕРАТОРСКИХ
ТИТУЛАХ ДИНАСТИЙ МИН И ЦИН

1. При изучении политической структуры того или иного общества весьма важным представляется выяснение способа соединения в нем политической власти с нормативной системой. К этой проблеме возможны различные подходы. Один из них - анализ идеологии с разделением ее на две соответствующие сферы: круг идей политической власти и нормативной системы.

2. В конфуцианстве первой идеологической сфере будет соответствовать апологетическое направление, включая сюда т.н. "императорское конфуцианство", второй - оппозиционное направление, в том числе и оппозиционное монархии направление в рамках ортодоксальной традиции.

В обоих направлениях соединение власти и нормы рассматривалось одинаково - прежде всего как соотношение миропорядка (истины) и агента действия, но решалось, разумеется, по-разному.

3. Красноречивую иллюстрацию трактовки этой проблемы в первом направлении могут дать почетные посмертные титулы императоров, т.н. "цзунь ши". "Цзунь ши" династий Мин и Цин особенно удобны в этом отношении, ибо составлены в соответствии с четким стандартом.

4. Все 24 "цзунь ши" начинаются сходными сочетаниями из 4 слов:

- 1) 開天行道
- 2) 啓天弘道
- 3) 敬天体道
- 4) 憲天崇道
- 5) 法天立道
- 6) 繼天凝道
- 7) 達天明道
- 8) 承天達道
- 9) 欽天履道
- 10) 契天隆道
- 11) 範天合道
- 12) 崇天契道

- 13) 達天闡道
- 14) 承天廣運
- 15) 應天興國
- 16) 体天隆運
- 17) 合天弘運
- 18) 敬天昌運
- 19) 法天隆運
- 20) 受天興運
- 21) 效天符運
- 22) 協天翊運
- 23) 繼天開運
- 24) 同天崇運

5) Совершенно очевидно, что начало всех "цаунь ши" составлено по одному шаблону: II и IV элемент постоянны, I и III варьируются; II элемент всегда "Тянь" - "Небо", IV - "Дао" - "Путь" для династии Мин и "Юнь" - "Движение" - для Цинь.

I и II элементы говорят об отношении между Небом и императором:

1. кай тянь - начавший (новое) Небо;
2. цзи тянь - начавший (новое) Небо;
3. цзэн тянь - почтительный к Небу;
4. сянь тянь - бравший Небо за образец;
5. фа тянь - бравший Небо за образец;
6. сун тянь - следовавший Небу;
7. да тянь - постигший Небо;
8. чэн тянь - наследовавший Небу;
9. цинь тянь - почитавший Небо;
10. цзи тянь - близкий Небу (?);
11. фань тянь - бравший Небо за образец;
12. чун тянь - почитавший Небо;
13. да тянь - см. 7;
14. чэн тянь - см. 8;
15. ми тянь - соответствовавший Небу;
16. ти тянь - воплощавший Небо;
17. хэ тянь - соответствовавший Небу;
18. цэнь тянь - см. 8;
19. фа тянь - см. 5;
20. шоу тянь - получивший (мандат) от Неба;
21. сяо тянь - подрезавший Небу;
22. се тянь - согласовавшийся с Небом;
23. сун тянь - см. 6;
24. тун тянь - единый с Небом.

6. III и IV элементы отражают роль императора в историческом развитии:

1. син дао - осуществлявший Путь;
2. хун дао - распространявший Путь;
3. ти дао - воплощавший Путь;
4. чун дао - почитавший Путь;
5. ли дао - установивший Путь;

6. нин дао - установивший Путь;
7. мин дао - постигший Путь;
8. да дао - постигший Путь;
9. лэй дао - следовевший Путем;
10. хун дао - возвысивший Путь;
11. хэ дао - соответствовавший Пути;
12. цзи дао - близкий Пути;
13. чань дао - открывший Путь;
14. гуань вэй - расширявший Движение;
15. син го - создавший государство (исключение);
16. лун вэй - возвысивший Движение;
17. хун вэй - распространивший Движение;
18. чан вэй - возвысивший Движение;
19. лун вэй - см. 16;
20. син вэй - начавший Движение;
21. фу вэй - соответствовавший Движению;
22. и вэй - способствовавший Движению;
23. кай вэй - начавший Движение;
24. чун вэй - почитавший Движение.

Таким образом четкая структура приведенных выше сочетаний дает нам возможность назвать их формулами. Первую - формулой соответствия, вторую - формулой действия.

7. Совершенно очевидно, что формулы "соответствия" и "действия" есть не что иное, как одна из возможных трактовок проблемы соотношения миропорядка и агента действия. Смысл их сводится к тому, что агент действия соотносится с миропорядком непосредственно.

8. Подчеркивая этот момент, мы вовсе не хотим сказать, что подобная трактовка выходит за рамки конфуцианства. Но необходимо отметить, что конфуцианство, как учение, то-есть как посредник между властью и истиной (мирпорядком), здесь аннигилировано. Этот момент нельзя не учитывать при определении статуса конфуцианского учения в китайском обществе.

ЙЕМЕНИТСКИЙ ХАЛИФ НА 40 ДНЕЙ

Одной из важных политических сил времени раннего халифата была группа Йеменитских племен. Племена эти претендовали на происхождение от общих Йеменских предков, переселившихся в раннее время на север. В период первых Омайядов Йемениты составляли единый (хотя и с сильно размытыми границами) политическо-племенной союз, противопоставлявший себя ма'адитам (северным арабам) и борвавшийся против них, добиваясь для своих представителей наиболее важных и выгодных постов в государстве. Политические амбиции Йеменитов хорошо выражены в приводимых ад-Мас'уди Йеменитских условиях Марвану ибн ад-Хакаму: "Им (Йеменитам) должны принадлежать приказание и запрещение, они должны председательствовать в собраниях, а всякое решение или договор должны приниматься только в соответствии с их мнением и после совета с ними" (ад-Мас'уди, Мурудж аз-захаб, Каир, II, 95).

Что же касается верховного поста в государстве, поста халифа, то в исторических хрониках и в арабистических трудах нет упоминаний о попытках Йеменитов завладеть им. Если считать, что конфликт ансаров и мухаджиров был проявлением Йеменитско-ма'адитской вражды, то создается впечатление, что со времени дня "навеса Баку Са'ида" Йемениты оставили надежду на воцарение их соплеменника над всеми мусульманами.

Между тем имеются материалы, указывающие на то, что дело обстояло не совсем так. В рукописи تاريخ 289 из бывшей ийемской библиотеки в Сан'а'е есть листок (л. 2а) со стихом из касиды с рифмой на "ра" и с шархом на него:

Хассан ибн Бахдал владел
всем халифатом, а вы были стеснены.

В комментарии говорится, что Хассан ибн Малик ибн Бахдал /Ибн Бахдал/ - глава кельбитов, а значит и всех Йеменитов Сирии, курьи халифа Му'авии I, наместник Палестины - в период междоусобия после смерти Му'авии II (64-65 гг.х.) захватил халифат, но потом передал его Марвану ибн ад-Хакаму. Приводится стих одного из кельбитских поэтов, упрекавших Марвана в неблагодарности.

Отрывок этот находится в Йеменском сборнике, содержащем "ал-Касиду ад-дамига" ал-Хамдани и ряд других также резко националистических Йеменских сочинений. Поэтому сведения, в нем содержащиеся, могут быть приняты к рассмотрению только после проверки их по более нейтральным источникам.

Сообщение о том, что Хассан ибн Бахдал был провозглашен халифом, подтверждается другими сообщениями, косвенными данными и исторической обстановкой:

1. Во время междоусобия, так же как до него и после него, Аравия и часть Ирака были в подчинении у мекканского антихалифа Абдаллаха ибн аз-Зубайра. Непосредственный противник Ибн Бахдала в Сирии — ад-Даххак ибн Кайс сначала привел народ к присяге Ибн аз-Зубайру, но потом, взяв советам своих друзей, провозгласил халифом самого себя (ат-Табари II, 473-474, Хамаса, Freytag, 318). Таким образом, объявление Ибн Бахдала халифом, если оно имело место, было бы не из ряда вон выходящим событием, а довольно обычным по тем временам явлением.

2. В поэзии того периода и в комментариях к ней можно найти материал, косвенно указывающий на то, что Ибн Бахдал был провозглашен или провозгласил себя халифом. В комментариях ат-Табари на "Хамасу" Абу Тамима рассказывается, что когда кейситы предлагали ад-Даххаку ибн Кайсу объявить себя халифом, то говорили ему: "Чем ты хуже Хассана и Ибн аз-Зубайра?" (Хамаса 318). То есть Хассан ибн Бахдал упоминается как один из уже провозгласивших себя халифами.

В стихотворении Зуфре ибн ал-Хариса (Хамаса, 318; Ансаб ал-ансраф, J, 308) Ибн аз-Зубайр и Ибн Бахдал противопоставляются как главные соперники в борьбе за власть. В комментариях к этому стиху в Хамасе говорится, что Ибн Бахдал призывал народ присягнуть то ему, то кому-нибудь другому, кого они захотят. Приводятся стихи, в которых указывается, что все люди делятся на две партии — сторонников Ибн аз-Зубайра и сторонников Ибн Бахдала (Хамаса, 319; История халифов, 96б). Партия же сторонников Марвана, по мнению комментатора, появилась как результат перехода на его сторону сторонников Ибн Бахдала.

Во всех указанных выше местах Хассан ибн Бахдал упоминается как политический деятель одного разряда с Ибн аз-Зубайром, уже давно известным в качестве самозванного халифа.

8. Наконец, в "Ансаб ал-анраф" ал-Балазури (У, 185) имеется прямое сообщение, что Хассану ибн Малику ибн Бахдалу был вручен халифат на 40 дней, а он передал его потом Марвану. Приводится и подтверждающий это стих. Книга ал-Балазури не принадлежит к сочинениям пройеменитским. Далее, сообщение это приводится со слов Аббеса ибн Хишама ал-Калби и возводится им к его деду - Мухаммаду ал-Калби. Мухаммад ал-Калби же не только был близок по времени своей жизни к событиям, связанным с присягой Марвану, но он еще и не был заражен Йеменитским национализмом и даже считал свое племя (Калб!) северо-арабским (M. Savel, *Ġamharat an-nawab*, I, 35). Из всего этого следует, что сообщение о провозглашении Хассана ибн Бахдала халифом можно с большой долей вероятности считать достоверным, так как оно подтверждается исторической обстановкой, прямыми и косвенными свидетельствами.

Используя этот вывод, можно несколько по-иному взглянуть на некоторый материал "стандартных" исторических источников. У ат-Табари (II, 474) сообщается, что во время 40-дневного совещания в ал-Джабиие, где решался вопрос о выдвигении Марвана ибн ал-Хакама в качестве общей кандидатуры омаййядов и Йеменитов на пост халифа, именно Хассан ибн Бахдал предостоя на молитве. В ал-Джабиие присутствовали все видные омаййяды, и если они допустили, чтобы Хассан выполнял функцию, которая являлась одним из атрибутов халифской власти, то это значит, что во время совещания его право на главенство признавалось всеми.

Йемениты едва ли надеялись на долгий срок удержать халифат в своих руках, но, провозгласив своего вождя халифом, они получили в руки важный козырь для политического торга. Переговоры о союзе в поддержку одного кандидата превратились в переговоры о передаче одним претендентом другому своих прав и своих сторонников. Такая постановка вопроса делала условия торга более выгодными для Йеменитов и Марван был вынужден принять их требования (ал-Мас'уди III, 95).

Эпизод присяги Марвану у ал-Мас'уди (II, 94-98) особенно ясно выглядит как передача поста от одного претендента к другому. Сначала Марвану присягнула небольшая группа его сторонников и он стал "официальным" претендентом на халифский минабар, а потом, по окончании торга-переговоров, ему присягнули "халиф" Хассан и его сторонники.

Провозглашение Хассана ибн Бахдала халифом и уступка им своих прав Марвану, несколько затронутые в поздних сочинениях, являют собой интересный образец политических акций йеменитов и еще раз показывают, как велика была их роль в решении судеб омайядского халифата.

С.М.Прозоров

ИЗ ИСТОРИИ СЛОЖЕНИЯ ИМАМИТСКОЙ ТРАДИЦИИ
В НИНИТСКОЙ ЕРЕСИОГРАФИИ
(Вторая половина VII - нач. IX в.)

1. Начало письменной традиции так называемых "умеренных нинитов" в ересиографической литературе положено трудами крупного нинитского теолога второй половины VII - нач. IX в. Абу Мухаммеда Хишма ибн ад-Хакама. Дружественные отношения с нинитскими имемами Джафером ас-Садиком (ум. в 148/765 г.) и особенно с сыном последнего Мусой ад-Казимом оказали, очевидно, решающее влияние на формирование его мировоззрения. Хишма стал пропагандистом и идеологом умеренных нинитов и создал серию полемических трактатов - опровержений противников нинитов.

Хишма сформулировал и дал дальнейшее развитие основным положениям учения умеренных нинитов об имамате - верховной власти в мусульманской общине.

Источники сообщают, что Хишма был автором одного из первых ересиографических сочинений нинитов - "Расхождения среди людей относительно имамата", которое представляло собой ранний опыт изложения внешней истории многочисленных нинитских сект и которое имамитским преданием рассматривалось как авторитетный и надежный источник.

2. Учеником Хишма и продолжателем имамитской традиции в ересиографии был Йукус ибн Абдаррахман (ум. в 208/828 г.). В нинитской литературе Йукус известен преимущественно как надежный передатчик нинитских преданий. Однако источники упоминают его и как автора полемических сочинений в защиту имамитского учения об имамате (напр., "Опровержение крайних"), и как теоре-

тики и пропагандиста шиитских догм ("Книга об имамате", "Книга дня и ночи" и т.д.).

8. Последователем школы Хишам-Идруса явился Абу Мухаммед ал-Фадл ибн Шазан ан-Нивапури (ум. в 260/874г.) - один из видных шиитских теологов умеренного толка. Автор свыше ста шестидесяти сочинений, ал-Фадл прославился своими полемическими трактатами, которые имели традиционную форму ар-радж и были посвящены опровержению различных учений противников умеренных шиитов ("Опровержения" крайних - мухаммадитов, керматов, хариджитов, хавзитов и т.д.).

Как теоретик и продолжатель письменной традиции умеренных шиитов, ал-Фадл составил несколько десятков сочинений теоретического характера, в частности "Книгу о четырех проблемах имамата", "О свойствах имамата" и др.

Полемические и теоретические труды ал-Фадла ибн Шазана послужили одним из источников информации шиитских ересиографов конца IX - начала X в.

4. В конце IX в. были составлены "Шиитские секты" - самое раннее из дошедших до нас сочинений шиитских ересиографов, написанное крупным шиитским теологом конца IX в. ал-Хасаном ибн Мусой ан-Наубахти (ум. ок. 300/912 г.). Автор сорока с лишним полемических и теоретических трудов, ан-Наубахти вошел в историю шиитской литературы как поборник и пропагандист умеренного шиитства. В "Шиитских сектах" автор с позиций умеренного шиита изложил внешнюю историю шиитских сект от времени зарождения шиитского движения в исламе до начала X в. Источников своей информации ан-Наубахти не называет, однако недавнее исследование В.Меделунга дает основание предполагать, что в основу первой части труда ан-Наубахти легло сочинение Хишам ибн ад-Хакама "Расхождение среди людей относительно имамата". Ан-Наубахти почти дословно включил в свой труд сочинение своего идейного предшественника, выступив последователем и преемником имамитской традиции в ересиографии.

Изложенная ан-Наубахти история шиитских сект дает возможность представить имамитскую точку зрения на зарождение и дальнейшую судьбу шиитского движения. В то же время это сочинение свидетельствует о сложении имамитской традиции в шиитской ересиографии.

5. Современник и единомышленник аш-Наубахти, Са'д ибн Абдаллах аш-Кумми (ум. в 801/918-14г.), автор нескольких десятков сочинений полемического и теоретико-догматического содержания, продолжил имамитскую традицию в шиитской ереснографии. Наиболее известным из его сочинений стала "Книга об учениях и сектах", полностью включившая в себя упомянутый труд аш-Наубахти и расширенная за счет привлечения дополнительных сведений из других источников и собственно авторского повествования. Примечательно, что Са'д нигде не упоминает сочинения своего предшественника. Это обстоятельство говорит о том, что Са'д ибн Абдаллах рассматривал его не как самостоятельное творение одного автора, а как свод информации, накопленной за два столетия его предшественниками и признанной имамитской традицией надежным и достоверным источником по истории шиитских сект.

С.М.Прозоров

К ВОПРОСУ ОБ ОБОЖЕСТВЛЕНИИ В УЧЕНИЯХ КРАЙНИХ ШИТОВ (ГУЛАТ) В ИСЛАМЕ В УИ в.н.э.

1. Многочисленные группировки и секты, представлявшие крайнее течение в шиитском исламе, в арабской ереснографической литературе известны под общим названием г у л а т, т.е. "крайние, придерживающиеся неумеренных взглядов". Мусульманские ереснографы считали крайними тех, кто проповедовал "неумеренные" взгляды в отношении Али ибн Абу Талиба, его потомства и всех шиитских имамов, подразумевая под "неумеренностью" прежде всего обожествление Али.

Анализ религиозно-политических представлений, приписываемых крайним шиитам, дает основание утверждать, что в УИ в. крайними (гулат) считали те группировки, секты и отдельных лиц, которые проповедовали идеи, несовместимые с точки зрения у м е р е н н ы х шиитов с догматами "истинной" веры.

2. Деятельность крайних шиитов проходила преимущественно на территории Ирака - в стране древних цивилизаций и синкретических верований. Ближний Восток, на котором издавна бытовали идеи всех времен и народов, был той средой, которая питала ду-

ховку жизнь раннего мусульманского общества. Это обстоятельство определяло нестрогу и эклектичность религиозно-политических представлений крайних шиитов.

8. Наиболее древними и популярными в Ираке были различные представления об э м а н а ц и и божественного духа или света. Одна из ранних шиитских сект, проповедовавшая учение об эманации божественного духа (р у х) и его последовательном вослении в имамов, - х а р б и т и, приверженцы Абдаллаха ибн Амра ибн ах-Харба ад-Динди.

4. Обожествление крайними шиитами своих имамов было неразрывно связано с политическими притязаниями их избранных на верховное руководство общиной - на имапат. Идея божественной сущности верховной власти находила выражение в приписании за имамами исключительных, сверхестественных свойств, которые они приобретают с получением духовного завещания от предшествующего имама. Так, му'авиты (или хариситы), приверженцы имамата Абдаллаха ибн Му'авийи, восставшего в Куфе в 744 г., проповедовали, что он стал "всезнающим имамом", в которого вселился божественный свет (я у р).

5. Потребность верующих в практическом руководстве общиной приводила к тому, что появлялись различного рода заместители (халифы), доверенные (вакил), временные исполнители (каим) новоявленных обожествляемых имамов. Идея заместительства имама - бога на земле получала дальнейшее развитие в форме посланнических и пророческих миссий. Появлялись многочисленные "пророки" (наби), "посланники" (расул), "зрета" (себ), которым с небес ниспосланы откровения (вахй, тавхид), "кути" (асеб), "доказательства" (худижа) и т.д. Например, согласно учению мансуритов, последователей Абу Мансура ад-Иджили, Аллах не прекращает посылать на землю своих "вестников", которые исполняют его повеления.

6. Претенденты на пророческую и посланническую миссии постепенно и естественно приходили к обожествлению самих себя. Характерной в этом отношении была секта х а т т а б и т о в, последователей Абу-я-Хаттаба (казнен в 762 г.). Первоначально он выступил как каим имама Джафера ас-Садика и исполнитель его духовного завещания (васий). Затем хаттабиты стали обожествлять Джафера, но после того, как последний отрекся от Абу-я-Хаттаба, они стали обожествлять своего предводителя. Они проповедовали,

что божественный дух (р у х) последовательно вселялся в имамов из потомства Али, а затем вселился в самого Абу-л-Хаттаба, которого Аллах поселил на земле в качестве "доказательства" (худжа) веры.

Му'аммариты, приверженцы торговца зерном в Куфе, Му'аммар ибн ах-Ахмара, развили учение своих предшественников - хаттабитов и проповедовали, что после Джафара божественный дух вселялся в исполнителей духовного завещания пока не вселился в Му'аммара, который стал богом.

7. По мере упрочения аббасидской династии и утраты шиитами реальных шансов на захват политической власти, их борьба направляется в русло догматических споров, которые сопровождались утверждением абстрактных религиозных идей. В конце VII в. в среде крайних шиитов получают распространение такие понятия как переселение душ, одушевление всего материального и т.д.

8. Обилие претендентов на пророческую миссию несмотря на утверждение корана, что Мухаммад - "печать пророков", распространение самых разнообразных религиозно-философских идей (идей греческой философии, христианства, зороастризма, местных верований и т.д.) - это картина трудного процесса внедрения ислама в сознание людей.

Политические победы ислама, быстрые, но поверхностные, еще не означали утверждения ислама как религиозно-философской системы.

М.Б.Руденко

О ВОЗМОЖНОЙ КОНТАМИНАЦИИ ИМЕН ХАН-АБДАЛЯ И АМИР-ХАНА -
ГЛАВАРЕЙ КУРДСКОГО ВОССТАНИЯ В ИРАНСКОМ КУРДИСТАНЕ
В 1608-1610 гг.

По свидетельству персидской исторической хроники Искандере Муни - *تاریخ عالم آرائی عباسی* (Тәрих-и 'әлем әрә-йи 'Аббәси)¹ вождем антисефевидского курдского восстания, вспыхнувшего на территории Иранского Курдистана во времена правления

шаха Аббаса, был Амир-хан - глава курдского племени брадост. Одно время Амир-хан пользовался милостью шаха Аббаса, который подарил ему улька Тергезер, Урмию и Ункую и пожаловал ханский титул. Кроме того, шах Аббас велел изготовить золотой протез для Амир-хана, потерявшего руку в одном из сражений и прозванного сначала *جلاق* (джолаг) - "калека", а впоследствии *چنگزین* (чангзерин) - "златорукий".

Обосновавшись в пожалованных ему владениях, Амир-хан выстроил там неприступную крепость на развалинах древней еще доисламской крепости Дымдым и вознамерился восстать против шаха Аббаса². К нему примкнул глава другого курдского племени - племени мукри - Абдаль-Хан. Таким образом, в вышеуказанном источнике инициатором восстания выступает Амир-хан, а Абдаль-хан только присоединяется к нему.

Между тем, в большей части обширного цикла исторических песен, сложенных на этот сюжет и известных под названием "Крепость Дымдым" и "Златорукий Хан"³, а также в их литературной обработке⁴ мы сталкиваемся с неотмеченным исследователями расхождением исторической действительности с отдельными моментами повествования (такие расхождения - явление обычное в исторических песнях и эпических сказаниях): в частности, в целом ряде курдских фольклорных вариантов (более поздних, по-видимому) и литературной версии "Крепость Дымдым" или "Златорукий Хан", главой осажденных курдов выведен не Амир-хан Златорукий, как это было в действительности, а примкнувший к нему Абдаль-хан, который в сказаниях и в литературной версии выступает главным героем событий и которому приписывается прозвище "Златорукий". По-видимому, на каком-то этапе в сознании сказителей произошла отразившаяся впоследствии и в литературной обработке сюжета, контаминация. Объяснить ее можно тем, что, вероятно, ведущую роль при защите осажденной крепости в какой-то период играл именно Абдаль-Хан, который к тому же в ходе восстания руководил борьбой наравне с Амир-ханом.⁵ Кроме того следует учесть, что Абдаль-хан возглавлял более значительное и могущественное племенное объединение - мукри, в среде которого, по-видимому, и сложились первые версии исторических песен и преданий об осаде крепости Дымдым и о подвигах Златорукого Хана.

1) Искандер Муни, Тарих-и 'Алам-Арә-йи 'Аббәси, рукопись Ленинградского Отделения Института Востоковедения, шифр №-С444.

2) Искандер Муни, цит.соч., ч.П, лл.455а-456б; Петрушевский И.П., Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в ХУП - начале ХУИ веков, Ленинград, 1949, стр. 127-128; Джалилов, О.Дж., "Курдский героический эпос "Златорукий Хан", М., 1967.

3) Курдские эпические песни-сказы, М., ИВЛ, 1962, стр. 112-135; 210-230; 242-243 (библиография); О.Дж.Джалилов, цит.соч. стр. 78-208.

4) М.Б.Руденко, Коллекция А.Д.Жаба (курдские рукописи), Труды Государственной Публичной Библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, П(У); Восточный сборник, 1957, стр. 179; М.Б.Руденко, Описание курдских рукописей ленинградских собраний, М., ИВЛ, 1961, стр. 70-71; О.Дж.Джалилов, цит.соч.стр. 67-72 (факсимиле рукописи литературной версии).

5) Там же, стр. 13.

О.И.Смирнова

ПОТОМОК ГУРЕКА НА ПРОЦЕССЕ АФШИНА

Процессом, наумевшим при халифе Мутасиме был суд 225/840г. над усрунанским афшином Хайдаром, обвиненным арабами в государственной измене, измене Исламу и в величайшей с точки зрения мусульман ереси - обожествлении личности царя. Неудивительно, что процесс Хайдара неоднократно привлекал к себе внимание исследователей истории Средней Азии.

Суд над взятым под стражу афшином происходил во дворце халифа. Обвинителем выступил везир Мухаммад, сын 'Абд ал-Малике, судьей был Ахмад, сын Да'уда.

Одним из главных свидетелей обвинения на суде был дикхан Согда ал-Марзбан, сын Тургеша, которого Табарни называет одним из его маликов (احد ملوك السغد). О последнем мы почти ничего не знаем. Известно, что Марзбан, сын Тургеша, был владельцем волости Марзбан, получившей свое название от его имени, и что вместе с другими дикханами, среди которых Истахри (и Ибн Хаукаль) упоминает бухархудата и ихшида Самарканда, он был приз-

ван ко двору халифа. Вот собственно и все, что мы о нем знаем. Эти скудные известия могут быть пополнены.

Еще в 1958 г. Р.Н.Фрай сообщил в специальной статье некоторые дополнительные данные о незаданном до сих пор арабском труде, видимо словаре (типа "Книги нисб" ас-Сам'ани), рукопись которого, принадлежащая Национальной библиотеке Парижа, переписана в XIV в.; само сочинение, как полагают, составлено в XII в. (*Melanges Fuad Köprülü, Istanbul, 1958, p.165 и сл.*).

В статье Р.Н.Фрая между прочим, надо сказать, крайне интересными извлечениями из рукописи, приведена родословная Абу Ахмада Абд ал-Азиза, которую составитель труда (или его источник) возводит к царю Согда Гуреку (710-788 гг.), причем о самом Гуреке сообщается, что он был "царем Самаркенда во время Неверия и во время Ислама (*وهو ملك سمرقند في الجاهلية و الاسلام*). Согласно этой родословной Абу Ахмад 'Абд ал-'Азиз был прямым потомком Гурека в пятом поколении. Отец Абу Ахмада, как и последний, носивший мусульманское имя Мухаммад, был сыном Марзбана, сына Трки (?)-баки, сына Кашира (?), сына Тархуна, сына Кайбранага (Байбчүра), сына Гурека, царя Самаркенда (*محمد بن مزبان بن تركش*). (*بقی بن کاشیر بن طرخون بن کنارنگ بن خورک*).

Несмотря на несомненный интерес родословной Абу Ахмада, дающей нам имена прямых потомков Гурека вплоть до его седьмого поколения, в настоящей заметке мы остановимся только на одном из них - Марзбана.

То же имя Марзбан носит, как мы видели, джхкан Согда, выступавший свидетелем в 225/840 г. на суде против афшина Хайдара. Имя отца последнего Торген в тексте Табари (как и в тексте Ибн ал-Асира) - конъектура издателя. В книге Истахри (равно и у Ибн Хаукаля) имя отца джхкана Марзбана зафиксировано в ином варианте с дополнительным слогом *ترکسفی* (*vgl. I, 291 и 323, там же разночтения к имени*). Вариант имени отца Марзбана у географа (принимая во внимание особенности арабской графики) соответствует имени отца Марзбана в родословной 'Абд ал-'Азиза. И нет сомнения, что Марзбан, сын Трки-баки (*ترکش بنی*) этой родословной, и свидетель обвинения на процессе усруманского афшина - одно и то же лицо.

Итак, в 225/841 г. на суде во дворце халифа свидетелем арабской стороны против эфинна Хайдара выступал сын преправнука Гурека, царя Согда. Именно он в исполненной драматизма обстановке суда предъявил эфинну обвинение в обожествлении личности царя. Именно он спросил Хайдара: "Как писали тебе люди твоей страны?", на что Хайдар ему гордо ответил: "Так, как писали отцу моему и деду моему". Продолжим далее словами летописца: "И сказал Марбан: Скажи. Сказал: Не скажу. И сказал Марбан: Не писали разве тебе так-то и так-то (*بكذا و كذا*) по-усрунански? Сказал: Да. Спросил: Разве это не значит по-арабски: Богу богов от раба его такого-то, сына такого-то? Сказал: Да. И сказал Мухаммад, сын Абд ал-Мадика (обвинитель) и мусульмане:... "И что осталось фараону, когда он сказал своему народу: Я господин ваш высочайший! И сказал Марбан: Для отца моего и деда моего и для меня это было обычаем народа". (Табари, II, 1311).

Что касается родословной, приведенной в неизвестном арабском сочинении, то не приходится говорить о том значении, которое она имеет для восстановления генеалогии самаркандских икхидов. Благодаря предложенному отождествлению мы теперь знаем, что Марбан, потомок Гурека в пятом поколении, присутствовал в 740 г. на процессе усрунанского эфинна, а следовательно знаем и время, когда он жил. Имя отца Марбана предстоит восстановить на основании разночтений в рукописях наших источников.

О.С.Сорокина

О ПРОНИКНОВЕНИИ БУДДИЗМА В БИРМУ (Постановка проблемы)

I. Согласно цейлонским хроникам буддизм был утвержден в Суваннабхуми (Нижняя Бирма) вскоре после III Буддийского Собора двумя монахами Соной и Уттарой. В надписях царя Пегу Дхаммачхети, воздвигнутых в 1476 г., мы находим пространный рассказ о том, как и когда в Суваннабхуми был утвержден буддизм. Согласно надписям царя Дхаммачхети это произошло через 236 лет после паринирваны, т.е. приблизительно в 308 г. до н.э.

2. Все бирманские источники, в которых нашла отражение история религии в Бирме, относятся к очень позднему периоду (первый сохранившийся памятник, в котором говорится о проникновении буддизма в долину Иравади, относится к концу 15 века). Вся жизнь бирманской буддийской общины теснейшим образом была связана с Цейлоном. Бирманская религиозная традиция - это в первую очередь цейлонская традиция. Вслед за цейлонскими хрониками бирманские буддисты утверждают, что буддизм впервые был привнесен в Бирму из Индии в 3 веке до н.э. в его южной, более ортодоксальной форме.

3. Первые сведения о раннем буддизме в Бирме мы находим в цейлонских хрониках Дипавамса и Махавамса, создание которых относится к первым векам нашей эры. В них впервые упоминается название Суваннабхуми - страны, куда была послана миссия для утверждения религии за пределами Магадхи. Обычно под Суваннабхуми понимается Нижняя Бирма, хотя в хрониках нет никаких прямых тому доказательств.

4. О миссиях, посланных III Собором, говорится не только в цейлонских хрониках, но и в более ранних Эдиктах Ашоки, непосредственно относящихся к тому времени. Однако в Эдиктах нет упоминания о миссии в Суваннабхуми (как впрочем и о некоторых других, о которых упоминают хроники).

5. Расхождения текстов Эдиктов и хроник дают основание многим исследователям скептически относиться к сведениям, имеющимся в хрониках. Но тем не менее именно хроники служат отправной точкой любого исследования по раннему буддизму в Бирме.

6. Археологические материалы, найденные в результате раскопок древних столиц, существовавших в первые века нашей эры в долине Иравади, позволяют говорить, что буддизм был распространен на территории Бирмы в первых веках нашей эры (вряд ли ранее) в двух его формах: Махаяна и Хиньяна.

Лингвистический анализ санскритских слов в бирманском языке дает право утверждать, что санскритские элементы в бирманском языке появились раньше палийских, т.е. что бирманцы были знакомы с санскритским канонам раньше, чем с палийским.

7. Начиная с 5 века на территории Бирмы заметно оживление религии. Некоторые исследователи склонны видеть в этом подтверждение существующей точки зрения, согласно которой именно к этому времени следует относить деятельность буддийского комментатора

Буддхагоши в Суваннабхуми. Однако среди историков бирманского буддизма нет единого мнения на этот счет.

8. На данном этапе мы не можем дать однозначный ответ на вопрос: какая же форма буддизма первой проникла на территорию Бирмы? Видимо проникновение Хиньяны и Махаяны происходило почти одновременно (может быть, Хиньяна несколько позже). Однако ни Хиньяна, ни Махаяна не были преобладающими течениями в раннем бирманском буддизме (об этом свидетельствуют археологические находки в районе Хземсы). Лишь в II веке Хиньяна одерживает решительную победу над Махаяной и становится государственной религией первого собственно бирманского государства.

К. Б. Старкова

КАЛЕНДАРЬ КУМРАНА И ДАМАСК

Эпоха эллинизации Востока – эпоха становления календарных систем. Зачастую пользование календарем той или иной системы скрывало под собой важное расхождение в политической или идеологической ориентации, чаще то и другое было связано между собой. Иудеи Палестины и диаспоры приняли календарь селевкидского государства луно-солярной системы, взявшей за основу 12 лунных месяцев, 354 дня в году с периодическим применением интеркаляции для выравнивания расхождений между лунными и солнечными циклами. Об этом свидетельствуют Книги Маккавеев, Кн. Иисуса сына Сирахова, Мишна и действующая по сей день календарная система иудаизма.

Апокрифы Кн. Юбилеев и Кн. Эноха изображают схему солнечного года, состоявшего из 52 недель ровно, с 4-мя сезонами по 91 дню в каждом, т.е. из 12 месяцев по 30 дней с добавлением одного дня на каждый солнцеворот – всего в году 364 дня. Преимущество такого календаря в том, что все его числа возобновляются всегда в одни и те же дни недели. В то же время он расходится с реальным солнечным годом на сутки с четвертью, что за 50 лет составит больше двух месяцев разницы. Расхождение можно

выровнять с помощью интеркаляции 85-дневного (5-недельного) месяца перед весенним равноденствием в каждые 28 лет. Напомним, что ЮНЕСКО теперь работает над проектом календаря этой системы,

Рукописи Мертвого моря не только показали в своем составе наличие фрагментов Кн. Юбилеев и Кн. Эноха, но и другие сочинения, утверждающие применение солнечного года Кн. Юбилеев в практике кумранской секты. Расписание недельных дежурств в Храме рассчитывает 26 смен вместо 24-х ортодоксального иудаизма. Похвальное слово царю Давиду приписывает ему сочинение песнопений на все дни года, сумма составляет 364. Только расхождение календарей объясняет возможность столкновения между "Праведным Учителем" и "Нечестивым Хроцом" в "День Очищения", эту "Субботу Суббот", когда погони и тяготы практически неисполнимы. Различие в календаре в первую очередь делало кумранскую организацию сектой, изолировало ее от остальных иудеев. Поэтому проблема кумранского календаря вызвала и вызывает особый интерес, в частности в пункте его происхождения. А.Жобер и С.Талмон возводят его к солнечному календарю допленного периода. Другие, например, Дрейвер, видят заимствование египетского солнечного года и усматривают в этом влияние родственной секты терапевтов.

В этой связи мы хотим обратить внимание на то, что не один Египет в ту пору применял солнечный календарь. По свидетельству Илиа б. Шинья Нисибийского (род. 975 - умер после 1049 г.), о чем он сообщает в своей "Хронологии", в Сирии задолго до распространения христианства использовался собственный календарь годичного солнечного цикла, отличавшийся от луно-солнечного календаря македонской или селевкидской эры. Здесь это несомненно восходило к действительной и очень стойкой народной традиции культа солнечного бога, столь характерного для древней и эллинистической Сирии. Вспомним, что с Сирией связаны поздние попытки объявить культ Солнца единой религией римской империи, которые были сделаны императорами сирийского происхождения Элагабалом и Аврелианом.

Дамаск связан с историей кумранской организации, будучи местом убежища Праведного Учителя и его последователей в период, когда складывалась сама община и ее идеология. Твердое следование собственной культово-этнической традиции в летосчислении в соседней с Иудеей и более близкой ей культурно, чем Еги-

пет, области, могло, по нашему мнению, оказать известное влияние на создателей и пропагандистов ессейского календаря.

Э. Я. Ханин

О РОЛИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ВОЗНИКНОВЕНИИ ДИСКРИМИНАЦИИ В ЯПОНИИ

Дискриминация отверженных представляет собой сложный комплекс различных исторических явлений социально-экономического, политического, религиозного и психологического характера. Все они настолько взаимосвязаны и взаимообусловлены, что исследователю обычно бывает чрезвычайно трудно при анализе дискриминации расчленить целое и выделить главное в нем. Смещение акцентов, часто преднамеренное, приводило к подчеркиванию лишь психологического аспекта явления, следовательно, к оправданию предрассудков и утверждению неизбежности и обоснованности дискриминации.

Опыт истории Японии, по-моему, может особенно убедительно свидетельствовать о том, что важнейшим и определяющим в явлении дискриминации отверженных был социально-экономический аспект. Этот вывод важен тем, что он отвергает тезис о неизбежности и обоснованности сегрегации отверженных, и основывается на следующих соображениях.

История современного дискриминируемого меньшинства Японии — жителей так называемых особых поселков (токусю бураку) — фактически начинается не с XVI-XVII вв., когда было создано большинство этих бураку, а на много столетий раньше: она связана с эволюцией наиболее низких социальных групп общества прошлого. Презиравшиеся социальные группы в Японии возникли уже в начальный период классового расслоения и противопоставления: это — рабы-ремесленники (сэйко) и бэмин. Реформы периода Тэйка (вторая половина VII в.) закрепили в положении презираемого и изолированного сословия пять групп так называемых "подлых" (рёко, канко, ку нухи, кэнин и си нухи), а также — дзакко и томба, куда вошли рабы, полурабы, слуги и многие объединения ремеслен-

ников. В XI-XII вв. они были постепенно заменены саидзёмоно и каварёмоно (т.е. жителями нового типа поселений - саидзё и кавара).

Изоляция первых низших групп общества в Японии и презрение к ним отчетливо и очевидно связаны с социально-экономическими и политическими процессами. Новые группы отверженных возникали на базе уже существовавших традиций, возникали новые предрассудки, и постепенно складывались условия, при которых сама дискриминация воспринималась большинством населения уже не как следствие социального деления общества, а как результат лишь врожденных, неизменных качеств части населения страны (что характерно для отношения к буракумин - жителям особых поселков), т.е. важнейшим уже казался психологический аспект данного явления.

Несмотря на то, что между последовательно сменявшимися друг друга низшими социальными группами японского общества часто не устанавливается прямая наследственная связь, мы полагаем, что все они - ступени эволюции одного явления: дискриминации. Поэтому мы можем считать, что возникновение классов с враждебными интересами создает условия и способствует формированию таких презираемых социальных групп, которые практически ставятся вне обычных юридических норм и представлений данного общества. Огромная жизнеспособность этого явления объясняется, в частности, объективными социально-экономическими и политическими потребностями общества, основывающегося на принципах неравенства, которые рассматриваются как естественные и вечные. Следовательно, важнейшим в возникновении и развитии существенного и распространенного исторического явления - дискриминации - следует признать социально-экономический процесс расслоения общества на враждебные классы.

М.Ф.Чигринский

О СТРАНЕ ЛЮЦУ И ЕЕ ОБИТАТЕЛЯХ

Письменные источники по исторической географии Тайваня скудны и недостаточны. По отрывочным данным китайских династийных историй известно, что в древности китайцы называли Тайвань

Дунти. В хронике Ханьской династии говорится, что там было "двадцать владений и еще Ичжоу и Чаньчжоу" (Хоуханьчу).

В период Суйской династии из континентального Китая на Тайвань было отправлено две военные экспедиции (607 и 608 гг.). Это позволило составить подробное описание острова, который получил новое наименование - Люцзю. Не исключено, что термин Люцзю носил собирательный характер и относился ко всей группе островов, расположенных между Китаем и Японией. В пользу этого предположения говорит также и то, что остров фигурирует в китайских источниках еще и как Большой Люцзю, в отличие от других островов Люцзю (Рюкю), которые в древние времена назывались Чунмен (Лянь Хэн). Население острова было известно как народ Люцзю и, очевидно, это название в искаженном виде *Loukia* перешло в европейскую литературу (Илгелль, Эмбо-Пар и др.).

После завоевания Тайваня малайцами (УП в.н.э.), коренное население острова в массе своей подвергалось истреблению и ассимиляции, но часть ушла в горы. Проживающие ныне в глухих горных районах острова племена возможно и являются потомками древних люцзю. В пользу такого предположения говорит тот факт, что одно из этих племен называет себя цоу (или цао), а один из кланов племени цоу известен, как *i'hatou*, что близко по созвучию люцзю. Кроме того цоу имеют язык, обычаи и социальный строй, отличный от других племен острова (Невский).

В старом китайском источнике "Дунчжоуцзэнгао" дана характеристика жителей Тайваня и сказано, что Тайвань это "фаньдао" (Чужеземный остров), а люцзю являются ответвлением от Хала (Кэла). Их близкий сосед Япония, а далекий - Лусон. Острова Панку - внешняя линия обороны. Добираются люцзю до Наньйюдао (Лянь Хэн). Наиболее подробные данные о люцзю сообщает Суйская хроника ("Суйшу") - единственный источник по социальному строю и этнографии древних обитателей Тайваня.

Судя по данным этой хроники, разложение первобытно-общинного строя зашло у люцзю довольно далеко. Власть племенного вождя и военачальников была достаточно велика. Вождь люцзю Хуан Си-ши сосредоточил в своих руках высшие военные, юридические и административные функции. Местонахождение вождя - пещера Болотань. Там же находился и его дворец. Резиденцию Хуан Си-ши окружали три линии рвов, наполненных проточной водой и обнесённых

честоколом. Дворец состоял из шестнадцати комнат, стены которых украшались изображениями птиц и животных. Трон вождя был стилизован под изображение зверя. Хуан Си-ши имел свиту в несколько десятков человек. Одна из обязанностей свиты - носить вождя на руках. Таким образом Хуан Си-ши пользовался всеми атрибутами высшей власти. Однако, нет указаний на наследственный порядок правления, что особо подчеркивает "Суйшу", где о Хуан Си-ши говорится, что "никто не знает, откуда он появился и есть ли у него потомки". Вождю подчинялось 4 или 5 военачальников, а им в свою очередь - командиры воинских подразделений, расположенных в пещерах острова. Те и другие назначались из числа самых искусных и опытных воинов.

Особенность страны Люцэ - наличие двух типов поселений: пещер, где постоянно находились отряды воинов и обычных крестьянских поселений. Жители этих деревень выбирали старост, руководствуясь, прежде всего, их военным опытом. О воинственности люцэ и некоторых их обычаях "Суйшу" сообщает: "Люди этой страны любят нападать друг на друга... Они храбрые, сильные, прекрасные ходоки, храбро умирают и терпеливы при ранениях... Каждая пещера составляет воинское подразделение. Они не помогают друг другу. Когда воины двух пещер противостоят друг другу, храбрецы - трое или пятеро - выпрыгивают вперед, кричат и бранят друг друга, а потом нападают. Если никто не одолевает, то оба войска уходят и посылают людей принести извинения противнику. Все мирно улаживается, а затем подбирают павших врагов и съедают. Потом оставшиеся скелеты относят к резиденции вождя, и тот жалуется отличившихся воинов головными уборами из костей убитых противников и назначает их начальниками военных отрядов".

Говоря об общественном устройстве люцэ, китайцы подчеркивают, что у них нет никаких налогов и запасов... Нет разделения на государя и подданных, высших и низших, нет определенных правил поклонения. Сын и отец спят на одной лежанке. Следовательно, несмотря на усиление власти племенного вождя, государственный аппарат у люцэ еще не сложился. Судебного законодательства у островитян не было. Преступника судили односельчане, а приговор выносил староста деревни. Если осужденный не соглашался с приговором, то его судьбу решал вождь. Заключение сидели не в тюрьмах,

а в ямах. Приговоренному к смертной казни протыкали макушку железным прутом, впрочем, к смертной казни, прибегали редко. За легкое преступление наказывали палкой.

Основным занятием жителей Тайваня было земледелие, преимущественно подсечное. После выжигания участка проводилась вода для орошения. Для обработки земли пользовались палками с каменными наконечниками. Лишь выращивали рис, просо, клейкое просо, бобы. Соль добывали выпариванием морской воды в деревянных корытах. Напитки делали из сока деревьев, но особенно ценилось вино из рисовой муки.

Поскольку Тайвань беден железом и лишь приходилось восполнять его нехватку костью и рогом, то их оружие было несколько своеобразно: ножи и клинки имели тонкие лезвия и дополнялись костью и рогом. Доспехи делались из шкур медведей, барсов и волока рами.

Религиозные обычаи были связаны с поклонением духам гор и моря и с культом предков. Жертвы приносили вином, рыбой, а также воинами, павшими в битве. Тело погибшего помещали в специальный маленький домик, находившийся в зарослях, либо подвешивали на дереве и пускали в него стрелы. Кроме того, сообщает "Суйшу", — они складывают камни в виде шатра, который и почитают как духа-покровителя. Они любят когда под стеной жилища их правителя накапливается много человеческих скелетов. У простых людей над воротами дома устанавливается череп рогатого животного. Об их похоронных обычаях и обрядах узнаем следующее: "Родственника, умершего по болезни, выносили обычно во двор, где домочадцы и близкие его оплакивали. Обмыв тело, его обвязывали камышом и хоронили в земле, принадлежавшей роду, не делая сверху холма... Сын после смерти отца несколько месяцев не ест мяса. В южных районах острова было широко распространено трупоедство. Труп съедали родичи и друзья покойного".

Брачные отношения не были строго регламентированы. Из суйской хроники известно, что мужчина и женщина могли составить семейную пару и до свадьбы. В приданое давали жемчуг и раковины. Свадебное угощение состояло из вина и рыбных закусок. После родов, женщина съедает плаценту, а затем она "прижигает себя огнем

огнем до выступления нота и через пять дней все у нее приходит в порядок".

Сохранилось описание внешнего облика этих людей. У них были глубоко сидящие глаза и длинные носы. "Похожи они, примерно, на северных варваров".

Женщины с помощью туши татуировали руки узорами звездной формы. Мужчины удаляли волосы на лице и на теле. Островитяне делали одежду и головные уборы из полотнищ белой материи, изготовленной из древесной коры и шерсти. Женщины носили белые турбаны, а многие головные уборы из птичьих перьев, предпочтительно красного цвета. Они любили украшения из жемчуга и раковин. На пирах все пили вместе из одной чаши; это напоминало современникам-китайцам: тарок. Картику пира суйский автор рисует следующим образом: "Будя пира, то каждый, взяв вино сначала идет, когда выкрикнут его имя, а потом пьет. Подносящий вино всегда выкрикивает его имя... Когда пьют, топает ногами. Один поет, все вторят, а звуки по большей части скорбные". Во время танцев мужчины кледи руки на плечи женщинам, а те танцевали покачивая в такт руками.

Письменности яшшо не знали.

В 608 г. китайский флот высадил десант на Тайване и государство Яшшо подверглось полному разгрому. Малайское наместие окончательно изменило этническую картину острова и упразднило самостоятельное государство на Тайване.

К.Н.Давыдкин

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ИМЕНИ "ПАВЛИКΙΑΝΗ"

В научной литературе, посвященной павликианству, происхождение имени еретиков трактуется весьма разноречиво, тогда как в первоисточниках содержится недвусмысленная точка зрения на этот предмет. Несколько поколений ученых опровергали и опровергают воззрения византийских авторов, стремясь постичь присущий их сведениям якобы тайный смысл. Между тем, анализ совокупности

данных, относящихся к наименованию "павликиане", показывает всю несостоятельность подобного гиперкритицизма.

1. Прежде всего важно отметить, что павликианами сектантов называли их противники, сами же они звали себя христианами. По-видимому, здесь оказалось убеждение в том, что именно они, объявленные еретиками, суть носители и хранители истинного христианства, в то время как противники, "ромей", изменили его принципам. Наставшая на том, что они "христиане", еретики столь же решительно отвергали имя "павликиане", усвоенное им противниками. Однако, под этим именем они стали широко известны и на Востоке, и на Западе.

2. В греческих текстах это наименование встречается в форме *πδυλικιδνος*, с ударением на последнем или предпоследнем слоге. В армянских же памятниках большое разнообразие форм и написаний: павликесан-к, пайликесан-к, пбйликесан-к, парликесан-к, пбйликесан-к, пойликесан-к, полликесан-к. В армянском наименовании выделяется корень *павк*, уменьшительно-уничжительный суффикс *-ик* и суффикс принадлежности *-сан*. Это наименование восходит к армянскому собственному имени "Павлик (Пбйлик)", а греческая форма, как полагают, является транскрипцией армянской. Памятуя, однако, что восточные имена отражаются в греческом чаще всего искаженно, а *πδυλικιδνος* очень точно соответствует своему предполагаемому оригиналу, следует допустить, что мы имеем дело с греческим образованием на основе греческой формы армянского собственного имени. Имена на *-ик* образуются с помощью окончания *-ιος*, независимо от того, является ли *-ик* коренным (Гагик - *Γαγκικιος*) или суффиксальным (Григор - *Κρικωρικιος*). В данном случае мы вправе ожидать оформления в виде *πδυλικιος*, откуда закономерное *πδυλικιδνος*. В таком случае исходной надо полагать форму павликесан-к (пбйликесан-к), род.п. множ. ч. павликесан-ц (пбйликесан-ц). Опушение адъективного качества этого слова в армянском было вскоре утрачено, и это обусловило склонение по иной модели, например, *кесан-к* - *кесан-ац*. Пайликесан-к - диалектная разновидность с перебоем *р/п*, к ней восходит арабск. *البليانة*, *البليانز*. Латинские источники сохранили транскрипцию греческого имени *pauliciani*, *pauliciani*, а также переосмысленную форму *publicani* (*populicani*, *publicani*, *poplicani*).

3. Выказывалось мнение, что еретиков называли павликианами по имени ап. Павла. Действительно, еретики всемерно почитают Павла, их руководители принимают имена учеников апостола, а павликианские общины зовутся так же, как и церкви, основанные Павлом. Однако, достаточно вспомнить, что интересующее нас наименование было присвоено еретиком их противниками, сами же они решительно отвергали это имя - как станет ясно, что оно восходит к другому Павлу.

4. Позитивные данные о происхождении имени павликиан сохранились у Петра Игумена и у Петра Сицилийца. У жительницы Самосоты Армянской (Аршамаата) монахини Каллиники было два сына - Павел и Иосан. По наущению матери они стали проповедывать новую ересь. По имени сына Каллиники Павла Самосатского монахиня, принявшие новое учение, стали зваться павликианами. Этот рассказ передает также и Фотий, но предлагает и другие версии: 1) поначалу павликиане звались *Παυλοῦ κληρικοί* (по имени двух сыновей Каллиники); 2) павликиане стали зваться так по имени армянина Павла, отца Гегнесия и Феодора (конец VII в.). Обе версии подсказаны стилистической неточностью Петра Сицилийца и должны быть оставлены.

5. Некоторые средневековые авторы отождествляли Павла, сына Каллиники, с Павлом Самосатским, антиохийским епископом II в. н.э., осужденным за ересь. Эта точка зрения воспринята и рядом современных ученых. Анализ соответствующих выдержек показывает, что это воззрение является домыслом средневековых писателей, которые не располагали никакой дополнительной информацией и руководствовались сходством имен. Между ересью антиохийского епископа и павликианством нет ничего общего.

6. Павел, сын Каллиники, - лицо историческое, он упомянут не только в нарративных источниках, но и в официальной формуле отречения от павликианства. Предавая этого Павла (наряду с Мели) анафеме, павликиане никак не отрицали его существования. Петр Сицилиец прямо или косвенно пользовался данными источника, разработанного и апробированного самими павликианами. Из этого источника исключалось все противоречащее взглядам павликиан в IX в. - в том числе их прошлая история, связанная с именами сыновей Каллиники. Преданные проклятию последующих поколений еретиков, они не канули в небытие благодаря лишь тому, что один

на братьев, Павел, стал эпонимом павликиан, а это обстоятельство обеспечило живучесть рассказа о родоначальниках павликианства. Нет никаких оснований рассматривать этот рассказ как *un témoignage de l'ignorance de Pierre de Sicile* (А.Грегюар) или *legendary fabrication* (Н.Г.Геролян).

А.Д.Бурман

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ РИТМИЗУЮЩИЕ СРЕДСТВА В ПЬЕСЕ У ПОУН НЯ "ВОДОНОС"

Пьеса "Воднос" была написана знаменитым бирманским писателем У Поун Ня в 1856 году, по мотивам джатаки "Воднос", № 421 (Cowell). Большинство сцен пьесы состоит из рифмованных диалогов и монологов персонажей. Каждый из стихотворных пассажей содержит от 15 до 50 строк, причем средняя их величина колеблется в пределах 40 - 50 стихотворных строк. В целом, пьеса содержит 1120 стихотворных строк. Текст пьесы отличается преобладающим употреблением 4-х слогового классического размера, со ступенчатой рифмой, связывающей три строки. Наряду с этим, писатель пользуется такими приемами, как различные варианты двустрочных и трехстрочных рифм, множественная рифма, стоящая на постоянном месте в строке, произвольное варьирование длины строки от 3 до 11-13 слогов и т.д.

Поскольку бирманская система верификации как будто не отличается такой строгой внутрискладовой организацией, как европейские системы, в ней широко используются дополнительные ритмизирующие средства. К ним относится такой традиционный для бирманского стиха прием, как анафора, который встречается еще в "Коукхан пью" поэта 16 века Шин Ратхатери (O Kall).

Вот пример употребления анафорического повтора в тексте "Водноса":

$\underline{\text{sa}}^2 \text{t}^2 \text{ha}^2 \text{mi}^2 \text{na}^3$	какой рис,
$\underline{\text{sa}}^2 \text{hi}^2 \text{na}^3 \text{t}^2 \text{ho}^2 \text{u}^3$	какое карри
$\underline{\text{sa}}^2 \text{hva}^2 \text{mi}^2 \text{na}^3 \text{mi}^2 \text{na}^3 \text{t}^2 \text{ho}^2 \text{u}^3$	какую приправу употребляешь

Одним из традиционных приемов бирманского стихосложения является также повтор слова в строке. Явление редупликации широко распространено в бирманском языке, однако в стихе оно явно играет роль организующего средства. Например:

$\frac{\text{по}^1 \text{по}^1 \text{тан}^2 \text{тан}^2}{\text{кни}^3 \text{кве}^3 \text{кан}^2 \text{сун}^3}$	легкодоступная травя для карри
---	-----------------------------------

Рассматривая роль дополнительных ритмизирующих средств на материале "Водоноса", мы столкнулись с одним любопытным явлением. В тексте было обнаружено созвучие инициалей в соседних строках, причем они располагаются примерно таким же образом, как и ступенчатая рифма, образуя лесенку, подобную рисунку традиционной рифмовой схемы:

$\text{мв}^3 \text{ти}^3 \text{до}^3 \text{на}^2$	- - а -
$\text{му}^3 \text{ни}^3 \text{охоу}^2 \text{та}^3$	- а б в
$\text{оха}^2 \text{оу}^2 \text{та}^2 \text{коу}^2$	б - в -
$\text{йагана}^3 \text{чи}^3 \text{науи}^3$	- в - г
$\text{ига}^1 \text{ди}^1 \text{ахи}^1 \text{ни}^2$	- г - -

сменяв травку мы
со старым рисом,
(который называют муни),
и вкуснейшим соусом,
добавляю приправу игани.

Это явление можно соотнести с фактом существования инициальной (анафорической) рифмы в некоторых тюркских и монгольских системах стихосложения. Отличие состоит в том, что в них имеются созвучия как в начальной букве, так и в группах букв, а в бирманском тексте мы находим лишь созвучие согласных инициалей (т.к. в бирманском языке гласные всегда относятся к финали). Далее, в тюрко-монгольских системах стихосложения инициальная рифма употребляется лишь в начале строки, в бирманском языке она уподобляется традиционной ступенчатой рифме, т.е., проходя через несколько строк, образует рисунок лесенки.

Пока еще трудно утверждать наверняка, что созвучия инициалей в качестве определенного стихового средства, действительно су-

цествует в бирманском языке. Если же наши предположения окажутся верными, то возникнет целый ряд вопросов: Каким образом система рифмующихся инициалей соотносится с системой рифмующихся финалей? Является ли подобное созвучие инициалей рифмой, организующей стих также, как и обычная рифма, или это только вспомогательное ритмизирующее средство? Характерно ли это явление для системы бирманского стихосложения или представляет собой индивидуальный прием автора?

Ответ на эти вопросы может дать лишь тщательное изучение стихотворных материалов. Да и само предположение о наличии инициальной рифмы нуждается в проверке на гораздо большем количестве материала, нежели тот, на который опирается автор в данной работе.

Э.Н.Ворожейкина

СИСТЕМА ОБРАЗОВ В КАСИДЕ КАМЪА АД-ДИНА ИСМЪЙЛА ИСФАХЪНИ

Гномичность стиха, при которой сюжет стихотворения и его художественное единство отступают далеко назад перед искусством образа, создаваемого каждой отдельной строкой, и составляет, по-видимому, основное своеобразие эстетических критериев персидской классической поэзии. Первостепенная роль образа в системе литературно-художественных средств закономерно подчеркнута в персидской поэтологии уже на самых ранних этапах ее развития. Персидские риторические каноны к началу XII века дали детальнейшую¹ разработку теории построения сравнения, метафоры, гиперболы, аллегории, с многочисленными дробными категориями соотношения составляющих их компонентов.

Поэтическое творчество Камъа ад-Дина Исмаъла Исфакъни (ум. в 635/1237 г.), незаслуженно обойденное исследователями, как нельзя более показательны для анализа этой эстетической специфики классического персидского стиха.

Камъа ад-Дин не только продолжил, но и сумел развить далее виртуозное мастерство знаменитого Анварй, усовершенствовав систе-

му образных средств в придворном касидосложении. Несоизмеримость и парадоксальность сравнений, яркая оригинальность иносказаний, смысловая и образная насыщенность каждого отдельного бейта, превращающая его в законченное художественное произведение, принесли Камāl ад-Дīну почетное прозвание "Халик ад-ма'анī" ("Создатель смыслов"), которым отметили поэта современники. Вот примеры этих образов:

بر آستان تو کرده سفید موی سیاه
بر داستان تو کرده سیاه رخ دفتر

- На пороге твоём чёрные волосы его стали белыми,
в сказаниях о тебе черноликой сделал он тетрадь. -

пшет Камāl ад-Дīн об умершем отце-поэте, обращаясь к его имени-титулу покровителя. Или в восхваление города Мофехана:

بسکه شکست بر سپا ما نشتر
د جله اشکست بر رخ بغداد

- От зависти к Мофехану
река Тигр - это слезы на лице Багдада.

Камāl ад-Дīн широко использует в касидах стилистический прием сложного повтора, на который, как на связующую нить, нанизывает причудливые самоцветы эфористических бейтов. Каконизованной мозаичности касиды поэт придает тем самым художественную завершенность.

Свыше восьмидесяти процентов касид Камāl ад-Дīна написаны с редифом - рефренирующим элементом рифмы. Поэт выбирает в качестве редифа разнообразные, нарочито сложные для повтора слова: сухан (слово - 32 бейта), чам (глаз - 52 бейта), наргис (нарцис - 80 бейтов), барф (снег - 46 бейтов), шакар (сахар - 45 бейтов), даст (рука - 59 бейтов), нā (нога - 76 бейтов), накūфе (цветок - 98 бейтов). Длинная касида такого рода требовала от автора, и без того уже стесненной формой монорима, немалой изобретательности в построении нового образа в каждом очередном дуэтинии вокруг заданного редифом слова. Касиды Камāl ад-Дīна, особенно в их вступительной части (насībе), нередко затягивающиеся на десятки бейтов, принимали характер ваэфа, то есть стихотворения, посвященного описанию какой-либо вещи или явления природы. Таково, например, касида с редифом "барф" (снег), написанная, по-ви-

дымоку, по случаю сильного снегопада:

هرگز کسی ندید بدیلمان نشان برف
گوئی که لقمه ایست زمین در دهان برف
مانند پنبه دانه که در پنبه تعبیه است
اجزاء کو مهافت نهان در میان برف

- Никто никогда не видел подобного снега,
ты сказал бы, что земля - кусок во рту снега.
Подобно хлопковым зернышкам, спрятанным в хлопке,
масса гор укрыта в снегу ...

Насиб с описанием снегопада перерастает в большое самостоятельное произведение. К словосложению поэт приступает только на 41-м бейте:

از کیسه سخای تو دزدیده کرد ابر
سیمی که خرج میکند اکنون زکان برف

- На конька твоей щедрости украдо небо
то серебро, которое растрачивает ныне на рудники снега...

Особенно интересен в стихах Камъа ад-Дйна сложный стилистический прием, называемый "лазум на ла Малзум" ("делать необходимым то, что не является необходимым"), при котором поэт следует на протяжении всего стихотворения определенному техническому заданию. Камъа ад-Дйн использует этот чисто формальный прием как усложненную трансформацию редифе, то есть вводит в каждый бейт, уже независимо от рифмы, одно и то же слово, иногда группу слов. Примером могут служить касиды с повтором слов "зар ва сѣм" ("золото и серебро") или знаменитая касида с употреблением в каждом (из девятиста восьми!) бейтов, а зачастую и в каждом допустивши слова "ку" ("волос"). Вот ее начало:

ای که از هر سر موی تو دلی اندر و است
یکسر موی ترا هر دو جهان نیم بهاست
دلفت یکسر مویست و بهنگام سخن
از موی شگافی تو دروی پیدا است

- O ты, каждым волоском которого повержено одно из сердец,
каждому кончику твоего волоска оба мира будут только под-
ценю.
Рот твой не более кончика волоска, но во время беседы
являет он чудеса остроумия (искусства расщепления волоса)...

Изобретенное мастерство, вложенное Камбѣ ад-Дином в составление этой касиды, не мог ни превзойти, ни просто повторить ни один из последующих поэтов.

Касиды Камбѣ ад-Дина со сложным повтором представляют помимо литературного ценный языковой материал, позволяющий проследить на серии конкретных примеров богатейшие полисемантические возможности персидской лексики. Слагая десятки стихов на основе одного и того же слова, искусно обыгрывая его в словообразованиях, кадамбурных и идиоматических построениях, поэт поворачивает это слово в стихе всеми его смысловыми гранями, и делает это, по-видимому, в ряде случаев с исчерпывающей полнотой.

И.И.Громковская

ПРОЗА НАКАНО СИГЭХАРУ В ПЕРИОД "ТЭНКО"

Подъем революционного движения конца двадцатых годов в Японии сменился белым террором. Весной 1932 года за решеткой оказались почти все руководители Союза японских пролетарских писателей и, в их числе, Накано Сигэхару. Спустя год разобщенные, измученные пребыванием в тюрьме узники были потрясены и подавлены известием о гибели Кобаяси Такидзи от руки полицейских.

Вскоре в обстановке всеобщей растерянности и смятения появились два документа: "Письмо товарищам, обвиненным по тому же делу" и "О так называемом повороте", написанные находившимися в то время в тюрьме лидерами КПЯ Сано Манабу и Набэяма Садатка. Они призывали отказаться от участия в революционном движении и подтвердить это на суде. Призыву Сано и Набэяма последовало большинство осужденных и находившихся под следствием. Сотни бывших участников революционного движения совершили "тэнко" - "поворот". Тем, кто совершил поворот, было разрешено вернуться к творческому труду при условии строгого контроля со стороны властей.

Произведения писателей, совершивших идейное отступничество, называют "тэнко бунгаку" - литературе поворота.

Литература поворота в Японии — явление сложное, не вполне еще изученное и осмысленное. Тема эта продолжает оставаться "больной" для японской литературы и по сей день. Большинство исследователей считают, что литература поворота неоднородна, как неоднородна сама природа поворота у каждого из тех, кто его совершил. Для некоторых писателей и общественных деятелей это было не более, чем тактическим ходом. В те годы было распространено выражение "камуфляжный поворот".

Накано Сигэхару совершил поворот именно в этом смысле. Его деятельность после поворота объективно сыграла важную роль в сохранении традиций прогрессивной литературы в годы фашизации страны. Накано был освобожден из тюрьмы в мае 1934 года после двухлетнего заключения. К литературе поворота относят написанные им в 1934—1937 гг. произведения: "Записная книжка", "Судзюки, Тояма, Ятосима", "Одна небольшая запись", "Деревенский дом", "Писатель, который не писал". Все они составляют единое целое по тематике, жанровой принадлежности, системе выразительных средств. В то же время они существенно отличаются от прозаических произведений предшествующего "пролетарского" периода.

Герой Накано — человек, совершивший "тэнко". Он мучается своим отступничеством, остро ощущает собственную неполноценность. Человек наедине с судьбой, наедине с отцом, наедине с собственной совестью. Накано ни в чем не отступает от фактов, имевших место в действительности, это скорее летопись событий, сделанная их участником, чем беллетристика. В этих произведениях уже намечается переход к "ватакуси сёсэцу". Но пока автор обращается к самому себе, как объекту творчества, лишь постольку, поскольку это необходимо для рассказа о событиях, рассказа скрупулезно честного очевидца, не упускающего ни малейшей подробности. Но по сравнению с "ватакуси сёсэцу" есть и существенная разница, ибо здесь внутренний мир героя лишь призма, сквозь которую видно окружающее, в то время, как для "ватакуси сёсэцу" необходимо, чтобы взгляд автора устремился в противоположном направлении — внутрь самого себя, чтобы там увидеть отражение мира, пусть искаженное, но сугубо свое.

Наиболее характерным произведением "тэнко" критика считает "Деревенский дом" ("Мура-но изэ"). Повесть, написанная в апреле 1935 г., появилась в майской книжке журнала "Кэйдай орай".

"Деревенский дом" - исповедь человека, ценой отступничества получившего свободу. В стране переходит в наступление фашизм. Люди, словно в состоянии шока, не могут сопротивляться этой свирепой и разлагающей силе. Главный вопрос, который стоит перед героем "Деревенского дома", - как дальше жить? Этот вопрос стоял в то время перед всей демократической интеллигенцией Японии. По мнению Итиро Хая, известного критика, в "Деревенском доме" "... с одной стороны писатель вплотную подходит к борьбе с фашизмом, с другой стороны, герой, вынужденный покориться властям и оказавшийся в деревне, задумывается над двойственной структурой японского общества, где продолжают сосуществовать развитый капитализм и феодализм, и начинает понимать, что революционное движение, в котором он до сих пор участвовал, тоже недостаточно учитывает этот двойский характер Японии". (Доклад на встрече японских и советских писателей в Москве осенью 1965 г.).

В прошлом герой "Деревенского дома" видит не одни только лавры и слышит не только победные кличи. Он осознает недостатки движения, извлекая необходимые уроки.

То, что оружие, которым владел Накано, не стало служить врагу, - в условиях тогдашней Японии было рискованно. То, что он пытался обрести слово на службу антифашистского фронта - было подвигом.

Е.А.Западова

ПИ МОУ НИН - РОДОНАЧАЛЬНИК ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДА В БИРМАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Имя Пи Моу Нина (псевдоним, настоящее имя: Маун Чо Ньин, 1883-1940) сложилось не так, как обычно у бирманцев-буддистов. Он учился в католической миссионерской школе, семинарии, во французском колледже в Малайе. Круг его духовных интересов чрезвычайно широк: западная философия, филология, журналистика, политика, история, литература, кино.

Отход от религиозных догм и позволил Пи Моу Нику создать первые действительно современные бирманские романы. Его произведения, новые по форме, лишены и традиционного буддийского дидактизма в содержании. Главные усилия писателя были направлены на разрушение канонической этики и морали и связанных с ними традиционных приемов беллетристического повествования.

Воссозданные им в литературных произведениях конфликты, ситуации, характеры, детали быта отражали соответствующие конкретно-исторические явления современной ему действительности. Пи Моу Нин явился создателем жанра современного романа и вместе с тем родоначальником психологического метода в бирманской литературе.

Роман "Померкшее солнце" ("Ней Нью Нью") вышел в свет в 1920 году. Коллизия, положенная в основу сюжета - "провинциал в столице" - имеет общемировой характер, определяемый самой буржуазной действительностью. Движение сюжета романа определяется развитием характера героини, а характер этот одновременно и новый для бирманской жизни и литературы, и вместе с тем именно бирманский.

Прежде всего необычным было то, что в центре повествования ставилась судьба женщины, которая пытается бороться за свои права, пытается осознать себя как самостоятельную личность. Это эмансипирующаяся женщина, которая много говорит о свободе личности вообще, о свободе женщинам.

Что же, кроме образа "новой женщины", создало "Померкшему солнцу" репутацию произведения, открывающего новую главу в истории бирманской литературы? Очевидно, психологический характер романа в целом, а это сказывается, прежде всего, на композиции и причинах, определяющих движение сюжета, развитие действия. Традиционные элементы бирманской романистики отходят на второй план либо вовсе отсутствуют.

В бирманском романе до Пи Моу Нина психология героев играла подчиненную роль в развитии действия и сводилась она преимущественно к двум основным мотивам: любовное томление и тоска по родине. В "Померкшем солнце" структурная функция психологических мотивов становится главной. Духовные переживания героини определяют движение сюжета: сначала поступками Нью Нью руководит

желание раскрыть тайну своего происхождения и смутная тоска по самостоятельной жизни, затем - жажда известности. Наконец, различие духовных интересов Ньюу Ньюу и ее возлюбленного - одна из причин их разрыва.

Таким образом, "Померкшее солнце" - первый психологический роман в бирманской литературе. Устанавливая историческое значение этого произведения, следует отметить, что мотив несходства духовных интересов, впервые введенный Ли Моу Нином, получит особое развитие в послевоенной литературе Бирмы; только теперь этот мотив приобретает явственную политическую окраску и духовные интересы героев будут проверяться отношением к войне, к колонизаторам, к революции.

Новый тип романа и необычный центральный персонаж закономерно повлекли за собой изменение авторской манеры повествования и обновление языка произведения в целом.

Г.Д. Иванова

"РАБОЧАЯ ЛИТЕРАТУРА" В ЯПОНИИ

В Японии второй половиной 10-х гг. получила развитие так называемая рабочая литература ("родо бунгаку"). Это направление существовало всего пять-шесть лет. Датой его рождения считают 1916 г., когда вышла в свет повесть Миядзима Сукэо "Пахтер" ("Танко"); концом - 1923 год, когда была издана повесть Хаяма Ёсикаи "Люди, живущие в море" ("Уми-ни икуру хито-бито").

Принципиальная новизна этого направления состояла в том, что в литературу пришли "люди от станка и забойного молотка": пахтер Миядзима Сукэо, токарь Миядзи Кароку, текстильщик Хосои Вакидзо, кузнец Хирадзэва Кэйсити и другие. Появление писателей из рабочих, несомненно, связано с общим экономическим подъемом в годы I-ой мировой войны и с последовавшим за ней кризисом, с ростом пролетариата, повышением его активности и сознательности.

В их произведениях предстали неприкрашенные будни народа. Авторы не поваслики, а по собственному опыту знали, что такое кабальный труд и мизерная зарплата, беспревые и страх безработицы. Они отрезали накопившуюся энергию пролетариата, его тревожное состояние. Запечатлели также его идейную и организационную незрелость. Герои их произведений чувствуют, что жить по-старому невозможно. Они ищут пути к лучшему, хотя ищут далеко не всегда осознанно и верно.

В повести "Махтер" центральным сюжетным узлом была стачка углекопов, как некогда в "Херминале" Воля (1884 г.). Странные картины каторжного труда обличали промазов предпринимателей. Но изображенный в ней полустихийный бунт махтеров терпит поражение, герой бесмысленно гибнет.

Персонаж повести Миядзы Кароку "Бродяга Томидзо" ("Хорося Томидзо", 1920 г.) — уволенный из доков рабочий, бродит по стране в поисках работы. Он терпит нужду, на его долю выпадает немало мытарств, но неожиданно и как бы "свыше" приходит избавление. Томидзо получает известие, что стал обладателем богатого наследства и благополучно возвращается в родные места.

В "рабочей литературе" гневные и безнадежные страницы нередко сочетались со "счастливыми концами". Рассказ Маэдаки Комитро "Толпа матросов" ("Мадоросу-но мурэ") обрывается на примирительской ноте. Матрос не вынес изнурительной вахты в тропической жары, заболел лихорадкой и умер. Среди его товарищей вскипел гнев против начальства, которому "жалко даже льда для больного". Бунтарские настроения остывают по мере того, как судно идет на север. Когда они причалили в Филадельфию, один из моряков, выйдя на заснеженные улицы города, размышляет: "В конце концов, испытывать холод и жару — это и значит жить".

Смелых личностей, организаторов борьбы в этой литературе не видно. "Домая кисть, я вотще пытался изобразить рабочих-исполнителей", — с тоской писал Хирадзавэ Кэйсити. Объективная действительность еще не выдвинула таких "великанов", а рабочие писатели не обладали большой силой воображения, чтобы преодолеть эту ограниченность эпохи.

Как это часто бывает у малоопытных, начинающих литераторов, у них была тяга к символическим картинам и образам.

Показывая социальные контрасты, они любил прибегать к наивной символике. "Вы знаете шнявку: стоит ей прикоснуться к человеческому телу, как она начинает сосать кровь, - таков ее инстинкт. Она будет сосать до тех пор, пока ее тело не раздуется, как шар... Теперь посмотрите на муравьев: они трудятся с утра до ночи, не зная отдыха. Работают они сил, не могут жить без работы... А сами всегда тонкие".¹ Немудрая аналогия "шнявки-хозяева", "муравьи-рабочие" вложена в уста рабочего агитатора из повести Арам Книги "Продаю друзей" ("Томо-о уру")².

Эстетический уровень рабочей литературы вызвал немало пренебрежительных насмешек со стороны представителей "большой литературы". Конечно, рабочие писатели не умели вникать в сложные душевные состояния людей, не умели изображать тонкую работу мысли. Но при всей сентиментальности и непоследовательности у нее были свои достоинства, в первую очередь непосредственность чувства, достоверность в изображении народной жизни. (О "Печальной истории работниц", написанной текстильщицей Хосон Вакидо, Катаяма Сэн писал: "Книга показывает потрясающую историю фабричных девушек с того момента, как их привозят на фабрику, и до того времени, когда они заболевают или умирают".³ Литература эта умерла, не достигнув творческой зрелости. Ее первые попытки изобразить активные возможности, заложенные в рабочем классе, были продолжены пролетарскими писателями конца 20-х - начала 30-х гг.

1) Курн. "Бунгаку" № I, 1960 г., стр. 52, статья Ямада Сэйдзабуро "1921-ий год".

2) Одноименное название повести связано с тем, что мастер предает рабочих, сообщив хозяинку о готовящейся стачке.

3) Курн. "Коммунистический интернационал" № 15, 1927 г., стр. 58.

В.В. Кузев

ОБ УЧАСТИИ СЫНА АХУНДА ДАРВЕЗЫ
В ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТЦА

Ахунд Дарвезе Нингrehārī (ок. 1588-1689) широко известен среди афганцев как автор богословско-полемического сочинения

"Махзан ад-ислаъм" в меньшей степени как автор нескольких других произведений. Х.Г.Резерти утверждает, что его перу принадлежит более пятидесяти работ, однако это следует полагать явным преувеличением, порожденным тем, что отдельные главы сочинений Дарвези часто рассматривались как самостоятельные труды.

Ознакомление с наследием этого автора позволяет сделать дальнейший вывод: в тех сочинениях, которые действительно сохранились и приписываются Дарвезе, его авторство не является безраздельным.

Так, "Махзан ад-ислаъм" ("Сокровищница ислама"), написанная на языке пашто, уже в раннем варианте содержала значительные дополнения, внесенные сыном Дарвези 'Абд ал-Каримом (Карим-дядом), а самая поздняя и полная редакция, включившая в себя еще некоторые небольшие добавления, сделанные родственниками, потомками и последователями автора, менее чем на две трети объема принадлежит ему самому.

Если соавторство 'Абд ал-Карима в "Махзан ад-ислаъм" легко устанавливается почти для всех разделов благодаря упоминанию в них его имени и уже с начала прошлого столетия отмечалось во всех исследованиях, касающихся религии афганской письменности, то о его участии в других сочинениях отца в литературе нет никаких сведений.

Второе по популярности, но первое по его сегодняшней научной значимости сочинение Дарвези - "Тазкират ад-абрар ва-х-абрар" на персидском языке. Оно содержит богатый автобиографический материал, благодаря чему служит основным источником о жизни и деятельности ахунда, а также данные социально-этнографического характера об афганских племенах, сведения о лицах, с которыми встречался Дарвеза, полемику, дидактику и многое другое.

О вкладе, который внес в этот труд сын автора, сказано самим 'Абд ал-Каримом в завершающем разделе этой работы: "Со слов душевспасительных отменяющегося к истине учителя, помощника и воспитателя, доброго отца, главы ислама и мусульман великого шейха Дарвези Нинграхари записал и составил сей непокорный ищущий убежища раб 'Абд ал-Карим и назвал "Имя праведных и грешных".

Из этих строк явствует, что материал, заключенный в сочинении, лишь устно излагался Дарвезой, само же оно в его письменном виде составлено 'Абд ах-Каримом и им же озаглавлено.

Сохранились в рукописях и издания литографским способом еще два персидских произведения ахунда Дарвезы: объемистое религиозно-этическое "Иршад ат-талибин" и небольшой суфийский трактат "Иршад ах-муридин".

В послесловии к этому трактату 'Абд ах-Карим пишет, что после Дарвезы остались несколько не завершенных по некоторым причинам рисала и "один из его ничтожных смыслов, презренный многогрешный раб 'Абд ах-Карим хочет, в меру своих познаний, все трактаты привести в порядок; и это нестой трактат, который он отредактировал".

Кроме того, существуют рукописные сборники трактатов, написанных этим "коллективом", а также совместный диван афганских стихов Каримидда и Дарвезы.

Таким образом, выясняется доля участия Карима в литературной деятельности его отца или, вернее, в их совместной: запись и составление всего сочинения "Тазкират ад-абрар ва-а-анрар", редактирование всех книг, равноправное соавторство в поэзии и в трактате "Махзан ад-ислам" (треть текста). Кстати, в биографическом сочинении "Тазкира-и 'улам-и Хинд" в главе о Дарвезе сообщается, что он не закончил "Махзан", и довел его до конца 'Абд ах-Карим, а в главе, посвященной последнему, автором назван он, имя же Дарвезы вовсе не упомянуто.

В связи с изложенным мы полагаем приемлемым признать авторство 'Абд ах-Карима (по крайней мере, в "Махзан ад-ислам") наравне с Дарвезой.

Объяснение столь активной редакторской и составительской роли Карима во всех сочинениях нетрудно найти, хотя называемые причины не всегда, возможно, были определяющими.

Одна из них заключается, несомненно, в слабости Дарвезы как стилиста, что, впрочем было присуще большинству авторов того времени из-за отсутствия сколько-нибудь длительной литературной традиции у афганцев. В одном из разделов "Махзан ад-ислам" 'Абд ах-Карим, оправдывая недостатки языка работы, пишет, что афганцы уделяют мало внимания стилю и литературным достоинствам произведений.

Дарвеза прибегал к помощи сына и при составлении персидских трактатов. Впрочем, не обладая даром литератора, он, постоянно участвовавший в диспутах со своими идейными противниками, прекрасно владел искусством устной полемики.

По свидетельству Карима, Дарвеза оставил свои труды незавершенными еще и из-за недостатка времени: пропагандистская деятельность и обязанности духовного наставника в суфийских орденах лишали его возможности проверять и уточнять приводимый по памяти фактический материал.

Следует также иметь в виду, что некоторые работы, в том числе "Тазкират ах-абрёр ва-х-анрёр", он сочинял в преклонном возрасте (в восемьдесят лет и старше) и, видимо, поэтому нуждался в посторонней помощи для их записи.

И.С.Мусеяян

**КУРДСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ ИЗ РУКОПИСНОГО СОБРАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
им. М.Е.САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА**

В Государственной публичной библиотеке им. М.Е.Салтыкова-Щедрина в коллекции курдских рукописей, собранных русским консулом в Турции А.Лабой, хранятся шесть сборников песен (Курд. I-5,49). Они, как впрочем и другие курдские рукописи, стали известны науке совсем недавно только после опубликования работы М.Б.Руденко "Описание курдских рукописей ленинградских собраний" (М., ИВЛ, 1961 г.).

В этих сборниках около 300 песен. Они были записаны А.Лабой и его помощниками курдами в Эрзеруме, в 1860 г., из уст турецких курдов на северном диалекте (курманджи).

Все имеющиеся в сборниках образцы песен можно условно разделить на три группы: 1) лирические, 2) героические, 3) хороводные.

Подавляющее большинство песен лирического характера. Рукописи позволяют проследить своеобразие курдских песенных вариантов. Многогранность человеческих чувств определяет многооб-

разные курдской лирической песни в тематическом отношении (песни о счастливой и неразделенной любви, о радости встречи с возлюбленной и горечи расставания и разлуки с ней, о тяжелой женской доле, о верности и измене, о жестокости судьбы, песни тоски по родине и многие другие).

Характерное свойство песен — их реализм. В них нет надуманных, ложных чувств. Песня отражает явления внешнего мира, быт, социальную среду с ее характерной обстановкой и конфликтами. Раскрытие любовного чувства дается на фоне реальной жизни народа. Поэтому в любовной песне ставится целый ряд важнейших проблем, таких, как проблема социального неравенства, бедности, бесправия женщины.

Особый интерес представляют песни странствий, скитаний, тоски по родине — поэтичнее образцы курдской лирики. В них — воспоминания о родном крае, любимой девушке, доме:

Мое сердце как дом для путешественников,
Через который прошел большой караван,
Боясь я, несчастный, отправлюсь в чужие края, умру,
Не заплачут надо мной отец и братья.

Грусть, печаль, тревога за любимого, страдания от неизвестности, неопределенности олицетворяются в ответных песнях девушек:

О вноне, ты уходишь, меня не забывай,
Дам тебе яблоко, положи себе в карман,
Иногда меня вспомнишь.

Вторую группу рукописного собрания А.Лебви составляют героические песни, рассказывающие о борьбе курдского народа против турецких поработителей в начале XIX в.

Турки были побеждены,
Изгнаны с поля боя,
Тысячи турецких воинов разбиты.

Произошла битва на летних пастбищах,
Ничего не было видно сквозь мглу и туман,
Столько убито, [что и] птицы не ели человеческого мяса.

В песнях воспевается герой, олицетворяющие немощающую силу курдского народа, проявленную в схватке с врагами. Они

гибнут на поле битвы, и ряд несен пронизан скорбью, представляет собой плач по погибшим.

Некоторые из песен героической группы могут быть названы историческими, поскольку они посвящены совершенно определенным фактам и событиям из жизни курдского народа, его борьбы за независимость.

Третий цикл рукописных образцов составляют хороводные, плясовые песни-шутки. Это куплеты-частушки. Они содержат ряд мелких сюжетов и исполняются попеременно вношей и девушкой.

Рукописные песни всех трех групп по своей форме — четверостишия, трехстишия и двустишия. Каждая из форм закончена, содержит законченную мысль и играет самостоятельную роль. Эти образцы являются как бы монологами, они поются девушкой или вношей. Другой вид песен, встречающийся в коллекции А.Хасби, — песни-диалоги, куплеты, составляющие единое целое, поются поочередно героями.

Обычно в трехстишиях и четверостишиях первые две строки не связаны с последующими. В них очень кратко дается описание места, природы, которое не имеет прямого отношения к действию, а лишь углубляет эмоциональный тон песни:

Засверкало созвездие Козерога,
Осветило цветы на деревьях...

а затем рассказывается о страданиях вноши.

Или же:

Вверху деревня Хасан-паша,
Внизу источник Кор...

а затем:

Пойду сватов в дом отца девушки,
Если не отдаст, возьму силой.

Иногда изображение пейзажа созвучно с общим тоном событий песни: описывается пустыня и далее становится известно, что девушка отдана другому; говорится об осени, о деревьях, обронивших листву, и о несбывшихся мечтах влюбленных.

Из множества отдельных штрихов, разбросанных по десяткам песен, встает достаточно реальные изображения костюмов, жилища, сельского быта.

Большую роль играют художественные средства. Хотя портреты героев даются в неподвижных традиционных чертах (брови черные, глаза прекрасные, щеки алые, стан тонок и т.д.) без всякой индивидуализации, без выделения характерных черт, все же примененные многочисленных эпитетов, сравнений, метафор, гипербол эмоционально окрашивает курдскую песню, придает присущую ей специфику. Девушка сравнивается с голубкой, ягненком, она прекрасна словно роза. Разнообразны сравнения для описания стана красавицы: стройна как минарет, как чинара, как свеча; тонка словно игла, рейхан и т.д. Смятенное сердце влюбленного сравнивается с покрывной туманом и мглой вершинной горы Сипан-Халат.

Размер песен силлабический. В двустопных и трехстопных обычно рифмуются все строки; четверостопные чаще всего рифмуются по схеме ааба или аааа, иногда — по типу ааbb или аааb.

Песня часто возникала по какому-либо поводу, откликнулась на какое-либо событие, известное только для тех мест, где она сложилась. Рукописные образцы изобилуют географическими, этническими названиями, именами лиц, в честь которых они пелись.

Песни из собрания А.Лебви глубоко своеобразны и оригинальны. В них предвидено отражены явления жизни курдского народа XIX в.: его быт, характер, национальная самобытность, те идеалы, которыми он жил. Они представляют несомненный интерес для курдоведения. Исследование этих образцов народной поэзии даст богатый материал для фольклористов, диалектологов, этнографов.

А.В.Пейкова

СТАРАЯ СМРИЙСКАЯ ЛЕГЕНДА В НОВОЙ АРАБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Легенда о семи спящих отроках эфесских восходит еще к дохристианскому времени, но наиболее полное развитие она получила в первые века становления христианства в Римской империи.

Семь влюбленных, спасаясь от гонений на христиан со стороны императора Деция, укрылись в пещере и заснули там, а проснулись триста лет спустя во времена императора Феодосия II, когда христианство полностью восторжествовало. Они успели рассказать в незадуманное людям свою историю и тотчас же после этого умерли.

Вместе с христианством, сказание это попало на сирийскую почву и здесь получило свою первую письменную литературную обработку. В V-VI вв. мы имеем несколько сирийских версий сказания. (Одна из древнейших сирийских рукописей с текстом сказания - рукопись VI в. - хранится в Ленинградской публичной библиотеке. См. Н.В.Пигулевская. Каталог сирийских рукописей Ленинграда. Палестинский сборник, вып. 6, М.-Л., 1960, стр.140-142).

К этому времени относится деятельность монофизитского епископа Якова Серугского, одного из образованнейших и плодотворнейших среди сирийских писателей и ученых. Именно в его гомилиях дважды наложено сказание о семи отроках, воскресших после долгого сна. (См. I. Guidi. Testi Orientali inediti sopra i sette dormienti di Efeso. Roma, 1885, p.18-23).

Яков Серугский обратился к этому сказанию не случайно. Монофизиты в V-VI вв. подвергались жестоким гонениям со стороны православной греческой церкви - это было как бы второе десятилетнее гонение -, и легенда о доблестных воинах, так созвучная духу времени, была призвана вдохновить монофизитов на борьбу за свои убеждения.

Дальнейшая судьба и развитие легенды связаны с арабской литературой. Послужила ли источником для арабов гомилия Якова Серугского, или "Церковная летопись" Захарии Ритора, или "История" Иоанна Эфесского - мы не знаем. Важно то, что легенда оказалась необычайно популярна в мусульманском мире и известна многим арабоязычным авторам, не говоря уже о том, что она изложена также в одной из сур Корана. (См. А.Крымский, М.Аттая. Семь спящих отроков эфесских. Оттиск из IV т. "Древностей восточных", М., 1914, стр.1-70). Сравнивая эти арабские версии с сирийской первоосновой, можно без труда выделить мусульманские наслоения и исполнения. Интересно отметить, что у арабов меняются не только отдельные детали повествования, но и самый характер его. Из простой поучительной истории оно превращается в некоторых случаях в художественный рассказ, где назидательность уступает место занимательности. Так, в изложении ас-Са'алиби (XI в.) повествование о семи спящих отроках предваряется пространной беседой халифа Омара с тремя учеными из против-

ников молама. Как вопросы, так и ответы отличаются живостью и юмором, персонажи соперничают друг с другом в находчивости и остроумии и, когда все вопросы казалось бы исчерпаны, один из трех спрашивает в последний раз: "А скажи, что за люди, которые умерли давно и спустя 309 лет Бог воскресил их? Какова их история?" И затем начинается изложение самой легенды, изукрашенной множеством красочных подробностей и отмеченной нестойкой выдумкой и фантазией рассказчика.

Усовершенствуется и развивается и композиция повествования, приближаясь к так называемому рамочному приему, наиболее ярко выраженному в знаменитых восточных книгах "1001 ночь" и "Кадиде и Дамна". В нескольких версиях нашей легенды, когда вноши оказались замурованными в пещере, они вспоминают добрые дела, которые когда-то совершали, и каждый рассказывает историю из своей жизни в надежде, что Бог откроет им выход. Так, в основном ткань повествования включают три (по числу вношей, которое колеблется в разных версиях от трех до восьми) независимых от него новелл, не лишенные сами по себе элемента занимательности.

Совершенно иное звучание приобретает старинная легенда, возродившись в наши дни в творчестве классика арабской литературы Тауфи́ка ад-Хакíма . В 1938 г. выходит его пьеса "Спящие в пещере" или "Обитатели пещеры". Взяв за основу одноименное предание, Тауфи́к ад-Хакíм значительно видоизменил его. Если в прежних вариантах легенды смысловая ее функция исчерпывается моментом воскрешения героев, у Тауфи́ка ад-Хакíма с этого момента действие только начинает разворачиваться, и смысловой центр тяжести лежит именно на этой второй части. Тауфи́к ад-Хакíм вводит несколько новых действующих лиц, мастерски выписывает диалоги, разрабатывает вторую сюжетную линию — историю любви одного из героев, вноши Машмалкина, к дочери императора Деция. Проснувшись после долгого сна и не подозревая о том, что целых 300 лет прошло с тех пор, как они укрылись в пещере, вноши выходят в город. Ямника безуспешно ищет своих овец, которых оставил неподалеку от пещеры, Мариус спешит к родным и находит их имена высеченными на надгробных плитах, а на месте родительского дома — шумный базар, а Машмалкина устремляет во дворец, где живет его возлюбленная Приска. Далее идет

сцена, построенная на "неузнавании", потому что вняла девушка, которая встречает Манлимина во дворце, - вовсе не его возлюбленная Приска, а ее правнучка, хоть и очень на нее похожая. Глубокое разочарование постигает героя, и он также, как и его товарищи, возвращается в пещеру. Порваны все связи с их прежней жизнью, в новой действительности их ничто не привлекает и не удерживает. "Ценность жизни состоит не в ней самой, - хочет сказать Тауфик ах-Хаким, - а в той совокупности уз, которые связывают человека с окружающим. Если же время обрывает эти уз, жизнь теряет для него все свое значение и смысл".

Поводом к созданию пьесы послужило, видимо, настроение писателя, вызванное его возвращением после многолетнего отсутствия на родину в Египет. Автор остро чувствует свою оторванность от окружающей его жизни, потерю друзей и близких, разрыв и утрату прежних связей. Однако на основе частных, сугубо личных мотивов он создает глубокое символическое произведение, поставившее сложные философские проблемы о смысле и ценности жизни, о взаимоотношении человека и времени.

Пьеса привлекла внимание, в том же году была переведена - теперь насчитывается около десяти изданий - и переложена на стихи, а в 1985 году национальной египетской группой поставлена на сцене. С тех пор с небольшими перерывами она до сего дня идет в театрах Каира.

От простого незатейливого сказания до современной драмы с глубоким философским подтекстом - такова эволюция старинной легенды о семи спящих отроках.

Э.С.Русинова

РАННИЙ ПЕРИОД АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИНДИИ

Англоязычная литература Индии до сих пор мало привлекала внимание советских исследователей современной индийской литературы, а между тем произведения индийских писателей на английском языке составляют немалую и весьма интересную часть много-

национальной индийской литературы.¹ "Подобно современной бенгальской литературе, литературе на языке хинди, маратхи, телугу, тамильском и гуджарати, англоязычная литература также принадлежит индийской литературе, она обладает яркой самостоятельной традицией, полна жизненных сил и энергии", - писал известный индийский литературовед, знаток англоязычной литературы К.Р.Приниваса Амангер в сборнике, посвященном проблемам развития индийской литературы.²

Англоязычная литература Индии сравнительно молода. Во второй половине XVII в., когда Англия перешла от торгового закабаления Индии к прямому завоеванию страны, в целях расширения колонизаторской политики Англией были сделаны некоторые шаги, положившие начало развитию образованности на английском языке. В конце XVII в. было открыто Бенгальское отделение Азиатского королевского общества (1784 г.), несколько лет спустя основан Санскритский колледж в Бенаресе, а затем Хинди-колледж в Калькутте, - это были не только политические мероприятия колонизаторской Англии, нуждавшейся в грамотных мелких служащих и создававшей себе опору в среде местной интеллигенции, но и первые культурные контакты двух стран. Наиболее обеспеченным индийцам была предоставлена возможность получать европейское образование. Одновременно и в самой Англии появляются многочисленные сочинения, статьи, заметки, книги, записки об Индии. Индия привлекает к себе пристальное внимание путешественников, чиновников, отставных военных, миссионеров, политических деятелей. Культура Индии стала все более интересовать Запад.

В Индию хлынул поток переводной и оригинальной европейской литературы, и прежде всего на английском языке. В первой половине XIX в. передовая индийская интеллигенция, получившая европейское гуманитарное образование, была уже основательно знакома с западноевропейской литературой.

Знакомство с революционными идеями Франции, Италии, Англии сыграло немалую роль в формировании идеалов национальных общественно-патриотических движений Индии в XIX в. Среди первых деятелей индийской культуры следует назвать Рама Мокана Рая, ко-

торый был не только "пионером социальных реформ" в Индии (Чинтамани), но и пионером англоязычной литературы.

В XIX в. английский язык все чаще и шире используется деятелями индийской культуры, и появление произведений индийской литературы на английском языке связано не только с тем, что для индийцев, получивших образование в Европе, было проще и привычнее пользоваться неродным языком. Индийские просветители осознавали, что это был единственный способ сделать свою национальную культуру доступной более широкому кругу читателей, заявить о себе после нескольких веков порабощения, как о равноправном, равноценном Западу народе, напомнить о своей богатой литературе, философии, древней культуре.

В англоязычной литературе Индии первой половины XIX в. ведущую роль играли наиболее традиционные для этой литературы жанры - поэзия и драма. Творчество Г.В.Дарозно (1807-1881), создавшего сборник ярких и своеобразных лирических стихотворений, положило начало англоязычной поэзии. Видное место в поэзии XIX в. принадлежит замечательной индийской поэтессе Тору Датт (1856-1877), которая продолжила традиции индийской литературы на английском языке, обогатив ее великолепным знанием древней литературы. Впервые имя Т.Датт появилось на страницах журнала *Bengal Magazine*, Dec. 1874. Ее ранние литературные опыты были посвящены творчеству двух любимых ею поэтов: Ш.Леконт де Лийя и Г.В.Дарозно. С 1874 г. Т.Датт постоянно сотрудничает в *Bengal Magazine* и публикует свои переводы из французской поэзии, преимущественно сочинения "парнасцев".

В 1876 г. ее переводы выходят отдельным сборником под названием "Сноп с французских полей", который был восторженно встречен не только в Индии (второе издание вышло в 1878 г., где к 165 стихотворениям добавилось еще 30), но и за ее пределами - английский критик Э.Госсе писал, что переводы Тору Датт - яркое явление в истории развития культуры. Т.Датт за свои 21 год успела создать сборник "Древние баллады и предания Индии" и два романа "Беманка" и "Дневник мадемузель Дарвер", опубликованные посмертно. Поэтическое наследие Т.Датт отличают искренность, эмоциональность, свежесть и глубина, а незаурядный талант переводчицы делает ее английские переводы из европейской поэзии заметным явлением мировой культуры.

Постепенно англоязычная литература Индии XIX в. переходит от роли посредника между индийской и европейской культурами к выполнению функций иного рода: становится самостоятельной литературой среди других национальных индийских литератур.

Ранний период англоязычной индийской литературы — лирика Г.Дерозо и Т.Датт, творчество драматурга М.Дотто, стихотворный английский перевод "Махабхараты" и "Рамаяны", выполненный Ромешчандро Дотто, романы Рамакришна Пиллак подготовили новый период развития индийской литературы на английском языке — начало XX в., отмеченного появлением такого выдающегося деятеля индийской культуры как Рабиндранат Тагор.

1) В западном литературоведении англоязычная индийская литература обозначается *Indo-Anglian literature*. В 1888 г. в Калькутте вышел сборник "*Indo-Anglian literature*", где были напечатаны произведения индийских писателей на английском языке, и с тех пор термин прочно утвердился за этим родом литературы в отличие от *Anglo-Indian literature*, которая охватывает сочинения, посвященные Индии, но созданные англичанами.

2) K.R.Srinivasa Iyengar, "*Indian Writing in English*". *Contemporary Indian Literature, Delhi, Sahitya Akademi, 1959, с.38.*

Перу К.Р.Шринивасы Айенгера принадлежит ряд интересных работ по изучению англоязычной индийской литературы, среди которых привлекают внимание: "*Indo-Anglian Literature*", Bombay, 1943; "*Indian Writing in English*", Bombay, 1962.

Л.С.Савицкий

ТИБЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА IЗ-I4 вв. (Некоторые общие вопросы)

I. II-I4 вв. в истории Тибета — время феодальной раздробленности и междоусобиц, осложнявшихся соперничеством основанных в II в. буддийских сект, центрами деятельности которых были крупнейшие монастыри. По мнению тибетских историков этот пе-

рIOD - "эпоха позднейшего распространения буддизма", его более глубокого проникновения. Распад единого государства (9 в.) способствовал децентрализации литературы, развивавшейся теперь в среде буддийских сект. Центрами грамотности и книжной учености в древнем Тибете были монастыри этих сект, где создавались и хранились произведения, тесно связанные с буддизмом. Литература в это время развивалась и приверженцами местной добуддийской религии Бон, традиционно определяемой как шаманизм, но произведения ее до нас не дошли.

2. Установление тибетского литературного языка в основных своих формах в 13-14 вв. не закончилось. Это был язык письменных памятников, имеющий ряд стилистических особенностей для религиозно-философских трактатов, исторических трудов, повествовательно-дидактических и эгнографических произведений, делопроизводства и т.д. На язык письменности оказывал влияние язык устного народно-поэтического творчества, но со временем это влияние ослабевало. Все большее значение приобретали нормы письменного языка религиозно-философской литературы, развитие которого было тесно связано с влиянием языка переводов буддийских сочинений с санскрита. С начала переводческой деятельности в Тибете (7 в.) переводу подлежало каждое слово текста, включая и специфическую терминологию, что обогащало лексику языка и помогало развитию грамматических норм. Буддийские переводные сочинения принесли с собой художественные образы, стилистические приемы, популярные афоризмы и т.д., которые к 15-17 вв. стали закрепляться в письменном языке.

3. Религиозно-философские трактаты этого времени часто посвящались анализу и трактовке переводной тантрической литературы, которая занимала значительное место в эзотерических учениях буддийских сект. Калачакра-тантра, Хеваджра-тантра, Вимале-прабха, Махамая, Сампута и т.д., - вот круг основных интересов тибетских писателей 13-14 вв. Большое внимание уделялось и комментированию системы логики Дхармакирти. Непременное присутствие буддийской тематики создавало благоприятные возможности для разнообразных заимствований из переводной литературы, как тематических и композиционных, так и стилистических (отдельные обороты, выражения, целые описания). Однако, можно отметить в этих сочинениях отсутствие "плетения словес", высокопарной ритичности.

4. Исторические сочинения 13 в. - неполные и краткие (1-8 ял.) списки тибетских царей 7-12 вв., включая даты рождения, вступления на престол и смерти. Более обширны исторические главы некоторых религиозно-философских сочинений. Это - краткие истории буддизма в Индии и Тибете. Изложение истории - сухой и скатый перечень легендарно-апокрифических фактов появления и победоносного распространения буддизма, что для авторов главное и определяющее в истории. Завершение к началу 14 в. кодификации состава и переводов буддийского канона способствовало появлению исторических произведений, большая часть объема каждого из которых посвящена изложению необходимости изучения и постижения сущности буддизма, обозрению канонической литературы, правилам для изучающих и преподающих. В собственно исторической части излагается история движения буддийской мысли в Индии (появление основных учений и трактатов), сообщаются биографии-легенды Будды (по Лалита-вистаре) и крупнейших наставников. История буддизма в Тибете - сумма чередующихся во времени исторических фактов, главное содержание которых - безостановочное шествие буддизма. Язык исторических произведений прост и деловит, лишен большей частью художественных средств (часто мало даже эпитетов). Эта бедность стиля носила заданный характер, что показывает разница между стилями произведений и их колофонов. В колофонах авторы говорят более ярко и образно, а иногда прямо сообщают, что они не хотели затенять смысл высоким стилем и поэтическими красками, так как хотели сделать произведения понятными.

5. Повествовательно-дидактическая литература (апокрифы, поучения, наставления и т.д.) и биографическая часто использовали сюжеты и мотивы рассказов из переводных сочинений, из тибетских версий сборников "25 рассказов Ветали", "Умань Викрамы", "70 сказок попугая" и тибетского фольклора. Эти замещения иллюстрировали важнейшие аспекты буддизма вообще и отдельные своеобразные моменты учений ведущих сект страны. Например, в 12-14 вв. в секте Кадам-па появился сборник "Голубые книги Потобы" (Бебум-игонпо), состоящий из 4-х произведений, авторство которых приписано крупным деятелям этой секты. Однако сочинение состоит из 105 кратких изложений различных

рассказов, притч и т.д., которыми Потоба (1027-1105) сопровождал с нравоучительными целями свои устные лекции, наставления и т.д.

Первые тибетские географические произведения появились в 12-13 вв., но не сохранились. Они были посвящены царю Сронгцзан-гампо (7 в.), создателю единого и могучего Тибета, и индийскому проповеднику Падмасамбхаве (8 в.), принесшему в Тибет тантрическое учение. Прославление Сронгцзан-гампо связано с политической задачей объединения страны. Жития Падмасамбхавы создавались в среде секты Ньингма-па, считавшей его своим основателем. Сохранились жития, созданные не ранее 14 в. Авторы их явно придерживаются исторического принципа изображения действительности. Они создают нормативные, идеализированные и статичные образы героев, совершающих свои деяния во славу буддизма. Жития эти - не описания жизни героев, они - сборники легендарно-фантастических повестей о деяниях, расположенных часто в хронологической последовательности.

Язык повествовательно-дидактических и географических произведений также чаще всего прост и деловит. Авторы, видимо, считали, что дела говорят о человеке гораздо больше, чем слова. Кроме того, влияние образности переводных сочинений было еще слабым.

6. Вышесказанное позволяет считать, что тибетские авторы 12-14 вв. не имели индивидуальных стилей. Стилистые различия между жанрами более заметны, чем стилистые различия между произведениями разных авторов внутри жанра. Но главные отличия между жанрами тибетской литературы проявляются больше в употреблении, функциональной предназначенности жанров, чем в области стилистических различий.

Г.Г.Смирнов

О ДВУХ МИФАХ ИЗ "КОДЖИКИ" ("ЛЕТОПИСЬ ДРЕВНИХ ДЕЛ", ЯПОНИЯ, УИ в. н.э.)

Оформление японского мифологического материала в стройный, сохраняющий хронологическую последовательность в изложении событий цикл произошло в период правления императрицы Гэммё

и обычно датируется 712 г. Цикл этот, известный под названием "Кодзики" ("Летопись древних дел"), является первым литературным памятником Японии. "Летопись древних дел" - это произведение, которое было призвано отразить и в известном смысле защитить официальную идеологию Японии того времени, покоившуюся на вере в божественное происхождение императора.

Миф "Подземное царство" и миф "Дева Распустившегося Листка" входят в состав "Кодзики". Оба мифа повествуют о женитьбе героя. В первом из них отец невесты предлагает жениху, Хозяину Великой Страны, испытания, которые герой легко выдерживает, пользуясь традиционной помощью невесты и помощью зверей (мики спасает героя от смерти), а также талисманами в виде нейных платков, умиротворяющих диких змей и насекомых. Благополучно пройдя испытания, герой вместе с невестой бежит от ее неговорчивого отца. Испытания, предлагаемые жениху, и помощь, оказываемая ему невестой, последующее бегство героев и погоня отца - типичные мотивы сказочного повествования. С другой стороны, помощь мики, которая, потушив чудесным образом пожар, в критический момент спасла героя, носит тотемистический характер. Можно сказать, что первый миф относится к тому периоду, когда не существовало четкой дифференциации между мифом и сказкой.

Герой второго мифа, бог Ниниги, не подвергается испытаниям во время сватовства. Отец невесты сразу же отдает ему свою красавицу-дочь, а впридачу обмывает с рук и вторую дочь - дурнушку.

Однако, бог Ниниги не желает оставлять у себя дурнушку и возвращает ее отцу. Отец в гневе проклинает бога Ниниги: "Посылая красавицу Сакуя-химэ ("Дева Распустившегося Листка"), я желал ему жизни легкой, как лист древесный. Посылая ему Иванага-химэ ("Дева Вечного Камня"), я желал ему жизни вечной, как вечен камень. Но он прислал мне сегодня Иванага-химэ назад. Посему жизнь сына небесных богов будет мимолетна, как у листа древесного". И далее в мифе разъясняется: "По этой причине и до сего дня коротка жизнь императоров".

Этот эпизод имеет узко мифологическое, ритуальное значение. Он потребовался для того, чтобы объяснить, почему японские императоры, потомки небесных богов, все же смертны.

После первой брачной ночи сына небесных богов Ниниги и красавицы Сакуя-химэ, та сообщила мужу, что пришло ей время родить.

Это показалось богу Ниниги странным и он предположил, что отец ребенка — какой-нибудь земной бог. Тут смелая и гордая Сакуя-химэ ответила: "Если роды пройдут хорошо несмотря ни на что, значит отец — небесный бог". Во время родов домик, где уединилась Сакуя-химэ, вспыхнул ярким пламенем, но тем не менее красавица благополучно родила тройню. Мотив горящего домика роженицы, равно как и упоминаемый в мифе мотив замазывания всех щелей в этом домике, является отражением двух обычаев-ритуалов, по которым в древней Японии домик для роженицы обмазывался изнутри глиной, а после родов сжигался.

Таким образом, в первом мифе мы сталкиваемся с многочисленными сказочными мотивами, соотносящимися с мифологическими явлениями — такими, как опосредованный тотемизм. В то же время во втором мифе налицо отражение определенных ритуалов религиозного или полурелигиозного происхождения. Второй миф — явление более позднего времени, когда уже произошло разделение мифа и сказки и миф стал лишь выражением ритуальных явлений. Наличие же в первом мифе сказочных мотивов обогащает его с точки зрения художественной ценности. Стремление к художественной полноценности и обуславливало плодотворное взаимовлияние мифа и сказки на протяжении веков.

В.Д.Нейнин

НЕИЗВЕСТНЫЕ РУКОПИСНЫЕ ФРАГМЕНТЫ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЙОСЁФА БЕН ТАНХУМА ХАЙ-ЙЕРУСАЛИМ

Кроме известных рукописей поэтических сочинений Йосёфа бен Танхума хай-Йерусалим (род. 1262)¹ и описанной автором этих строк неизвестной рукописи 2-го собрания Фирковича² в том же собрании нам удалось обнаружить еще 4 небольших фрагмента из дивана поэта.

I. Евр. II A № 47

Литургический сборник разных авторов. Не датирован. Объем рукописи — 151 л. Формат 183 x 137 мм. Размеры текста 135x105мм.

Бумага восточная, толстая, гладкая, хорошо отбеленная. Чернила темнокоричневые. Почерк раббанитский восточный XV-XVI вв.

Нет начала и конца. Стихотворения имеют еврейскую нумерацию на полях. В большинстве случаев после стандартного заглавия

לרחק обозначен автор. Рукопись начинается с № 6 (заглавие и № отсутствуют) и заканчивается № 244. Среди авторов: **Мо́ху́д хай-Ле́ви**, **Авра́хам** и **Моше** ибн: **'Эзра́**, **'Эл'азар хай-Бади́**, **Мо́ху́д 'ах-Ха́рий**, **Ицха́к бен ГИ'эд** и др. Встречаются стихотворения светского содержания.

На лл. 71б-72а под № 90 содержится стихотворение **Ибсе́фа бен Танху́ма**. Оно озаглавлено:

אחרת לך יוסף בן תנחום זמן יום להטיב

Начало:

יה ארך אשא בני אל נוכח כסך³

Стихотворение идентично № 86 из IV раздела дивана **Ибсе́фа бен Танху́ма**.⁴ Оно приведено здесь полностью.

2. Евр. II A № 20I/II

Фрагмент. По-видимому, из сборника стихотворений разных авторов. Один лист. Формат 160 x 105 мм. Текст написан очень густо, почти без полей. Бумага очень старая, восточная, белая, но потемневшая от грязи. Почерк раббанитский восточный XIV-XV вв. Мы предполагаем, что это лист из сборника разных авторов, т.к. иначе непонятно, зачем рядом с арабским заглавием

אחרת בן אחלי אנשי

обозначена авторская принадлежность

ליוסף בן תנחום

Начало стихотворения

יאתה לך הגדולה אל ורומיה תהלה

Пиййу́т дан полностью. Его конец на обороте этого же листа. Стихотворение по другим рукописям **Ибсе́фа бен Танху́ма** неизвестно. В библиографическом своде **И. Давидсона** оно также не зарегистрировано. По-видимому, это одно из стихотворений IV раздела дивана **Ибсе́фа бен Танху́ма хай-Иеру́мали́**, конец которого, согласно рукописи 2-го собр. **Фирковича** № 85/8, содержит **пиййу́т**.

После указанного стихотворения идет следующее, написанное на мелодии:

אעמוד לפני עליון

Его начало:

איך לא מבטחה עלך ולתוך אשבר.

Оба стихотворения в форме муваннаха.

3. Евр. II А № 589

3 фрагмента разных поэтических текстов. 3 лл. очень старой восточной бумаги. Все листы написаны разными восточными почерками XII-XV вв. Все листы одного формата 280 x 150 мм.

На первых двух листах содержатся стихи, на третьем - стихи и начало мақамы.

На этих 3 листах нас интересует л.2, т.к. он написан почерком очень близким к почерку рукописи № 291/1 из того же собрания, содержащей диван Ибосефа бен Танхума. Возможно, что рукописи написаны одной рукой.

Перечислим арабские заглавия, встречающиеся на л.2а:

1. וקאל בי מן אלוטאר מנה כלאבא ולם ירדה.
2. וקאל איצא על מעני ביתין ערביה (sic!) בי אלאעтואר מן דכול אלמאם בי איםם אלפראק.

3. ולה בי אלтוכל.

и т.д.⁵ - все стихотворения УП раздела дивана Ибосефа бен Танхума хай-Иёрунамий, начиная с № 16 (строка 2) до конца дивана на л.2б. после чего следует приписанное другим почерком стихотворение Иёхуми 'ад-Харбий.

4. Евр. II А № 548

5 лл. восточной бумаги содержит поэтические тексты литургического характера разных авторов. Жанр пиййутим: кинот и тодахот. 4 разных почерка: л.1 - восточный раббанитский, л.2 - почерк Раши, лл. 3 - 4а - восточный раббанитский с некоторой близостью к почерку Раши (особенно в буквах "алеф", "бет", "хэ"), лл.4а-5б - тот же тип почерка другой рукой.

Размер интересующего нас л.1 208 x 155 мм, текст 177x128 мм, чернила черные.

Л. 1а начинается строкой (сохраняем оригинальную огласовку):
אוקלה זקניה כאלו פקקה היות וצר פקת עלי אגלי

Это текст I элегии У1 раздела дивана Ибосефа бен Танхума хай-Иёрунамий, начиная со строки 8 до конца. В тексте есть отличие

от рукописи того же собрания № 100/1: пропущена строка 9 и к концу приписана строка:

(sic!) $\text{הַיְהוּדִים הָיוּ לְעַמּוּד הָאֵשׁ בְּיָמֵינוּ}$

Стихотворение огласовано по тивермадской системе, но огласовка отличается от месоретской, как можно было заметить в цитированных строках. Часто вместо знака "nāṭāḫ" - "kāmēd", хāṭēfīm заменены знаками соответствующих кратких звуков.

Книга заканчивается на л. 1а.

Другие листы стихотворений Йосефа бен Танхума не содержат.

1) См. научную работу в журнале "Acta orientalia academiae scientiarum Hungaricae", vol. XIII, fasc. I. и Тезисом докладов IV годичной научной сессии Ю ИНА, Ленинград, 1968, стр. 94-98.

2) См. научную работу в сборнике "Проблемы истории и филологии стран Азии и Африки. Сборник в честь 70-летия проф. И.И. Винникова. (В печати).

3) Паузальная форма (проверяется по рифме).

4) См. рукописи 2-го собр. Фирковича Евр. П А № 291/1, лл. 486-49а и № 85/26, лл. 13а-13б, в рукоп. Британского Музея под № 36 другое стихотворение.

5) См. рукоп. 2-го собр. Фирковича Евр. П А № 100/1, л. 20 и № 291, лл. 576-58.

С.И. Баевский

МОДАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ПРИЧАСТИЯ ДОЛЖЕНСТVOВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

Помимо личных глагольных форм, образующих стройную систему спряжения в составе трех наклонений (изъявительного, сослагательного, повелительного), современный персидский язык располагает рядом других глагольных средств, принимающих участие в выражении модальных отношений. В частности, очень выразительна в модальной функции форма причастия будущего времени (причастия долженствования). В работах, посвященных грамматике современного персидского языка, круг модальных значений этой формы не находит, однако, достаточного освещения.

Основное значение формы - придавать действию, обозначаемому ею, значение необходимости или возможности выполнения. С этим основным значением форме может употребляться в трех функциях:

1) глагольное употребление формы (участие в образовании сказуемого), напр., *рэфтáни-ám* - я собираюсь идти, *рэфтáни будám* - я должен был пойти;

2) обозначение отглагольного прилагательного, типа *фим-е дидáни* - фильм, который следует посмотреть, *кетаб-е хандáни* - книга, которую следует прочесть;

3) обозначение отглагольного существительного, типа *бáстáни-моржене*, *хордáни* - пища.

При употреблении формы причастия долженствования играет роль переходность-непереходность глагола. Переходные глаголы в форме причастия долженствования дают пассивное значение с оттенком долженствования, например, *гофтáни* - то, что должно быть сказано. Непереходные глаголы дают значение активного долженствования, намерения, например, *амáдáни* - тот, кто должен прийти.

Форма причастия будущего времени в современном персидском языке по своей модальной сущности заметно обличается с формами осслагательного наклонения в выражении значений долженствования, желания, намерения, необходимости, возможности действия. При этом модальное содержание формы особенно ясно проявляется в случаях употребления формы в роли отглагольного прилагательного и в глагольном ее употреблении (участие в образовании сказуемого).

Причастие будущего времени в роли отглагольного прилагательного выражает различные модальные значения: долженствования, необходимости, желательности какого-либо действия. В предложении оно часто выступает в качестве определения. Примеры:

(خانواده) وقت تنگ و منور مطالب گفتنی بسیار است
- Времени мало, а вопросов, о которых нужно сказать, еще много.

(مادق صلیت) میانید من یک یادگار فراموش نشدنی با این موزیک دارم

- Знаете, у меня есть одно незабываемое воспоминание, связанное с этой музыкой.

(دشتی) ابدای سرد کوهستان هم توانست این التهاب خاموش نشدنی را تسکین بدهد

- Даже холодные горные ветры не могли успокоить этот неугасимый пыл.

Наиболее выразительно в модалном отношении употребление формы причастия долженствования в составе сложного сказуемого.

В этом случае форма в современном персидском языке употребляется со служебными глаголами: связкой, глаголами будан и мудан. В глагольном употреблении форма причастия будущего времени выражает долженствование, возможность, намерение, желание действия. Примеры:

(مادق صايت) من نمیتوانم ... مردف صستم ... شبا بروید

- Не могу... умираю (я должен сейчас умереть)... ступайте!

(دشتی) صايت آقاي زارز بیشتر شنیده من خواهد بود

- Рассказ господина Фермороз интереснее будет послушать.

(مادق صايت) ميرزا حسينعلی ... از سفر آخری که برگشت در تهران مانده شد

- Мирза Хосейн Али ... вернувшись из последней поездки, решил остаться в Тегеране.

Участвуя в образовании сложного сказуемого, форма причастия долженствования называет действие и выражает модалное значение, категория же времени, лица и числа определяется служебными глаголами.

В современном персидском языке причастие будущего времени выступает в определительной функции и в качестве отглагольного имени. Реже эта форма выступает в роли составной части сложного сказуемого. В этом отношении современный персидский язык отличается от современного таджикского, где эта форма употребляется преимущественно в предикативном значении, с оттенком намерения - как в некоторых говорах, так и в литературном языке. В современном таджикском языке причастие долженствования в глагольном употреблении становится широко распространенной формой. Причастие долженствования имеет определенные модалные функции и в других иранских языках, например, осетинском и талышском, где оно употребляется с тем же модалным значением намерения, долженствования.

Примеры из современного персидского показывают, что причастие долженствования не стало в нем столь употребительным, как в современном таджикском. Вместе с тем, причастие долженствования

находит большое распространение в персидских диалектах. На широкое применение этой формы в диалектах Хорасана обратил внимание В.А.Иванов, не указав, впрочем, в какой синтаксической роли она наиболее употребительна.

М.Н.Боголюбов

ДВА ИРАНО-АРАМЕЙСКИХ ГИБРИДНЫХ СЛОВА

I. *pt(y)rga*

Осталась неучтенной возможность объяснения *pt(y)-* в *pt(y)rga* (Каули, папирус № 37) с помощью относительного прилагательного от иран. *rad-*, *radī-* "дорога" - **radī-*, **radya-* "предназначенный для дороги", которое в субстантивированном употреблении приобретает значение "рацион", ср. в древнеиндийском *radīya-* "запас для дороги", "средства на путевые издержки". Н.-перс. *rāh* "продукты", "провизия" поддерживает постулируемые древнеиранские формы **radī-*, **radya-*, которые являлись терминологическими вариантами к др.-иран. *radma-* "рацион", отразившемуся в арамейском в виде *ptr* "провизия", "рацион", "довольствие".

При *pt(y)-* из **radī-*, **radya-* термин *pt(y)rga* представляется образованным по типу иран. **radma-baga-* или **radfa-baga-* букв. "доля продовольствия", откуда библ.-арам. *rtbg* "рацион", с той особенностью, что вторым компонентом в *pt(y)rga* приходится признать арам. *rga* "довольствие", "жалование" от *rga* "делить"; *pt(y)rga* - "путевое довольствие", "довольствие (в продуктах, деньгах)". Наличие арам. *rga* в *pt(y)rga* допускали Лидбарски и Хвзинг. Связь *pt(y)rga* с иран. **radya-* и арам. *rga* более реальна, чем с иран. *ratifra-* "читать", "толковать"; **ratifrā(a)-* "чтец" (Эйлерс); *pātafrāh*, *patafrās* "возмездие", "наказание".

2 *p'thātly*

Означает род документа, встречается в сасанидских надписях - *p'thātly*, в парфянской поэме *Draxt āsūrīk* - *p'thāyl*, у ар-

мянского автора У в. - *patāir* . Имеет чистомранский облик, но в иранском корнеслове объяснения не находит.

В арамейских диалектах широко распространено имя от аккад. *kaṣāru* "писать" - ахем.-арам. *ḫṣr* "документ", мид.-арам. *ḫaṣā*, *ḫiṣra* , сир. *ḫāṣā* , манд. *kaṣara* "документ". Наряду с ирано-арамейским *pt(y)ura* (см. выше) можно допустить употребление арам. *ḫṣr* "документ" с определенным иран. **raḫua-*, **raḫi-* , **raḫa-* "предназначенный для дороги", "довольствие": ахем.-арам. **pt(y) ḫṣr* "документ на (путевое) довольствие". Термин был усвоен иранцами, иранизован: **pt(y) ḫṣr* фонетически преобразовали в привычное слуху звучание **pātixāra* , из которого развились перф. *p'tāṭly* **pātixāhr*, **pātixāhr* и *raḫaxāir* , *raḫaxāir* (арм. *patāir*) .

В надписях Картира иран.-арам. по происхождению слово *p'tāṭly* употребляется рядом с *ṣtu* , *ṣtku* , также означавшим род документа. Как показывают хорезм. *ḡuṣ(y)k* "письмо", "книга" из *gitak* и арм. *ktak* , это слово бытовало в древнеиранском, среднеиранских, и нет нужды воспринимать его в надписях как идеограмму. В *p'tāṭly* отразилось бывшее в употреблении у иранцев арам. *ḫṣr* "документ"; сасан. *ṣtu* , *ṣtku* "документ", хорезм. *ḡuṣ(y)k* "письмо", "книга", арм. *ktak* свидетельствует о заимствовании в древнеиранский аккад. *giṣṣu* , арам. *ḡṣ* (ср. мид.-арам. *ḡṣ* , *ḡṣ'* сир. *ḡṣ'* , манд. *giṣu*) "документ".

Интересно, что в Главе XV *Frabang i Pahlavik* названия различных письменных документов - *DMT'* , *TMT'* , *ZB'* , *MSLT'* *KT'* и др., приведены в написаниях, характерных для идеограммы, но чтения при идеограммах не указаны, пояснено лишь, что все перечисленные слова относятся к понятию *yāmak* "письмо", которое, однако, не связано ни с характером документа, ни с письменным материалом. Из текста *Draht āyārik* следует, что под словом *MSLT'* (упомянуто среди *koḫ*) понимали пергамент, документ на пергаменте. Др.-перс. **magallataka* "изготовитель пергамента", восстанавливаемое по аккадскому написанию, и арм. *magalat'* "пергамент" говорят о том, что слово *magalat* было известно иранцам. Не было надобности приводить чтение и при *KT'* (*ḡṣ'*) - в среднеиранских языках употреблялось слово *git* , *gitak* . Ср. также перс. *ḡruk* "книга", турф. *ḡrug* , реннен.-перс. *kuwu*

nyu, nyu, согл. nyuk, хорезм. nyuk, сир. nyu', продолжители
(см. Salama, Man. St., 8., 97) др.-перс. dīrī- из аккад.
ṭurru.

А.М.Газов-Гинзбург

О ВОЗМОЖНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ СИМВОЛИКИ

В истекшем году издательством "Наука" выпущена в свет книга под названием "Как возникнет всеобщий язык?"¹ Автор ее стремится показать, что человечество не может надеяться на стихийное слияние существующих языков в единый общечеловеческий (или ждать вытеснения одним языком всех прочих). Единый язык может быть создан лишь с участием творческой деятельности лингвистов, то есть "искусственно". На первой ступени, по мысли автора, такой язык будет служить только для международного общения (не вытесняя национальных языков внутри отдельных стран). Польза от введения такого языка не требует доказательств, а его достижимость - хотя бы на указанной начальной ступени - также не может считаться нереальной. Ясно, что изучение такого специально обработанного языка гораздо проще, чем любого из множества иностранных языков, а ведь на это изучение тратятся годы практически всего населения передовых стран (с обязательным школьным образованием). Уже опыт Эсперанто, несмотря на все его недостатки, включая европоцентризм (точнее, романоцентризм), доказывает, что мечты о всемирном языке не являются фантазией. Таковы, вкратце, выводы упомянутой книги.

Не станем здесь обсуждать стоящие на пути интерлингвистики трудности общественного порядка (сложность согласования действий). Коснемся лишь чисто лингвистической стороны.

При создании международного языка предлагается, естественно, использовать наиболее общие различным языкам элементы. Каковы же конкретно эти элементы могут быть? На это мы не находим в названной книге достаточно определенного ответа. Особенно это касается наиболее трудоемкой (для создания и усвоения) составной части языка, а именно его лексики. Известен совет предельно использовать так наз. "интернационализмы", то есть слова, широко распро-

отразились путем заимствования. Однако, даже такие слова, как 'телевизор' или 'футбол' в ряде языков (китайский и др.) заменяются обычно кальками, и являются таким образом лишь "регионализмами"²; кроме того, большинство этих слов трудно отнести к основному словарному запасу.

Мы предлагаем использовать для указанной цели наиболее общие языком земного шара тек наз. символические или звукообразительные элементы³.

Лучшей возможностью обосновать наше предложение является создание экспериментальной модели такого языка. На подобной модели можно будет проверить как пригодность такого языка на практике, так и легкость его усвоения (опыт, имеющий значение и для психолингвистики).

В докладе же можем дать лишь несколько примеров из области грамматики и лексики.

Взвьем грамматику глагола. Допустим существование корня *aliv* - скольжение и морфемы неопределенного склонения - *na*. Различение мгновенного и длительного аспектов (или совершенного и несовершенного видов) естественно выразить степенью открытости основы (закрытости слога): *alivna* 'скользнуть' - *alivna* 'скользять'. Начинательность можно выразить введением нейтрального гласного в начале: *avalivna* 'заскользнуть'. Многократность - повтором какого-либо элемента основы, как в очень многих языках: *alivalivna* 'скользить (время от времени)', или повтором суффикса, напр. словечком *na* перед глаголом. Времена легко различать местом ударения: чем раньше стоит оно в слове, тем более "раннее" время означает, например *alivinal* 'скользи (а/н)', *alivinal* 'скользит, скользят', *alivinala* 'будет, будут скользять' (ор. предположение о подобной символике в древнеевр. формах *pra'alta-pra'alta*). Запомнить такой принцип несравненно легче, чем особые морфемы для каждого времени.

В области грамматики имени можно использовать отмеченную еще Есперсеном символику типа *a* (*w*) - *i* (*j*) для различения соответственно увеличительных - уменьшительных форм, а также мужского - женского полов (родов); часто отмечавшаяся символика мягкого *l* в виде суффикса ласкательных форм, и ряд других принципов.

В отношении лексики нам придется ограничиться здесь еще более отрывочными примерами. В нашей книге (стр.22,58) мы говорили,

например, о весьма сходном изображении тонация (т.р. ,d.b.) в индо-европейских, семитских, тюркских, малайских, японском языках. Даже в китайском, где любой корень до крайности упростился, в частности утерев омычные звуки в конце (ср. *tò*, *tà* 'тонать'), наблюдаются аналогичные сочетания путем сложения близких корней-слогов: *tà-ba* - 'топот'. Отсюда производится масса вполне "нормальных" слов, например рус. стопа, ступня, ступать (на-, от-, в-, про-, приступить), поступок, проступок, преступление, поступательный, ступень, стезень, стениный, степенство, постепенно и т.п. В нашей модели отсюда же могут быть образованы слова вроде *tèrra* 'нога (ступня)', *tèrrra* '(на)ступить', *tèrrra* или *tèrrra* 'ходить', *tèrra* 'нол, земля' и т.д.

Еще более международным подражаниям голосам зверей. Так, китайские названия многих животных: *mā* 'кошка', *gōu* 'собака', *wā* 'лягушка' и др. видимо обладает повышенной запоминаемостью и для европейца. Отсюда в нашей модели: *mān* 'кот', *mān* 'кошка', *wān* 'лягушка' и т.д.

И отсутствие звука может быть выражено символически. Так, частый символ молчания - смыкание губ: англ., итал. *mb*, араб. *mb*, кит. *mò*. Отсюда в нашей модели: *mōmba*, *mōmbōla* '(за)молчать'.

Фигуры, формы нередко отражены в так наз. "звуковых кестях". Например, сочетание *bo(b)*, *po(p)* [o/a] символизирует объемную округлость, что отмечено рядом авторов для индо-евр., семит., малайск., яп. языков (там же, стр. 78-79); в кит. языке ср. *pa*, *bā*, *bān* 'пузырь', бирм. *ba-bān* 'пар'. Отсюда в нашей модели: *bōba* 'пар'; с ласкательным суффиксом -l- (означает игры и т.п.) - *bōlla* 'мяч'.

Как видно на ряде примеров, включение в нашу модель реальных слов национальных языков особо приветствуется, если они соответствуют (или хотя бы не противоречат) общим принципам символики.

Остается повторить, что полное суждение о названной модели может быть составлено лишь после представления ее в готовом виде.

1) В.П.Сведост. Как возникнет всеобщий язык? М., 1968, 278 стр.

2) Там же, стр. 280-281 (со ссылкой на М.М.Маковского).

3) Не сводить к "звукоподражаниям"! Мы уже стремились доказать в книге "Были ли язык изобразителем?", М., 1965, как и в ряде статей, звукообразительное происхождение лексики, хотя в ре-

зультате фонетического и смыслового развития это далеко не всегда заметно в современных языках.

И.С.Гуревич, И.Т.Зюграф

О НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В ГРАММАТИЧЕСКОМ СТРОЕ
КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА II - XII вв.

1. Исследования последних лет в области китайского языка (монографии В.Добсона - "Китайский язык раннего архаичного периода", 1962 г., "Китайский язык позднего архаичного периода", 1959 г., "Китайский язык поздней Хань", 1964 г.; С.Б.Яхонтов, "Древнекитайский язык", 1965; И.С.Гуревич "Очерк грамматики китайского языка II-V вв. н.э. (на материале переводов на китайский язык произведений буддийской литературы)", рукопись; И.Т.Зюграф "Очерк грамматики среднекитайского языка (по памятнику "Цзинь бэй туншу слово")", 1962 г., "Язык дунхуэньских бляхвэней", рукопись), а также известные работы по языку вйду (А.Масперо "О некоторых старых текстах китайского разговорного языка", 1914 г.; Гао Мин-кай "Грамматические элементы, встречающиеся в вйду секты дэяня эпохи Тан", 1948 г.) дают материал для решения ряда вопросов, касающихся истории китайского языка, более детальной характеристики отдельных периодов истории китайского языка или отдельных жанров китайской литературы на разговорном (или близком к разговорному) языке, более точной периодизации истории китайского языка. Указанные работы дают также представление о тех процессах, которые происходили в китайском языке на протяжении значительного отрезка его истории.

2. При характеристике состояния языка в различные эпохи, равно как и при решении других вопросов, основное внимание уделяется грамматическим признакам - служебным словам, словам-заместителям, некоторым наречиям и т.д.

3. Китайский язык эпохи Лючео (точнее II-V вв.н.э.) в лингвистической литературе по истории китайского языка (например, Ван Ли, "Опыт истории китайского языка") не рассматривался как отдельный период, а считался переходным от древнекитайского к среднекитай-

скому. Действительно, в языке этого периода, с одной стороны, сохранились многие явления, характерные для классического древне-китайского языка (в частности, местоимения 者 че и 所 со, основные предлоги - 以 и, 與 вй "с", 為 вэй "для" и т.д.), с другой, - возникли грамматические явления, утвердившиеся лишь в последующий период (местоимение 他 та "он", предлог 與 вй "для", наречие 別 бе, связочное предложение с 是 ши, образование сложных глаголов). Однако китайскому языку II-V вв. присущи и свои специфические грамматические особенности. Так, например, временные показатели перед глаголом образуют определенную характерную именно для языка данного периода систему: показателем прошедшего времени является 嘗 чан, показателем перфекта 已 и, и показателем будущего времени 當 дан. Особые значения приобрели некоторые предлоги. Так 從 цун имеет, помимо обычных своих значений, и особое - вводит дополнение со значением лица. Специфические значения характерны для некоторых наречий: 都 ду "овсю", "везде" (обычно с отрицаниями 無 у или 不 бу); 但 дань "только что". Из области синтаксиса: существовал особый способ образования вопроса - при помощи морфемы 不 бу в конце предложения; особый способ образования условного придаточного предложения при помощи морфемы 者 че в конце предложения. Эти специфические грамматические особенности позволяют нам внести изменение в существующую периодизацию истории китайского языка - выделить язык II-V вв. как самостоятельный этап.

4. Язык эпохи Тан изучен нами на материале бьяньвэней. В бьяньвэнях еще сохраняется ряд грамматических явлений, характерных для языка II-V вв (в частности, предлог 為 вэй "для", служебное слово 令 лин в побудительной конструкции, указательное местоимение 此 ци, вопросительное предложение с 不 бу и т.д.). Становятся обычными грамматические явления, появившиеся в более раннем языке, но представленные там единичными примерами - местоимение 3-го лица 他 та, предлог 與 вй "для", наречие 別 бе, связочное предложение с 是 ши. В этот период возникают новые грамматические явления - местоимение 2-го лица 你 ни, возвратные местоимения 自己 цзыцзян и 自家 цзяцзя, указательное местоимение 這 чэ, отрицание 沒 мэй, вопросительная частица 麼 ма, причинный союз 所以 сои, отрицательная форма свя-

зочного сказуемого 不是 бу и, служебные слова 把 ба и 将 цзян с прямым и инструментальным дополнением; глаголы с неосновным значением употребляются в начале самостоятельного предложения, показатели побудительной конструкции - между подлежащим и сказуемым; морфема 将 цзян наблюдается в составе сложного глагола. Эти новые грамматические явления сохраняются и в более позднем языке, в суэских рассказах (хуабэньх). Для последующих текстов характерны, кроме того, грамматические явления, не отмеченные в суэских рассказах, вопросительное слово 等 чэн, 能 нэн в значении "так", "такой", служебное слово 后 хэ в значении доказательства, общий вопрос с отрицанием 無 у, показатель побудительной конструкции 還 цзянь, 比 (比本) би (ближай) во временном значении, служебное слово 次 цзи "когда", альтернативный вопрос с 為當 (為復) вэйдан (вэйфу), 解 цзе в значении "мочь", "уметь", особенно широко употребляются модификаторы 取 цзюй и 却 цзе.

5. В период Сун (по суэским хуабэньх) возникает также грамматические явления, как суффикс множественности 們 мэн, место-предикативы 這般 чэбань; 這等 чэдэн, вопросительный место-предикатив 甚 цзэн, показатель определения 的 ди, предлог 后 хэ "и", "о", конечная модальная частица 則個 цзэге и др. В этот период нет еще современных указательных и вопросительных место-предикативов, оформленных суффиксом 樣 янь, глагольного суффикса 過 го, наречия 很 хэнь, конечной вопросительной частицы 呢 ни, отрицания 別 бе в запретительном предложении и др.

6. Об изменениях в грамматическом строе китайского языка можно судить не только по тому, что возникает или что отрицает. Об этом свидетельствует также изменение функций одного и того же служебного слова на протяжении ряда эпох. Так, служебное слово 将 цзян в языке II-V вв. употреблялось только в конструкции с непереходными глаголами (глаголами движения) и при этом вводило лишь одушевленное существительное; в языке периода Тан оно могло вводить и одушевленное и неодушевленное существительное, и, кроме того, в эпохи Тан и Сун цзян, наряду со служебным словом 把 ба, употреблялось с прямым и инструментальным дополнением (в языке II-V вв. в этой функции употреблялась морфема 将 цз); в современном язы-

не сохранилось только *把* бе и возможно оно только с прямым дополнением. Глаголы с пассивным значением в современном языке не употребляются в начале самостоятельного предложения, как это имело место в период Тан и Сун. Служебное слово *把* бе, обычное в Тан и Сун как перед существительными, так и перед глаголом, в современном языке отмечено только перед существительным и т.д.

Н.В.Клиссеева

О НЕКОТОРЫХ МЕТОДАХ ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ Д.Н.МАРРА ("Документированный персидско-русский словарь")

Изучение персидского языка, словарная работа глубоко интересовали Д.Н.Марра с самого начала его научной деятельности. Об этом свидетельствуют его постоянные занятия в этой области. В 1924 г. Д.Н.Марр поставил вопрос о составлении персидского словаря в Ленинградском институте сравнительного изучения языков и литератур Востока и Запада коллективным методом. На организационном заседании под председательством академика В.В.Бартольда между собравшимися были распределены задания, но что было выполнено, неизвестно. Та же мысль о необходимости создания персидско-русского словаря путем привлечения к этому делу целого коллектива сотрудников была высказана Д.Н.Марром в статье "Очерк персидской лексикографии в Европе", которая была переведена на персидский язык и опубликована в 1926 г. в трех номерах (№ 4,5,6-7) исфahanского журнала "Сиххат" ("Гигиена"). (На русском языке эта статья, вероятно, опубликована не была).

В 1928 г. при поддержке академика С.Ф.Ольденбурга благодаря усилиям Д.Н.Марра вышел в свет первый выпуск из задуманной им серии словарей под общим названием "Материалы для словаря живого персидского языка" - "Персидско-русский словарь физических терминов" А.К.Арендса, на котором эта серия и прекратилась. В предисловии Д.Н.Марра к этому выпуску был помещен подробный план работы по составлению словаря современного персидского языка (А.К.Арендс, Персидско-русский словарь физических терминов, 1928 г., Л., сс. 2-4). В этом плане Д.Н.Марр предполагал привлечь

к составлению словаря большой коллектив русских и персидских иранистов. Изучение персидской литературы, классической и современной, сопровождалось углубленным изучением персидского языка, лекции тех авторов, которыми занимался Д.Н.Марр. В его архиве сохранилось значительное количество (свыше 1000) словарных карточек к произведениям различных авторов (Мактаби, Фирдауси, Хабиби, Хатифи и др.). Леконка Низами Ганджави особенно привлекала внимание Д.Н.Марра, о чем свидетельствуют карточки ко всем его произведениям, входящим в состав "Хамсе" (свыше 2000 карточек).

Прежде чем приступить к созданию общего документированного словаря, у Д.Н.Марра была мысль составить документированные словари к произведениям отдельных авторов, в частности, - Низами. Он рассматривал такой словарь как "... один из бесчисленных словарей, которые должны быть составлены и волею как подсобный материал в общий словарь" (оп. I, ед.хрэн.180). "Основной работой, вернее той, которая брала больше всего времени и была связана со всеми остальными, - являлось составление персидско-русского словаря, каковое почти закончено", (Д.Н.Марр, Статьи, сообщения и резюме докладов, т.1, с. XXIV). Это должен был быть, по его мысли, большой, рассчитанный на 40 выпусков, документированный персидско-русский словарь. "Он назван "документированным" потому, что каждое слово, по возможности данное в контексте, имеет при себе указание, откуда оно взято" (предисловие к "Документированному персидско-русскому словарю", стр.1).

Первый выпуск этого словаря вышел в свет в 1984 г. в Тифлисе, тиражом в 550 экз. В этот выпуск вошли "алиф" и начало буквы "ба". "Первоначальное ядро словаря составляли те записи, которые я привез в дневниках из поездки 1925/26 года" (там же с.1). Стремясь избежать большого количества типографских ошибок, Д.Н.Марр решил издать словарь литографским способом. Единственный из задуманных сорока выпусков, первый выпуск "Документированного персидско-русского словаря" Д.Н.Марр сам переписал от руки для литографирования, сам снабдил его иллюстрациями, что и составляет одну из особенностей этого словаря. Другой его особенностью является обилие этнографического материала. Так, например, слово **اطاق** "комната" занимает в словаре 17 страниц, оно снабжено несколькими чертежами и представляет собой небольшой этнографический этюд.

Некоторые статьи словаря содержат диалектологический материал, например, слово انگشت "палец", где приводятся названия пальцев по диалектам.

В архиве Д.Н.Марра сохранились материалы, показывающие некоторые методы его лексикологической работы, его тщательность и стремление к получению максимально достоверных языковых данных. В настоящем сообщении имеются в виду две единицы хранения из его архива (Архив востоковедов, 10 ИВ АН СССР, фонд 95) - анкета о красках (оп. I, ед. хран. 462) и литографированная сопроводительная к ней записка на персидском языке (оп. I, ед. хран. 840).

В 1929 г. Д.Н.Марр через полпредство СССР в Персии разослал различным лицам собственноручно изготовленный листок, разделенный на 25 квадратиков, закрепленный акверелью разных цветов и оттенков, который он назвал "анкетой о красках". "Расширенная прилагаемая таблица является одной из попыток собрать материал, который позволит нам дать для определенной, хотя и ограниченной, но весьма существенной области языка список слов с твердым значением", - пояснил Д.Н.Марр своей записке (оп. I, ед. хран. 462). В литографированной записке, приложенной к анкете, говорится о необходимости создать новый, всеобъемлющий персидский словарь, о задачах, стоящих перед составителем такого словаря. В ней поясняется, каким образом следует заполнять анкету, а также говорится о том круге лиц, которых следует привлекать к ее заполнению. Это должны быть лица, по роду своей деятельности связанные с красками - ковровщики, кожевники, художники, работавшие в ковроткачестве, преподаватели рисования, продавцы пряжи, шерсти и т.п. Если окажется, что в анкете отсутствует какой-либо цвет, следует приложить образец отсутствующего цвета вместе с его названием. Материалы, полученные в 16 ответах на анкету о красках, вошли в документированный словарь.

Словарной работой Д.Н.Марр занимаясь до конца жизни - 8 ноября 1935 г., за три недели до кончины, он в письме к Р.А.Гелунову сообщил, что заканчивает персидскую (для литографии) первую часть второго выпуска словаря.

МЕЛОДИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОНАНТОВ
В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотируемая работа выполнена под руководством Н.А.Слепнева и Л.В.Бондарко в 1968 г. Осциллографические записи проводились в лаборатории экспериментальной фонетики ИГУ.

В работе исследуется мелодическая характеристика начальных сонантов /м/, /п/, /л/ в китайском языке. Как известно, сонанты образуют особую группу звуков, обладая артикуляционными и акустическими признаками, которые сближают их, с одной стороны, с гласными, с другой — с согласными. Поэтому можно ожидать, что и мелодическая характеристика сонантов, т.е. их характеристика с точки зрения основного тона, имеет специфические черты, особенно в китайском языке, где тон играет основополагающую роль.

Рассматривается также вопрос об определении границы между начальным сонантом и последующим гласным по графику движения основного тона. (Определение границы между сонантом и гласным на осциллографической кривой часто вызывает затруднения. См. Л.В.Бондарко. Осциллографический анализ речи. Изд. ИГУ, 1965).

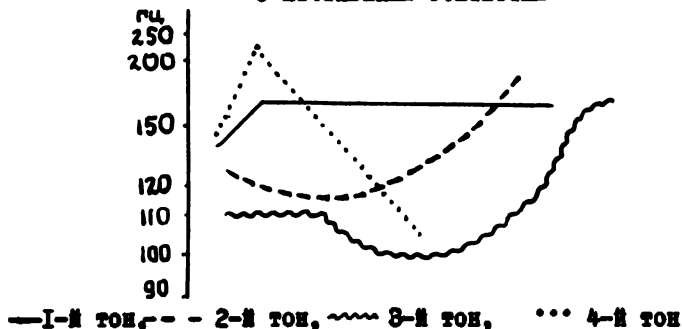
Материал, использованный в работе, получен от двух информантов (мужчин в возрасте 40 лет), владевших литературной произносительной нормой китайского языка — с некоторыми диалектными отклонениями, не существенными для данной цели.

Запись слогов на осциллографе Н-102 была произведена со скоростью 500 мм/сек, отсчетка времени 1000 гц. Всего было записано 180 слогов с начальными сонантами /м/, /п/, /л/ и построено 180 графиков движения основного тона.

В пекинском диалекте китайского языка четыре тона: высокий ровный (1-й тон), восходящий (2-й тон), ровный низкий с несколько приподнятым началом и восходящим концом (3-й тон) и нисходящий (4-й тон). Подразумевалось, что сонант, подобно гласному, непосредственно настраивается на тон, и соответственно движение основного тона сонанта не отличается от движения основного тона гласного. Выяснилось, однако, что характер движения основного

тона в начальных сонантах /л/, /н/, /п/ значительно отличается в большей части случаев от характера движения основного тона гласного в том же слоге. Начало сонанта приближается к некоторому среднему уровню и лишь незначительно отклоняется от него под влиянием тона последующего гласного: в 1-м и 4-м тонах начало сонанта несколько выше, чем во 2-м и 3-м тонах.

Схема движения основного тона в слогах с начальными сонантами

В 4-м нисходящем тоне движение основного тона в сонанте противоположно движению основного тона в гласном: сонант в 100% случаев имеет восходящий рисунок основного тона (например, у 2-го диктора сонант начинается на высоте 140 гц и завершается на высоте 220-250 гц). В ряде случаев граница между сонантом и гласным хорошо видна на осциллографической кривой. Это позволило определить, что граница между сонантом и гласным находится там, где кончается восходящий рисунок основного тона сонанта и начинается нисходящий (или небольшой ровный) участок гласного. См. схему выше.

Аналогично реализуются сонанты в слогах с 1-м ровным высоким тоном. Сонант также имеет восходящий рисунок основного тона, граница между гласным и сонантом находится там, где кончается восходящий рисунок основного тона сонанта и начинается ровный гласный. Граница между сонантом и гласным — это максимальная по высоте точка сонанта. (У 2-го диктора начальная высота сонанта — 130 гц, конечная — примерно 170 гц).

В третьем низком тоне сонант в большей части случаев ровный (высота примерно 100 гц у 2-го диктора), а так как начальный

участок гласного нисходящий, то границу между сонантом и гласным найти по графику движения основного тона легко: она обычно совпадает с последней точкой ровного участка движения основного тона.

В слогах со 2-м восходящим тоном у 1-го диктора движение тона в сонанте (так же, как в 4-м тоне) противоположно движению тона в гласном, так как сонант имеет нисходящий основной тон. У 2-го диктора движение основного тона в сонанте совпадает с движением основного тона в гласном: сонант имеет восходящий основной тон. По-видимому, это связано с тем, что второй тон у этого диктора начинается очень высоко, почти на высоте 1-го тона.

Таким образом, между движением основного тона в начальных сонантах /m/, /n/, /l/ и движением тона в гласном существует определенная зависимость. В слогах, для которых характерен высокий начальный участок гласного (1-й и 4-й тон), сонант имеет восходящий основной тон; наоборот, в слогах, где начало гласного низкое (2-й и 3-й тон), сонант имеет ровный или нисходящий основной тон. Сонант инертен по отношению к тону: если гласный сразу, непосредственно настраивается на тон, то сонант лишь к границе с финалем успевает подойти к начальной высоте гласного. Измерения показали, что величина этой высоты постоянна, т.е. стык сонанта и гласного происходит всегда примерно на одной и той же высоте в данном тоне у данного диктора.

Движение основного тона в слоге позволяет точно определить, где проходит граница между начальным сонантом и гласным. Если характер движения основного тона сонанта отличается от характера движения основного тона гласного, то граница между сонантом и гласным находится там, где происходит изменение в движении основного тона. Если же изменения движения основного тона нет (движение основного тона гласного и сонанта совпадает), то можно на очевидных примерах (в слогах с полувзвонками согласными или в слогах с начальными сонантами, в которых хорошо видна граница на осциллограмме) найти величину частоты, характерную для пограничного участка. Так как она постоянна для данного тона у данного диктора, то это позволит по графику движения основного тона определить границу между сонантом и гласным в любом слоге, в том числе там, где нет изменения в характере движения основного тона.

О ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ ФОРМ РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЙ ГЛАГОЛА
ДРЕВНЕЕВРЕЙСКОГО ЯЗЫКА. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛЕНИНГРАДСКОЙ
РУКОПИСИ I208 Г. "מֵ'וֹר אֵינִי")

В уникальной рукописи ГПБ I208 года, содержащей неопубликованное сочинение по грамматике древнееврейского языка "מֵ'וֹר אֵינִי", имеется большая глава под названием *וְעַל הַשְּׂוֹרִים* *טוּשׁ*, что означает буквально "глава о связях". Эта глава делится на большое количество разделов, которые дошли до нас не полностью. Глава посвящена формам глагола и взаимозависимости этих форм. Речь идет именно о взаимозависимости форм, а не только о связях: почти в каждом разделе имеется фраза: "...если такая-то форма будет иметь такую-то гласную и огласку, то форма другой категории будет следующей...".

На листе Ia (стр. 14-26) имеется раздел, посвященный префиксам имперфекта и их огласовке. Вначале автор говорит о глаголах, которые, по его мнению, являются двуогласными. Он полагает, что префиксом имперфекта таких глаголов могут иметь одну из трех гласных. Первой возможной гласной, по его мнению, будет *קָמֶץ*; в качестве примеров он приводит форму *לִיּוֹן*, т.е. глагол с одинаковым вторым и третьим согласными, и форму *וְעָשָׂה*, т.е. глагол с так называемым вторым согласным *יָוֶד*. Вторая возможная гласная — *דָּבֶרֶ*; в качестве примеров он приводит формы *תָּלַח* и *חָלַח*, т.е. глаголы с первым корневым согласным *יָוֶד*. Третья возможная огласовка — *חֵרֶץ*; в качестве примера он приводит форму *עָשָׂה*, т.е. глагол с начальным корневым *קָוֶה*. Все эти положения касаются основной породы *קָל*, но здесь сопоставлены разные неправильные глаголы и не упомянуты формы *לִיּוֹן*, *לִיּוֹן*, *לִיּוֹן* и *עָשָׂה*. Далее, в этом разделе автор говорит, что если повелительное наклонение будет иметь в начале формы *יָוֶה*, то все префиксы имперфекта будут иметь огласку *חֵרֶץ*, за исключением формы первого лица, которая будет иметь огласку *סִבֹּלֶ*. Это наблюдение, касающееся форм имперфекта, является весьма точным. (Вспомним *לִיּוֹן* — пов.накл., *לִיּוֹן*, *לִיּוֹן*, *לִיּוֹן*, *לִיּוֹן* и т.д.). Оно относится к формам основной породы *קָל* разных глаголов, а именно, к правильным трех-

согласным глаголам, к глаголам со вторым или третьим корневым хб типов снб , пб , к глаголам с третьим корневым хб типа пб и к глаголам с конечным корневым афб типа хб . Но сам автор не называет ни породы, ни типа глагола, к которым это наблюдение относится. В конце раздела говорится о том, что если трехсогласный глагол имеет в начале повелительного наклонения одну из семи полных гласных, то согласный префикс будет всегда иметь в имперфекте афб . В качестве примеров он приводит глагол гб - пов.наклонения и гб - имперфект первого лица. С этим положением нельзя не согласиться. (Вспомним сб , сб , сб и т.д.). Но оно относится уже не к основной породе, о которой речь шла выше, а к породе $\text{P}^{\text{сб}}$. Отметим, что здесь не оговорено первое лицо в этом ряду, имеющее, как известно, не полную гласную наб , а беглую гласную, окрещенную тембром а (сб). А главное, не сказано, что с этим связано удвоение второй согласной и изменение качества глагола, т.е. наличие породы $\text{P}^{\text{сб}}$.

Второй раздел, на котором мы остановимся, касается вопроса о префиксальной согласной нб в формах причастия действительного залога (Л., 36, стр. 16-19). Автор полагает, что если повелительное наклонение и перфект будут иметь в начале слова префиксальную согласную хб , то причастие действительного залога будет иметь префиксальную согласную нб , например, гб , гб → гб . Это правильное утверждение, но у автора не сказано, что речь идет о породе $\text{N}^{\text{сб}}$.

В одном из разделов этой главы автор указывает на качественные изменения, которые претерпевают глаголы с префиксами хб . На приведенных примеров форм повелительного наклонения и причастия действительного залога видно, что автор говорит о породе $\text{N}^{\text{сб}}$. Но при этом он не называет породы и нигде не дает грамматического ряда всех категорий, относящихся к этой породе. В главе имеются аналогичные по конструкции разделы, в которых приведены формы пород $\text{N}^{\text{сб}}$ и $\text{N}^{\text{сб}}$ также без указания породы.

Таким образом мы видим, что, сопоставляя глагольные формы, автор "Мб" не учитывает категорию породы, как единую систему глагола. Эта категория ему не известна. Правда, в тексте сочинения встречается термин пб , но не в значении "порода", как это принято в грамматической литературе, начиная с XI в., а в значении синтаксической конструкции. Положения автора говорят

также о том, что ему, по-видимому, не была знакома теория конца X века о слабых и удвоенных глаголах.

Есть основания полагать, что идеи данной главы "Мэ'бр 'айин", так же как и положения о тридцати пяти образцах имени (см. стр. 14 наст. изд.), были сформулированы на ранней стадии истории еврейской грамматики (конец IX и начала X вв.).

К.Б.Кепинг

СУБСТАНТИВАТОРЫ В ТАНГУТСКОМ ЯЗЫКЕ

(Служебные слова, образующие синтаксические конструкции с именными свойствами)

В тангутском языке имеется несколько служебных слов тэ^2 "тот, кто", тэ^2 "место", "там, где", тэ^2 "там, где", которые обладают следующими общими признаками: во-первых, все они употребляются после глагола, и, во-вторых, сочетания глагола с одним из этих слов обладают синтаксическими свойствами имени, т.е. могут быть в предложении подлежащим, дополнением, определением или именной частью сказуемого.

Глагол, который стоит перед одним из перечисленных субстантиваторов, не теряет своих глагольных свойств. Он может иметь перед собой зависящие от него слова (подлежащее, дополнение), иначе говоря - субстантиваторы присоединяются не к отдельному слову, а к словосочетанию (предложению). Из этого следует, во-первых, то, что субстантиваторы являются не суффиксами, которые составляли бы единое целое с предшествующим глаголом, а служебными словами и, во-вторых, то, что субстантиваторы тэ^2 , тэ^2 и тэ^2 образуют не отглагольные имена, а отглагольные именные конструкции.

Субстантиватор тэ^2 "тот, кто", помещаясь после глагола, образует конструкции, имеющие значение действующего лица, причем иногда сочетание глагола с тэ^2 сливается в единое слово (термин), например, тэ^2 тэ^2 "советник" (букв.: "тот,

кто советует"), 谁 医 ndzei² mje² "врач" (букв.: "тот, кто лечит"), а иногда оно остается свободным сочетанием, создаваемым для нужд данного контекста, например, 谁 讲 nje² lha¹ mje² "те, кто рассказали", 谁 领 证 sic¹ la¹ mje² "те, кто прини первые". В обоих случаях глагол, стоящий перед субстантиватором может иметь свое дополнение, например, 谁 领 证 nga¹ t₃² zwan² mje² "офицер" (букв.: "тот, кто держит военную дисциплину"), 谁 开 路 si¹ kiwai mje² "те, кто собирает хворост", 谁 锁 门 lhuw² ja¹ mje² "тот, кто закрыл /Цао Цао/ одадом".

Сочетания, образованные с помощью субстантиватора mje², в предложении могут быть подлежащим, дополнением, определенным. Субстантиватор 谁 tjei² "место", "там, где" может ставиться после непереходных глаголов, в результате чего образуется конструкция, имеющая значение места действия, например, 谁 聚 liw² tjei² "место сбора" (букв.: "там, где соберутся"), 谁 聚 ndzei¹ tjei² "местонахождение" (букв.: "там, где находится"), 谁 聚 wuo¹ tjei² "источник" (букв.: "там, где возникает") и т.п.

Глагол, после которого стоит субстантиватор tjei², может иметь перед собой подлежащее, иначе говоря - субстантиватор tjei² может относиться к целому предложению. Например: 谁 开 路 谁 领 证 sic¹ Pa tjei² ta¹ ngin ngu² "Поток - это там, где легко стекает вода".

Сочетания, образованные с помощью субстантиватора tjei², в предложении могут быть подлежащим, дополнением, определенным или именной частью сказуемого.

Субстантиватор 谁 twu¹ "там, где" может ставиться после глагола (переходного и непереходного), а также после прилагательного.

Чаще всего субстантиватор twu¹ отмечен после непереходного глагола, перед которым стоит относящееся к нему подлежащее: сочетания, образованные с помощью субстантиватора twu¹, так же, как сочетания, образованные с помощью субстантиватора 谁 tjei², имеют значение места действия. Однако в отличие от сочетаний с tjei² сочетания с twu¹ могут выполнять в предложении только одну функцию - функцию обстоятельства. Например: 谁 开 路 we nu² tsja² ndziwon¹ twu¹ nga¹ tsi¹ "там, где птицы садятся и испуганно взлетают, имеется засада"; 谁 开 路 谁 聚 liw² tjei²

我 筑 筑 筑 筑 zic² tsɣiu⁴ si² o⁴ twu⁴ nga⁴ 因 因 nei² "Выгодно расположиться лагерем там, где имеется трава и вода".

Находясь после прилагательного, субстантиватор twu⁴ имеет то же значение, что и после непереходных глаголов; например, 我 mβɿn² "высокий" - 我 筑 mβɿn² twu⁴ "там, где высоко"; 我 mβi² "низкий" - 我 筑 mβi² twu⁴ "там, где низко". Такие сочетания тоже выполняют в предложении только функцию обстоятельства.

Помещаясь после переходного глагола, субстантиватор twu⁴ обрывает сочетания, имеющие значение объекта действия. Например: 因 因 我 筑 mβɿn² ndzu⁴ wɛ⁴ twu⁴ "те, кого он любит"; 我 筑 我 筑 vjei² zɛ⁴ khɛ⁴ twu⁴ "то, что враг ненавидит". Таких примеров немного.

К.К.Курдоев

ПОЗИЦИЯ СОЮЗНОГО СЛОВА В КУРДСКОМ ЯЗЫКЕ (К вопросу о роли инверсии в курдском языке)

1. При исследовании грамматического строя курдского языка на сравнительном материале его диалектов мы обратили внимание на инверсию, играющую важную роль в структурном различии предложения северного и южного диалекта. Среди частей речи, подвергшихся инверсии, были отмечены также и союзные слова (К.К.Курдоев, Сравнительная грамматика курдского языка, М., 1965, стр.69. Автореферат диссертации).

2. Для выяснения роли инверсии в курдском языке необходимо еще раз обратить внимание на позицию союзного слова ji с его фонетическим вариантом -ɟ, -iɟ. Эти формы (ji, -ɟ, -iɟ), вероятно, восходят к древней форме союзного слова 𐭪𐭫𐭬 в древнеперсидском языке или же к форме 𐭪𐭫𐭬 в языке Авесты. Основанием для такого предположения могут служить известные фонетические законы в иранских языках, а также совпадение значения и функции самих этих форм союзного слова.

3. Отмеченные формы союзного слова в Авесте и древнеперсидском языке выполняли соединительную функцию, означая "также" и

"тоже". Однако в современном курдском языке значения союзного слова (*jt* , *-q* , *-tq*) несколько шире, чем в древнеиракских языках. В курдском языке оно означает "также", "тоже", "и", "а".

4. В разговорной речи рассматриваемые формы союзного слова произносятся с предыдущим словом, однако в северном диалекте оно пишется отдельно, в южном - слитно. В южном диалекте форма *-a* употребляется после слов с гласным исходом, форма *-tq* - после слов с согласным исходом. В том и другом диалекте они служат для соединения двух самостоятельных предложений или же двух равноправных членов предложения.

5. Материал показывает, что позиция союзного слова (*jt* , *-q* , *-tq*) в северном и южном диалектах курдского языка в основных чертах совпадает. В том и другом диалекте оно употребляется преимущественно после того слова, которое выступает в качестве подлежащего, дополнения и сказуемого союзного предложения.

6. Функциональное и семантическое совпадение значения союзного слова в северном (курманджи) и южном (сорани) отражают, с одной стороны, единство курдских диалектов, с другой стороны, прямую связь современного курдского языка с древнеиракскими языками.

7. Однако из анализа материала обнаруживается, что в ряде случаев позиция союзного слова в северном и южном диалектах курдского языка не совпадает. Это происходит в случае, когда члены союзного предложения (подлежащее, дополнение и сказуемое) имеют при себе соответствующие грамматические показатели, логически и грамматически связанные с ним. В этом случае перемещение союзного слова в курманджи ограничивается только отрицательной формой глагола и глагольной формой будущего времени при частицах *-s*, *we* . В остальном союзное слово в курманджи обычно ставится после имени в форме вторичных падежей, после любой другой глагольной формы и после определения, выраженного косвенными формами личных местоимений.

9. В южном диалекте, наоборот, в таких случаях наблюдается перемещение союзного слова. В нем оно ставится между вторичными падежными формами и именной основой, между частицами отрицания и глагольной формой - сказуемым, между времяобразующими частицами (*de* , *bi*) и глагольной основой, между определяемым и определением, если последнее выражено энклитическими местоимениями.

Ю. Отделение грамматических показателей от имени и глагола, выступающих в роли соответствующих членов предложения, и вклинивание союзного слова между ними, показывает специфические особенности курдского языка, в особенности его южного диалекта сорани. С другой стороны, оно показывает, что грамматические показатели (вторичные падежные формы -da, -ewe, частицы отрицания и энклитические местоимения и времяобразующие частицы -de, bi) когда-то употреблялись отдельно и что исторически они восходят к самостоятельным значимым словам.

II. Сравнительный анализ материала по употреблению союзного слова в северном и южном диалектах курдского языка еще раз убеждает нас в том, что инверсия, возникая исторически на основе свободного порядка слов в предложении, сыграла важную роль в создании определенных противоположных устойчивых типов словосочетания и порядка слов в предложении. В результате этого в языке уже образовались противоположные структуры предложения, из которых одни стали привычными и характерными для южного диалекта, другие - для северного.

В.В.Кузев

ИЗ ИСТОРИИ АФАГАНСКОГО АЛФАВИТА

В результате завоевания халифами ираноязычных территорий распространение тем алфавиты арамейского происхождения стали уступать место алфавитам на арабской основе. Новые буквы для передачи звуков, отсутствовавших в арабском языке, создавались путем модификации основ графем с соблюдением определенных закономерностей.

Для обозначения согласных /п/, /г/, /ч/ были преобразованы буквы, передающие такие же по месту артикуляции, но противоположные по звонкости звуки, т.е. /б/, /к/, /дж/: $ب > پ$, $گ > ک$ (или $گ, ک$), $ج > چ$.

Графема для /х/ была получена добавлением точек к графеме для /в/: $ز > ز$, хотя можно было бы ожидать использования графемы для /ц/. В данном случае аналогом послужила пара $ش/س$ (ш/с).

Для звука /ц/ было использовано начертание ζ с добавлением трех точек сверху, т.е. этот звук был соотношен с двумя другими графемами, которые тоже обозначали аффрикаты: $\zeta > \zeta > \zeta$ (дз > ч и ц).

Перечисленные буквы, введенные в иранские алфавиты (персидский, хорезмийский), оказались жизнеспособными, так как, несмотря на различный фонетический подход для каждого ряда, все инновации основаны на одном принципе последовательного соответствия графем фонемам. Выбор графем не был случайным.

Все они были приняты и для афганского алфавита.

Остальные буквы афганского алфавита, отличающие его от арабского и других иранских, были изобретены позднее специально для панто.

Самым ранним сочинением на языке панто, сохранившимся старейшей дашевей до нас афганской рукописью, является трактат Бэйазыда б. Абдаллаха Ансэри "Хайр ах-бейан". Он написан в начале второй половины XVI в., а рукопись датирована 1061/1651.

Исходя из текста начальных абзацев самого произведения Бэйазыда Ансэри и на основании некоторых из предложенных им графем (в свете их последующего развития) можно прийти к выводу о том, что "Хайр ах-бейан" было первым сочинением на панто, записанным примененной в нем графической системой.

В начальных разделах работы, которые, как и вся она, имеют форму диалога Бэйазыда с богом, автору "предписывается": "Бэйазыд, для пользы людей напиши такие буквы, которые подходили бы к каждому языку ... Пиши по моему велению подобно буквам корана и ставь при некоторых буквах точки, кружки и другие знаки..." Далее следует перечень всех знаков.

В графическую систему Бэйазыда включены все буквы арабо-персидского алфавита. Добавленные к ним обозначения ретрофлексных изобретением кружочка под буквами для соответствующих зубных (ت > ت̣ и т.д.) сохранились до настоящего времени.

Наличие в этой системе знака ζ (ц) говорит о том, что письменная традиция, отраженная в ираноязычных памятниках до XIV века, не прерывалась и была известна Бэйазыду. Возможно, она поддерживалась и какими-то афганскими текстами, и в этом случае для их записи, до появления "Хайр ах-бейан", употреблялись лишь уже существовавшие графемы, некоторые из них были двузначны: ζ (ц/дз), ζ (ш/й), ζ (ш/й).

Ббйазйд расчленил эти значения, определив для каждого из них свой знак, и образованные им графемы > (дз), > (ж), > (х) явились наиболее характерными особенностями алфавита.

Ббйазйд почему-то не принял > (х), а использовал для этой цели >, создал для /х/ графему > с необычным средним положением точки. В нарушение уже сложившегося традиционного ряда букв для аффрикат на базе ح он предложил знак >.

Из-за отсутствия последовательности в построении системы возникли противоречия внутри нее: > не сочеталось в паре с >, а > с >; последняя пара графем не соответствовала паре > - > (> - >).

Дефектность схемы обнаружилась очень скоро в результате широкого применения алфавита, и его развитие пошло по линии преодоления графических противоречий.

Алфавитом стали пользоваться прежде всего ученики и последователи главы россанитского учения поэт Дамнат и Муллис.

У них и других ранних авторов: Фатх-иша и Мйрза-хана Ансори обнаружилось весьма последовательное и соответствовавшее традиции стремление перейти от > (контраминированного > и >) через > и > к > для звука /х/, ликвидировав одновременно значения /к/, поставив на это место > (у Мйрза-хана звук /к/ передается через > и >); кроме того, заменить > знаком >, т.е. ограничиться одной графемой для /ц/ и /дз/ (как это было в хорезмийском).

Новшества были окончательно узаконены в сочинении "Махзан ах-нодб" специальным разделом об алфавите поэта, написанным 'Абд ах-Каримом б. Дарвеза.

Около того же времени, что "Хайр ах-байбн", (не ранее 1530 г.) была написана "Кадастровая книга" ("Дафтар") шейха Махй. Если существующие сведения о более древних памятниках афганской письменности нельзя считать достоверными, реальность этого произведения подтверждается упоминанием его в источниках. О нем пишет в своем диване Хушайн-хон который, без сомнения, видел его:

Двумя делами занимаюсь в Свете: громко ли, тихо ли
Читаю "Махзан" Дарвеза и "Дафтар" шейха Махй.

Неизвестно, каким алфавитом пользовался шейх Махй, но вполне вероятно, что он был близок графике Хушайн-хона. В таком случае,

основываясь на ранних списках дивана поэта, можно воссоздать еще одну систему, значительно отличающуюся от описанной выше. Графемы для афганских звуков выглядели в ней следующим образом: چ (ç), چ (ç), ت, ط (ṭ), ذ (ḏ), ژ (ḟ), ش (š) и (s), ژ (ž) и (x). Специальных букв для /š/ и /ž/ не было или из-за несовершенства схемы, или из-за особенностей диалекта.

Эта система в дальнейшем не получила распространения. Побутно заметим, что в некоторых афганских рукописях ретрофлексные согласные обозначены четырьмя точками над основной частью буквы (ت̣ и т.д.).

Улучшенный алфавит просуществовал три столетия без изменений, и лишь решением "Пайто адоби анджумана" в 1315/1936-7 он был реформирован введением знака خ̣ для /dʒ/.

Интересно, что если в некоторых случаях афганские авторы, в силу особенностей своего диалекта, отказывались от بی̣ и ز̣, заменяя их буквами ش̣ и ژ̣, то в других сочинениях, по тем же причинам, вместо ز̣ употреблено ک̣ (например, в "Рийаз ах-махаббат"), что соответствует действительному произношению в восточных диалектах, а вместо بی̣ можно встретить خ̣, но очень редко, так как в большинстве восточных диалектов звук /š/ представляет собой самостоятельную фонему с более передней артикуляцией, чем /x/.

Таким образом, только в начале ХУ века язык пайто получил единый алфавит. Существовавшие до того и известные нам графические системы имели существенные недостатки в передаче специфических афганских звуков. Эти системы возникли около середины ХУІ века, а до их появления афганские тексты, если они существовали, обходились средствами имевшихся иранских алфавитов на арабской основе.

Выявленная в деталях совокупность графем данного текста (в сочетании с его орфографией) может служить хронологическим критерием и индикатором подлинности сочинения или рукописи.

ЭПИЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА
(Опыт описания структуры)

Значительную трудность при восприятии Махабхараты, древнеиндийской эпической поэмы, представляет обилие имен действующих лиц и их эквивалентов (имен-эпитетов, или прозвищ). Картина осложняется широким использованием в языке приема антономасии, т.е. употреблением вместо личного имени персонажа его описательной характеристики.

Исследование ономастической схемы санскритского эпоса может иметь как узко практическое значение — дать читателю возможность ориентироваться в сложном ономастическом материале, так и более широкое, научно-теоретическое, если учесть недостаточную разработанность проблем антропонимики не только в отечественном востоковедении, но и в советской науке вообще.

Первым, начальным моментом описания ономастической структуры эпоса является выделение двух основных разделов: I имена личные (собственно имена) и имена, данные по родственнику (обе группы объединены по признаку — имя личное и его производные). II Имена-эпитеты, или прозвища. Внутри каждого из этих главных разделов следует выделить подразделы, более частные группировки.

I раздел, включающий две, различные по отношению к основной функции имени (различение) группы, интересен своей второй частью — имена по родственнику. Здесь отмечаем I) имена по ближайшему предку (патронимы и матронимы): а) по земному, б) по небесному; 2) имена по дальнему предку (здесь входят родовые имена, имена по названию рода, племени, функционирующие как эквивалент имени личного); 3) имена по потомку; 4) имена по иному родственнику (брату, деду и т.д.).

Понятно, что если личное однозначно по соотношенности с действующим лицом (по крайней мере в пределах эпоса), то имена по родственнику вне узких рамок контекста лишены подобной однозначности (в частности, в том случае, когда несколько персонажей имеют равные права на одно и то же имя — родовые братья, члены одного рода и т.п.). Приближение к однозначности достигается как с по-

мошь контекста, так и закреплённость родового имени за вполне определённым носителем в традиционной практике употребления.

II раздел включает широко распространённые в эпосе имена-эпитеты, или прозвища, которые представляют собой кратчайшую характеристику персонажа по тому или иному признаку. К слову, один и тот же персонаж имеет прозвища самого широкого диапазона, отражающие различные аспекты образа.

Если придерживаться понятия "мифологическая функция" (та идеологическая нагрузка, которую несёт данный персонаж в мифологической системе и которая отличает его от других единиц данной мифологической системы), то на первое место среди семантически разнородных прозвищ-характеристик следует выдвинуть х а р а к т е р и с т и к у п о ф у н к ц и и (основной или побочной).

Ряд эпитетов, употребляющихся как эквивалент имени, основан на выдающейся, определяющей, закреплённой в легенде ч е р т е в н е ш н о с т и персонажа или отличительном с в о й с т в е его характера, природы.

К этим подгруппам примыкает значительный и в отличие от предыдущих более четко очерченный раздел - и м я - х а р а к т е р и с т и к а п о а т т р и б у т у (оружие, средству передвижения, символу, посвящённому животному и т.п.). Далее следует упомянуть группу имен-эпитетов, в основе которых лежит определенное с о б ы т и е, л е г е н д а, х а р а к т е р н ы й э п и з о д.

В особую подгруппу прозвищ можно объединить те, которые характеризуют персонажа с точки зрения его м е с т а ж и т е л ь с т в а, э т н и ч е с к о й п р и н а д л е ж н о с т и, с о ц и а л ь н о г о п о л о ж е н и я, разного рода о с о б е н н о с т е й п р о и с х о ж д е н и я и т.п.

Особый подраздел II группы представляют собой т и т у л ы, адресованные обычно определённому в данном контексте (а иногда и за его пределами) лицу.

Таким образом схема эпитетической ономастики выглядит так:

И М Я										
И м е н н о е И м я	Имя по родственнику					Прозвище (характеристика)				
	Имена по ближайшему предку		по дальнему предку	по погоню	по иному родственнику	по функции	по внешности или свой- ству характера	по атрибуту	по характерному эпизоду	по месту жительства, эпитетической принадлеж- ности и т.п.
	по земному	по небесному								
										т и т у л и

Необходимо отметить, что рубрики семантической классификации П раздела (прозвища) в ряде случаев не поддаются четкому разграничению в силу взаимопроникновения и взаимообусловленности значений (напр., функция - внешность, функция - титул, эпизод - внешность и т.д.).

Особую трудность при классификации представляет наличие нескольких трактовок одного и того же имени-эпитета.

Не требующим объяснений представляется тот факт, что не каждый персонаж может быть охарактеризован всем комплексом имен по родственнику или прозвищ.

Х.Г.Нигматов

О КЛАССИФИКАЦИИ ТУРКСКИХ ПЛЕМЕННЫХ ЯЗЫКОВ М.КАНГАРСКИМ

Выдающийся филолог и тюрколог XI века Махмуд Кангарский в своем лингвистическо-энциклопедическом труде "Дивъну дурât-ит-

-турк" (Словарь тюркских языков), написанном им в 1072-77 гг., затронул вопросы классификации тюркских племенных языков. Эта классификация является самой древней в тюркологии.

М.Кангарский классифицирует тюркские языки по двум принципам: (I) по степени чистоты (правильности) языка; (II) на основе фонетико-морфологических общностей и различий.

I. Под термином "чистоты" (правильности) языка М.Кангарский подразумевает степень иноязычного (нетюркского) влияния в речи носителей языка и языковой субстрат. По этому признаку он делит все тюркские племенные языки на две группы: а) чистые (правильные) языки; б) смешанные языки.

К первой группе он относит языки племен ягма, тухси, чигли, эмеки, кыпчаки, огузы, печенег, булгар, сувар, язык жителей берегов реки Волги, Или, Иртыша, Ясара (по В.В.Бартольд - часть или приток Иртыша) и до уйгурских городов. Сюда же относится его литературный тюркский хакканий.

Ко второй группе он относит языки, носители которых говорили кроме тюркского еще на каком-либо другом (нетюркском) языке. В речи двуязычников М.Кангарский находит иноязычное влияние и считает ее неправильными. Смешанными считает он языки а) согдских, канжак, аргу (эти племена, видимо, говорили на одном из иранских языков и на тюркском); б) хотанцев, тибетцев (тубут) и тангутов. (Эти народы, видимо, тибетско-китайского происхождения и тоже говорили на двух языках) (том I, стр. 65-66 по узбекскому переводу С.Муталимова).

II. Особого внимания заслуживает классификация тюркских языков М.Кангарского по фонетико-морфологическим признакам. Он делит по этим признакам тюркские языки на две большие группы: а) языки чигилей, тухси, ягма и других племен до Верхнего Китая (Мачина). Сюда же относится его литературный язык тюркский хакканий; б) языки эмеков, кыпчаков, огузов, печенегов, суваров, булгаров и других племен, живущих от Руси до Византии (Рума).

Первую группу условно будем называть в о с т о ч н о й, а вторую - з а п а д н о й.

М.Кангарский дает следующие общие признаки различия этих групп:

В области фонетики (т. I, стр. 67-68):

В языках восточной группы:

1. Глухой согласный /т/ в анлауте (тәйәй - верблюд).
2. В анлауте /й/ (йәлкин - гость; йиңкү - жемчуг).
3. В анлауте ряда слов /м/ (мән-я; муи - суп; миң - тысяча).
4. В анлауте звонкие согласные /г/, /д/ (бүгдәй - кортик).
5. Наличие губно-зубного /в/ (ар. ڤ) (тавар - имущество).

В языках западной группы:

1. Звонкий согласный /д/ в анлауте (дәйәй - верблюд).
2. В анлауте /х/ (аффрикат) или нуль (хиңкү - жемчуг; әлкин - гость).
3. В анлауте ряда слов /Б/ (бән - я; буи - суп; биң - тысяча).
4. В анлауте глухие согласные /к/, /т/ (бүктәй - кортик).
5. Наличие губно-губного /з/ (ар. ز) (тавар - имущество).

В области морфологии (т. I, 69; т. II, 58-71):

1. Причастие (по Камгарскому имя места, времени и орудия) на -гу/-ку/-гү/-кү (баргу; кәлгү).
2. Причастие (имя деятеля) на -гуч/-куч/-гүч/-күч (баргучи - идущий).
3. Причастие на -ған/-қан/-гән/-кән (барған - ушедший, постоянно идущий).

1. Причастие (по Камгарскому имя места, времени и орудия) на -асм/-әсм (барасм; кәләсм).
2. Причастие (имя деятеля) на -дач/-дәчи/-тачи/-тәчи (бардачи - идущий).
3. Причастие на -ан/-ән (баран-ушедший, постоянно идущий).

Существенным признаком различия языков М. Камгарский считает наличие в анлауте интердентального /з/ (ар. ز), переднеязычного /з/ (ар. ز) или среднеязычного /й/ (ар. ي), т.е. по соответствию азақ:азақ:әйәк - нога (т. I, 67-68). По этому признаку можно делить восточную группу на й-подгруппу (язык племени чигил и тарки хәйәй) и й-подгруппу (языки племен ягма, тухом, аргу и других до Мачина); западную группу на з-подгруппу (язык емеков, вченегов, суваров, булгаров и других племен от Руси до Византии) и й-подгруппу (язык огузов, (кипчечков).

Классификация Махмуда Камгарского охватывает только часть тюркских языков. Многие тюркские языки Сибири, Поволжья и других районов остались ему неизвестными. Несмотря на это классификационные признаки М. Камгарского очень удачны. Филолог XI века смог выделить из большого количества звуковых соответствий, чередований, переходов и комбинаторных изменений, которые наблюдаются в тюркских языках и в той или иной степени отражены в Диване, самые существенные, характерные не только для одного языка, а для всех тюркских языков. Это подтверждается хотя бы тем, что почти все его классификационные признаки повторяются в классификациях тюркских языков в XIX-XX в.в. (В.В. Радлов, Ф.Е. Корн, А.Н. Самойлович, А. фон Габен, Н.А. Баскаков и др.).

Н.М. Носова

ИМЕННЫЕ ЧЛЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В БИРМАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Ряд исследователей бирманского языка отмечает "субстантивное употребление" глагола, оформленного служебными морфемами $тн^2$ или $мн^2$. Имеется в виду то, что такие глаголы без помощи какого-либо субстантиватора ($тн^2$ и $мн^2$ - временные или, согласно другой точке зрения, модальные показатели) сочетаются с грамматическими показателями, свойственными имени существительному (с именными послелогами и показателями множественного числа) и выполняют синтаксические функции имени. Более точным было бы утверждать, что такое употребление глаголов является лишь частным случаем "субстантивного употребления" п р е д л о ж е н и я, глагол-сказуемое которых имеет указанные (или аналогичные указанным) формы, так как глагол плюс $тн^2$ или $мн^2$ уже составляет предложение. В функциях, свойственных имени, употребляется именно все предложение, которое может содержать как один глагол-сказуемое на $тн^2$ или $мн^2$, так и, наряду с ним, другие члены предложения (подлежащее, дополнение и т.д.). Все предложение в этом случае выступает одним членом предложения по отношению к другому предложению и оформляется точно так же, как и член предложения, выраженный словом (именем). Следуя китаястической традиции, такое предложение

можно назвать "членным" (или "включенным"), а предложение, членом которого оно является, "объемлющим" (или "включающим").

Такие членные предложения могут быть заменены обычным именем, что не приводит к изменению синтаксической структуры объемлющего предложения, которое в результате этой замены лишь перестает быть объемлющим (если оно не содержит каких-либо других членных предложений). Например, в предложении $tu^2\text{'}au^2\text{'}la^2\text{'}ti^2\text{'}kou^2\text{'}ma\text{' }ti^1\text{'}tshu^3$ "Я не знал, что он придет" членное предложение $tu^2\text{'}au^2\text{'}la^2\text{'}ti^2$ "он пришел", выступающее в функции дополнения и оформленное показателем дополнения kou^2 , можно заменить, например, словом $ska\text{'}na^2$ "учитель": $ska\text{'}na^2\text{'}kou^2\text{'}ma\text{' }ti^1\text{'}tshu^3$ "Я не знал учителя". Поэтому такие членные предложения можно назвать "именными".

Именные членные предложения не есть результат субстантивации с помощью особых грамматических средств. Они представляют собой "обычные" предложения, синтаксически подчиненные другим предложениям.

Способность предложения в бирманском языке выступать в качестве именного членного предложения зависит от той формы, в которой стоит глагол-сказуемое этого предложения. Это, прежде всего, уже упомянутые формы глагола на ti^2 и mi^2 . В разговорном языке в самостоятельных (не членных) предложениях им соответствуют формы на ta^2 и ma^2 . Но эти формы не могут быть глаголом-сказуемым именного членного предложения - за исключением того случая, когда членное предложение выступает в качестве определительного (см. ниже). Вместо них в членных предложениях употребляются формы на ta^2 и ma^2 соответственно.

Не могут также выступать в качестве членных такие предложения, глагол-сказуемое которых стоит в вопросительной форме.

Важной особенностью именных членных предложений является образование отрицательной формы глагола-сказуемого таких предложений. В предложениях, выступающих самостоятельно, отрицательная форма глагола-сказуемого образуется с помощью префикса ma или конфикса $ma\text{'}\dots\text{'}tshu^3$ (одновременное употребление префикса ma и морфем ti^2 или mi^2 невозможно). В членных же предложениях отрицательная форма глагола образуется простым прибавлением префикса ma к глаголу на ti^2 (в отрицательных формах противопоставление форм на ti^2 формам на mi^2 нейтрализуется).

Именные членные предложения могут выступать во всех синтаксических функциях, свойственных имени: они могут быть в предложении подлежащим, дополнением, определением и именной частью сказуемого.

Особого рассмотрения требуют определительные членные предложения. Такие предложения подчиняются определяемому ими слову путем замены тона морфем $тн^2$ и $ми^2$ на первый тон ($тн^I$, $ми^I$). В разговорном же языке в определительных членных предложениях глагол-сказуемое оформлен морфемами $та^I$ и $ма^I$, то есть здесь используются именно те морфемы (с изменением тона), которые не могут использоваться во всех других (не определительных) членах предложения. Глагольные же формы на $та^2$ и $ма^2$ не могут употребляться в определительных членных предложениях (ср. выше).

Способ подчинения определительных членных предложений аналогичен способу подчинения слов, выступающих в качестве притяжательного определения: такие слова также меняют тон своего последнего слога на первый. Разница состоит в том, что способ подчинения членных предложений выражает более широкое значение - атрибутивное.

Следует отметить особенности членных предложений, выступающих в качестве дополнения причины: в этом случае морфема $тн^2$ перед послелогом $пхнн^I$ (передающим значение причинности) всегда выступает в редуцированной форме $та$. Так же ведет себя глагол на $тн^2$, когда к нему присоединяются служебные слова $ка^I$ $тоу^I$, $лоу^2$ "как", "подобно тому, как".

В.В.Полосин

О ПРОЯВЛЕНИИ ПРАВИЛА ПОЛЯРНОСТИ ПРИ ОБРАЗОВАНИИ НЕКОТОРЫХ ТИПОВ ИМЕН СОБИРАТЕЛЬНЫХ В АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема соотносимости имен собирательных с множественным числом в арабском языке вызывает некоторые трудности у специалистов и нуждается, на наш взгляд, в направленной изучении. Это мнение поддерживается приводимыми ниже случаями смешения некоторых имен собирательных с множественным числом.

В ряде двуязычных словарей арабского языка (Х.Б.Баранова, В.М.Борисова, Г.Вера и др.) слова *مخار* "погонщики ослов", *مخال* и *مخال* "носильщики", *مخال* "конники", *بحرية* и *بحرية* "матросы, моряки" определяются как имена множественные от *مخار*, *مخال*, *مخال*, *مخال*, *مخار* и *بحرية*. Некоторые из этих же или родственных им слов определены как имена собирательные (*مخار* в словаре Лане, *بحرية* у Дименова, *مخال*, в словаре Баранова и т.д.). Таким образом, выявляется определенная непоследовательность и противоречивость в грамматическом толковании слов, перечисленных выше, причем понимание их как множественного числа преобладает.

Попытку канонизировать эту преобладающую точку зрения сделал Б.М.Гранде (см. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении, § 140 п.1). Им выделены три группы имен, которые, как и приведенные нами примеры, приобретают понятие множественности путем прибавления к основе суффикса *ة*:

- 1) имена относительные, обозначающие принадлежность к секте династии и (добавим от себя) племени: *صوفية* - *صوفي* "суфий", *مصري* "египтянин", *عثمانية* - *عثماني* "османский", *شافعية* - *شافعي* "шафитский", *يهودية* - *يهودي* "еврейский", *مударيتي* - *مударيتي* "мударитский";
- 2) иногда названия профессий: *بحرية* - *بحري* "матросский";
- 3) некоторые названия профессий по модели *فقار*: *فقار* - *فقار* "лучники", *مخار* - *مخار* "погонщики ослов".

Слабость позиции Б.М.Гранде, считающего эти имена множественным числом, выявляется при попытке установить, к какому из двух типов образования множественного числа они относятся. Ни общепринятое определение правильного множественного числа (Гранде, § 131 п. а), ни определение развитого множественного числа (Гранде, § 131 п. б) к этим именам не применимы. Поэтому Б.М.Гранде вводит для них третий тип "множественного числа в форме женского рода прилагательного" (логичнее было бы говорить о правильном множественном числе, образованном при помощи суффикса *ة*).

Принимая собранный Гранде фактический материал (разумеется без его дефиниции этого материала как "множественного числа в форме женского рода прилагательного"), мы считаем, что он дает нам примеры сравнительно редких в арабском языке типов имен собирательных, образованных с помощью суффикса *ة*, которые обозначают

социальные группы. К трем таким группам, выделенным Гранде, мы добавляем еще одну, им не названную:

4) причастия действительного залога, обозначающие принадлежность к религиозным или политическим группировкам: *مُسْلِم* - "мусульмане", *مُسْلِمِيَّة* - "суфий", *المُسَوْد* - "одетые в черное" (так называли сторонников аббасидов) и т.д.

Имена собирательные четырех рассмотренных групп образованы от имен в единственном числе путем прибавления к ним суффикса *ت*, в других случаях участвующего в образовании имени единичности от собирательных имен - т.е. в процессе, прямо противоположном первому. Здесь наглядно проявляется действие закона полярности, когда один и тот же служебный элемент - в данном случае суффикс *ت* - употребляется в двух противоположных значениях: 1) для преобразования имени собирательного в имя единичности - *خِرْدَتِي* соб. "дробь" - *خِرْدَتِيَّة* имя ед. "дробинка", *صَبْبِير* соб. "кактусы" - *صَبْبِيرَة* имя ед. "кактус", *رَشْم* соб. "ястребы" - *رَشْمَة* имя ед. "ястреб"; 2) для преобразования имени единичного в имя собирательное - *بِحَالَة* "погонщик верблюдов" - имя соб. *بِحَالَة* "погонщики верблюдов", *نَوْتِي* "матрос" - имя соб. *نَوْتِيَّة* "матросы", *مَعْطَل* "атемот" - имя соб. *مَعْطَلَة* "атемоты. При этом прослеживается следующая закономерность: сфере действия суффикса *ت* в первом случае ограничивается кругом имен, обозначающих неодушевленные предметы или представителей животного мира, кроме человека; во втором случае сфере действия этого суффикса локализуется именами, обозначающими людей, и едва ли не ограничивается четырьмя разобранными выше группами имен.

О.С.Сорокина

СИНТАКСИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ГЛАГОЛОВ В БИРМАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Существует уже достаточно долгая традиция делить бирманские глаголы на два класса. Одни исследователи делают их по характеру выражаемого ими действия, как например, Латтер и Д.М.Еловков;

другие - по способности иметь или не иметь дополнение /Джэдсон и В.П.Садовников /.

Предлагаемая нами синтаксическая глагольная классификация также построена по принципу сочетаемости глаголов с различного рода дополнениями. Но так как во всех предыдущих работах нет достаточно четкого определения дополнения, то прежде чем приступить к описанию синтаксических классов глагола, мы дадим рабочее определение дополнения, которым мы в дальнейшем будем пользоваться.

Анализ бирманского текста показывает, что одни члены предложения могут употребляться практически при любом глаголе, независимо от того, к какой семантической или грамматической группе он относится. Функция таких членов предложения не зависит от характера и значения глагола -сказуемого. Во многих случаях такие члены предложения могут быть опущены. Так, например, в предложении "Таней¹тахней¹ моу¹ скоу³ то³хма² ча³коу² твей¹да² - однажды охотник встретил в лесу тигра" можно опустить слова "таней¹тахней¹ - однажды" и "то³хма² - в лесу"; предложение останется полным и понятным - "моу¹скоу³ ча³коу² твей¹да² - охотник встретил тигра".

Такие члены предложения мы будем считать обстоятельствами, т.е. обстоятельствами в бирманском языке будут те члены предложения, которые практически возможны при любом глаголе и функция которых не зависит от характера глагола-сказуемого.

Другие члены предложения, наоборот, возможны далеко не при каждом глаголе. Кроме того, во многих случаях их нельзя опустить, так как фраза может получиться неполной и даже непонятной. Функция таких членов предложения зависит от глагола-сказуемого. Так в ранееприводимом предложении "охотник встретил однажды в лесу тигра" нельзя опустить слово "тигра" - предложение окажется непонятным. В двух предложениях : "Чано¹да² саоу¹коу² пха¹та² - я читаю книгу" и "Чано¹да² йан²гоуи²коу² тва³и¹ - я еду в Рангун" слова, оформленные частицей "коу²", выполняют различные функции - в первом предложении это прямой объект, а во втором - "коу²" указывает на направление, в котором совершается действие.

Такие члены предложения мы будем считать дополнениями, т.е. дополнениями в бирманском языке мы назовем те члены предложения, функция которых меняется в зависимости от характера глагола.

По характеру управления дополнениями все бирманские глаголы можно разделить на две группы:

Группа "А". Эту группу составляют глаголы, могущие управлять дополнениями.

Группа "Б". Эту группу составляют глаголы, которые не могут управлять дополнениями.

На данном этапе нас будут интересовать лишь глаголы группы "А", среди которых мы выделяем семь подгрупп.

Первую подгруппу составляют глаголы, могущие управлять только одним дополнением. Формальным показателем этого дополнения служат частицы "коу²" и "а⁸". Глаголы этой группы соответствуют переходным глаголам в других языках.

Во вторую подгруппу входят глаголы, которые могут управлять одним дополнением; оно может быть выражено целым предложением. Такое дополнение оформляется частицами "коу²", "ху¹", "доу¹". Глаголы, входящие в эту подгруппу, обозначают различные виды умственной деятельности, деятельности органов чувств, различные эмоции.

Третью подгруппу составляют глаголы речи. Они управляют двумя дополнениями, из которых одно может быть выражено предложением, как и при глаголах подгруппы 2; а второе – дополнение, возможное и при глаголах подгруппы I.

Четвертую подгруппу составляют глаголы направленного движения. Они управляют двумя дополнениями, обозначающими соответственно начальную и конечную точки движения. Дополнение при них оформляется частицами "коу²", "доу¹ /конечная точка движения/, или "ка¹", "хме¹ /начальная точка движения/.

В пятую подгруппу входят глаголы, которые управляют двумя дополнениями, из которых одно такое же, как и при подгруппе I; а другое либо обозначает адресата действия, либо направление, в котором совершается действие. Эта группа напоминает китайские глаголы даяния и отнимания, но она значительно шире.

В шестую подгруппу входят глаголы типа: называть, провозглашать, назначать. Они образуют конструкцию: подлежащее – дополнение – комплетивное дополнение – глагол.

Седьмую подгруппу составляют глаголы, которые могут управлять не только дополнением, выраженным именем, но и глагольным зависимым членом, который оформляется глагольными частицами "йан²" "хига²", "аун²". Это глаголы с побудительным значением.

Глаголы, образующие группу "А", мы назовем переходными, а глаголы группы "Б" – непереходными. Переходными глаголами в бирманском

языке будут все глаголы, могущие управлять дополнением, независимо от характера этого дополнения.

А.А.Торопов

**ИДМОМАТИЧНОСТЬ КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ ПРИЗНАКОВ СЛОЖНЫХ
ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО КИТАЙ-
СКОГО ЯЗЫКА)**

Первые определения идиоматичности (И), как правило, давались для характеристики различных типов фразеологических единиц, главным образом, идиоматических оборотов. Последние наделялись различными признаками вплоть до непереводимости на другие языки /см. например, I, 12/. В.В.Виноградов, характеризуя фразеологические сочетания и единства, в качестве одного из основных признаков И выдвигает семантическую неделимость фразеологических единиц с мотивированным или немотивированным цельным значением /4, стр. 54-59; 8/. Ш.Балли основным свойством фразеологических единств называет наличие у них цельного значения, не равного сумме значений составных частей / 2, стр. 97/. Л.В.Щерба распространяет аналогичный признак на сложные слова / 15, стр. 18/. Подобное понимание И (несводимость значения целого к простой сумме значений частей) мы находим у ряда исследователей китайского языка / 6, стр. 278-280; II, стр. 77-79/, использующих его как признак для разграничения единиц языка (ЕЯ) и единиц речи (ЕР). Причем, как утверждает Б.С.Исеевко, ценное наблюдение того факта, что единство китайского сложного слова выражается в отличии его значения от суммы значений соединенных в нем основ, принадлежит проф. Лу Чжи-ван /7/.

В советской лингвистической литературе также широко распространено определение И, введенное А.И.Смирницким, согласно которому под И подразумевается "невыводимость значения целого языкового образования из совокупности значений входящих в него частей..." / 9, стр. 199; 10, стр. 34/. Подобного определения И придерживается и С.Е.Яхонтов /16, стр. 85/, добавляя к нему критерий неупотребительности компонентов сложного образования в качестве самостоятельных слов / 17, стр. 75/.

Критический анализ различных точек зрения на И проводит В.Н.Телия / 14, стр. 48-58/. Он вслед за О.Бергером / 5, стр.28/ указывает, что И пронизывает все уровни структуры языка, а И фразеологизмов рассматривает лишь как частный случай. По В.Н.Телия И выражается в том, что реальное значение идиоматичных элементов и правила их организации не соответствуют их формальным значениям. Здесь мы также находим ценное замечание о необходимости учитывать весь комплекс лексико-грамматических признаков идиоматического оборота. Именно с учетом последнего замечания мы предлагаем свое определение И, сформулированное нами в докладе под названием "Лексико-грамматические принципы составления словаря средневекового китайского языка (эпоха Сун)" /8, стр. 101/. Здесь под И понимается различная по степени трудности мотивированности значения единицы значениями компонентов (или компонента) с точки зрения современных языковых норм. Такое понятие И автор использует в качестве одного из основных дифференциальных признаков (ДИ) сложных лексических единиц при составлении словаря по средневековому памятнику "Цзинь бэй тунсю сяою" / 18 /.

Настоящее определение И гораздо шире приведенных выше. Оно отличается от них принципиальным признанием возможности выведения цельного значения сложного идиоматического образования из значений компонентов. Дело в том, что цельное значение в конечном счете может быть выведено только из значений компонентов и нигде более, но мотивировка его с точки зрения норм современного языка может быть осложнена различными причинами. В зависимости от характера этих причин различаются несколько видов И, таких, например, как:

1. Лексико-семантическая И, когда мотивировка цельного значения осложняется лексическими значениями компонентов единицы. Например: бабу 'убегать, отрываться, освобождаться' (досл. 'выдергивать, извлекать' + 'шаг'). Именно такого рода И имеется в виду, когда говорят о несводимости цельного значения к сумме значений компонентов или о невыводимости значения целого из значений частей. Степень этой "несводимости" ("невыводимости") может быть различной.

2. Лексико-грамматическая И, когда причиной, затрудняющей толкование цельного значения является различная категориальная принадлежность всей единицы, с одной стороны, и ее компонентов,

с другой. Например: бухѡ нареч. 'не ловко, неудобно' (досл. отриц. 'не' + прилаг. 'хороший, удобный'). Примеры такого рода И приводит Б.С.Исаенко /6, стр. 265, 266, 269, 270, 278, 317/, не называя их идиоматичными.

3. Структурно-синтаксическая И, являющаяся следствием "условности" порядка компонентов сложной единицы. Так, например, с точки зрения чисто синтаксических отношений трудно мотивировать твердый порядок компонентов в таком сложном слове с копулятивной связью основ, как бѡгѡ I. сущ. 'узел' (досл. 'узел' + 'узел'); 2. гл. 'завернуть (в узел)' (досл. 'завертывать' + 'завертывать'). Б.С.Исаенко /6, стр. 264-267, 270, 272 / также говорит о нарушении нормальности синтаксических связей между исходными словами, превратившем эти слова в части составного слова. И здесь пальму первенства он снова отдает проф. Лу Чжи-вэю /7/.

Вполне естественно, что одна и та же сложная ЕЯ может одновременно обладать И разного рода.

Такое самое общее деление И на виды позволяет отличать ЕЯ от ЕР. Дальнейшее подразделение ЕЯ на слова и фразеологизмы производится по более дробному делению И на подвиды, например, по степени оцущения образности: фразеологизмы, как правило, более образны, слова - нет. При этом все время учитывается, что в языке рассматриваемого периода становится нормой образование двухсложных слов.

И является наиболее важным ДП, позволяющим один тип единиц отличать от другого. Это свойство всех ЕЯ, внутренне присущее им и являющееся ярким выражением самой сущности отношений между языковым знаком и значением. Трудность мотивировки цельного значения значениями компонентов объясняется условным характером связи плана выражения с планом содержания, присущим языковому знаку, произвольностью ЕЯ как знака.

Несмотря на содержательный характер понятия И, представляется возможным найти некоторые формальные признаки ее обнаружения. Так, например, при трансформации переменного атрибутивного словосочетания бянь хэнь 'подходящий человек' в предикативное хэнь бянь 'человек подходящий' не происходит нарушения ни грамматической правильности, ни общего смысла высказывания. Соответствующая трансформация сложного слова ганьсинь (гл. 'примириться', досл.

'сладкий, приятный' + 'сердце') не может быть произведена без изменения значения. И также обнаруживается при постановке знака хэ 'и' (фэн хэ дэн 'ветер и волны' при фэн ден 'невыгоды') и определительной частицы ли (дэнь ли 'поэт', но: цзо ли ли хэ 'человек, который пишет стихи') между предметными основами сложного слова. (Два последних примера заимствованы у Б.С.Иосадко / / 6, стр.280,272/).

Таким образом, применяя признак И (иногда в сочетании с другими ДП), мы получаем возможность выделять из текста различные БЯ.

В заключение следует указать, что в силу центрального положения И среди других ДП (таких, как воспроизводимость, устойчивость, цельность значения, синтаксическая и морфологическая оформленность и др.) и неразработанности этого понятия, данный признак нуждается в дальнейшей, более тщательной разработке как на материале китайского языка, так и языков других типов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакумов, С.И. Устойчивые сочетания слов. - "Русский язык в школе", 1986, № 1.
2. Балли, Ш. Французская стилистика. М., 1961.
3. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. - Сб. "А.А.Нахматов (1864-1920), под ред. акад. С.П.Обнорского". М.-Л., 1947.
4. Он же. Основные понятия русской фразеологии, как лингвистической дисциплины. - Кн.: "Труды вильейной научной сессии ЛГУ. Секция филологических наук". Л., 1946.
5. Есперсен, О. Философия грамматики. М., 1958.
6. Иосадко, Б. Опыт китайско-русского фонетического словаря. М., 1957.
7. Лу Чжи-вэй. Бэйцзин хуа даньиньцзи цыхуй ("Словарь однословных слов пекинского диалекта"). Пекин, 1956.
8. Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тезисы докладов V годичной научной сессии ИО ИНА, май, 1967. Л., 1967.
9. Смирницкий, А.И. К вопросу о слове. - Сб.: "Вопросы теории и истории языка в свете трудов И.В.Сталина по языкознанию". М., 1952, стр.182-208.

10. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка. М., 1956.
11. Соляцев, В.М. Слова и словосочетания в их отношении к единицам языка и единицам речи. - Сб.: "Спорные вопросы грамматики китайского языка". М., 1968.
12. Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н.Ушакова, т.1, М., 1935.
13. Цзинь бэнь туноу сяошэ ("Популярные рассказы, изданные в столице"). Шанхай, 1954.
14. Телля, В.Н. Что такое фразеология. М., 1966.
15. Щерба, Л.В. Очередные проблемы языковедения. - Сб.: "Избранные работы по языковедению и фонетике", т.1, ЛГУ, 1958.
16. Яхонтов, С.Е. Категория глагола в китайском языке. Л., 1957.
17. То же. Канд. диссерт., Л., 1954.

И.И.Цукерман

ВАРИАНТНОСТЬ В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ

В XXIV-м "Чтении", посвященном памяти академика Л.В.Щербы, были заслушаны два доклада: В.Ф. Ивановой: "Слово ты ся ча как часть речи в русском языке" и С.Д.Кацнельсона: "О понятии речевой деятельности". Сообщения оказались - хотя и вовсе не преднамеренно - органически связанными между собой.

Сущность доклада В.Ф. Ивановой можно свести к следующему. Так как слово "тысяча" в русском языке есть одновременно (омонимически) и существительное и числительное, то естественно появление и соответствующих разных форм сочетания с последующим словом: тысячу (тысячей) забот (ср. уймай забот) и тысячу рублями (ср. пятью рублями). Реально возникает и другие варианты ("правильные" и "неправильные"), вызываемые прежде всего двойственностью семантики и соответственно двойственностью формальной принадлежности слова "тысяча".

С.Д.Кацнельсон убедительно показал, что понятие "речевая деятельность" Л.В.Щербы вовсе не совпадает с сословским понятием "langage". В известной трихотомии Л.В.Щербы (язык - речевая деятельность - текст) "язык" (или языковая система) обозначает не

только лексический и грамматический инвентарь, но и совокупность правил пользования им; "речевая деятельность" - процессы складывания и анализа речи-мысли во время говорения и восприятия; "текст" (или языковой материал) - совокупный продукт речевой деятельности, безразлично - в устной или письменной форме. По мысли С.Д.Кацнельсона языковеду для непосредственного анализа дан только "текст"; теория "языка" и тем более теория "речевой деятельности" строятся на основе исследования "текста".

Где же соприкасаются упомянутые доклады?

Изучение вариантности, обнаруживаемой в любом тексте достаточной протяженности, углубляет не только понимание языковой системы, но и процессов складывания речи-мысли. Необходимость варьирования заложена в самой языковой системе, как и в условиях ее функционирования. Язык как живая, развивающаяся система обязательно включает известные непоследовательности, несоответствия между составляющими его подсистемами любой дробности. В процессе функционирования система стремится к самоусовершенствованию. Но ликвидируя одни непоследовательности, язык неизбежно наживает другие несоответствия, противоречия между подсистемами, толкающие его на дальнейшее самоусовершенствование. Общий процесс осложнен тем, что подсистемы, узлы и детали системы, соприкасаются с внешней средой неодинаковым образом, функционируют в бесконечно меняющихся условиях. Иначе говоря, меняются не только задания языку, но и группирование людей, пользующихся языком, объем и структура людских единиц. Так называемое свободное варьирование (а различие между свободным и комбинаторным варьированием весьма условно) и возникает там, где под воздействием внутренних и внешних факторов деталь системы оказалась неустойчивой, в таком пункте, где сошлись, сталкиваются противоречивые процессы, тенденции, тянущие в разные стороны, там, где завязывается "борьба моделей" - фонетических, морфологических, синтаксических и др.

Любопытным образом и в курдском языке чередуются два способа сочетания числительных с существительными в зависимости от того, как толкуется само числительное и обозначаемое им число - как точное, явившееся результатом счета, не круглое или, напротив, суммарное, круглое, не точное, приблизительное. Однако, - как и в русском языке - различие между этими значениями очень тонко, и поэто-

му вполне возможен "ошибочный" выбор одного варианта вместо другого, чередование обоих вариантов в одном значении даже у одного и того же лица; ср. *maa dilê wî k'ete qîzê, dilêkî ma, h'ezar dilî h'eband* 'он так полюбил девушку: не одним сердцем, а тысячу сердец полюбил'; *gawa ç'e've K'ulîk ç'e've P'exîzane k'et, bîst u çar dila h'eband* 'как только Кулик встретился глазами с Парман, он двадцать четырем сердцами полюбил ее' (см. И.И.Цукерман, *Очерки курдской грамматики*, - "Иранские языки", II, 1950, стр. II4 и сл.).

В языке заложена не только упорядоченность системы, но и присущие ей противоречивые соотношения, обуславливающие соответствующие фонетические, морфологические и другие процессы. На этапе речевой деятельности происходит отбор и выбор вариантов, вызванных этой парадигматической противоречивостью. В тексте варианты даны линейно чередующимися.

И.И.Цукерман

ОБ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ ОРФОГРАФИИ

Со времени профессора И.А.Бодуэна де Куртене часть языковедов принято рассматривать з в у к о в о е письмо (т.е. ф о н е м н о е письмо; здесь и далее з в у к в значении ф о н е м а) с двух точек зрения: 1) с точки зрения того, как в письме отражаются з в у к и языка (имея в виду все фактически реализуемые способы передачи того или иного звука в разных словах); 2) с точки зрения того, как в письме отражены с л о в а (и значимые части слов). Для обозначения аспекта з в у к о п и с а н и я чаще всего используется термин г р а ф и к а, для обозначения же аспекта с л о в о п и с а н и я использован термин о р ф о г р а ф и я (или п р а в о п и с а н и е).

Это замечательное открытие Бодуэна, к сожалению, не нашло всеобщего распространения отчасти, может быть, из-за неудачной терминологии: со словом "графика" ассоциируются главным образом представления о начертании букв, а "правописание" или

"орфография" нормально воспринимается как совокупность правил, регламентирующих процесс письма в целом. При этом нельзя не признать, что сам компонент "право-" или "орфо-" выдвигает на первый план именно вопросы "правильности", соответствия апробированным нормам, авторитетным предписаниям. (Допускать орфографические ошибки просто неприлично).

Между тем, если внимательно изучить рассуждения И.А.Бодуэна, Л.В.Щербы, М.И.Матусевич, Л.Р.Зиндера и других авторов, можно безошибочно установить, что речь идет о естественно развивающемся процессе письма, независимо от того, в какой степени этот процесс сознательно регламентируется, т.е. независимо от того, в какой степени в этом процессе участвует субъективный фактор. Бодуэн интересовал вопрос об отношении письма к языку, и в этом исторически сложившемся соотношении он выделял фактически две стороны - звукописание и словописание: как письмо отражает фонетическую систему и соответственно звукоделение в речи; как письмо соотносится с грамматической и лексической системами языка и соответственно с семантизованными отрезками речи - от морфемы до слова включительно (здесь не затрагиваются его суждения относительно отрезков больших, чем слово). Речь идет, таким образом, о теории письма, основы которой были заложены Бодуэном, но которая еще должна быть развернута. Что касается субъективных или тем более оценочных факторов, то они, разумеется, учитываются, но при построении теории письма - или при установлении соотношения письма и языка в данный момент их развития - эти факторы просто элиминируются.

Поскольку звукописание и словописание суть два аспекта единого процесса звукового письма, никак нельзя себе представить будто бы звукописание для какого-либо языка возникает до словописания или, наоборот, словописание - до звукописания. Даже в наше время, когда а и ф а в и т принимается для какого-либо бесписьменного языка, н и о ь м о возникает одновременно и как звуко- и как словописание. Это ясно. Ведь начинают с писания слов, текста, а вовсе не с отдельных звуков, но вместе с тем с самого начала как-то отображаются звуки, раз это звуковое письмо. Но если даже говорить о процессе о с о з н а н и я пишущими системы отражения звуков и системы отражения значимых частей текста, то и этот процесс осознания протекает как двуединый.

Для того, чтобы иметь возможность обозначить свое глухое /п/, персы прибавили две точки к арабской букве ب (б), а для обозначения своего глухого /ч/ они прибавили две точки к арабской букве ج (дж). Точно так же они модифицировали именно арабскую букву ك (к), чтобы передать свое звонкое /г/ и арабскую букву; (з), чтобы обозначить свое шипящее /х/. Во всех этих случаях они несомненно проявили по крайней мере интуитивное знание того, что пары /п/ - /б/, /дж/ - /ч/, /к/ - /г/, /з/ - /х/ - это пары родственных звуков, которые хотя и существенно, но минимально отличаются друг от друга, т.е. определенное представление и о звуковой с и с т е м е. И родство этих пар звуков они отразили в подобии написаний: ب-پ, ج-ج, ک-ک, ز-ز. Вместе с тем персы оставили такого рода равнописания в арабских с л о в а х, которыми на персидской почве не соответствовали никакие различия в произношении. Они и по сей день сохраняют такую т р а д и ц и о н н ы е написания. В результате, если взять аспект звукописания, то, например, согласный /о/ в современном персидском письме отражается тройным образом (ث, ص, س), а его звонкий коррелят - даже четырьмя буквами (ظ, ض, ز, ذ). Распределение же этих букв фактически обосновано соображениями этимологии и регламентируется соответствующими списками с л о в. Иначе говоря, в дело вступает аспект словописания. Нет никакой возможности точно определить, например, способы отражения гласного /е/ в современном персидском письме, минуя правила передачи изафетной м о р ф е м ы и ее фонетических вариантов. Очевидно, для персов с самого начала процесс звукописания был одновременно и процессом морфо- и словописания, независимо от того, в какой мере они сами создавали это.

Но если даже представить себе такой язык, в письме которого господствовал бы полностью выдержанный фонетический принцип орфографии, когда каждый звук и звуко сочетание всегда отражены одинаковым образом, а каждая буква и буквосочетание всегда читается одинаковым образом (это, в сущности, избыточный фонетический принцип, приближавшийся к фонетической транскрипции), то и в этом случае (который, по-видимому, только теоретически допустим) все же сохраняется свой аспект словописания в отличие от звукописания. Во-первых, такая система словописания выделялась бы на фоне других систем, где наряду с фонети-

ческим принципом реализуются другие принципы словописания, требующие для своего обоснования соотнесения с явлениями грамматики, лексики и семантики. Во-вторых, даже внутри этой системы неминуемо возникли бы либо разнописания, либо разночтения в с л о в а х, обусловленные неизбежной вариативностью, например, на стыке морфем и слов. Пришлось бы ввести, например, такое правило: в конце слова отображается такой звук, который присущ этому слову перед паузой, или, напротив: в конце слова отображается тот звук, который возникает в результате сочетания с последующим словом (кня/сь/, кня/зь/говори, кня/сь/ сказал). Однако в том и другом случае это были бы уже несомненно правила словописания. Но и они не могли бы предотвратить всей так называемой свободной вариативности, и в конце концов беспредельное господство фонетического принципа в письме должно было обернуться бесконечно детализованной, громоздкой и гнетущей регламентацией прономенения.

Итак, любое звуковое письмо в любой момент его развития и независимо от факторов генетических, субъективных или оценочных — фактически двойственно, являясь одновременно и звукописанием и словописанием. Разумеется, каждый из этих аспектов может и должен быть развернут и дальше, вполне возможно, что и сами аспекты распределяются более точно или определяются иным образом. Бодуэном же выдвинуты основополагающие идеи.

Р.И.Нарафутдинова

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В ГЛАГОЛЬНО-ОБЪЕКТНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЯХ В СОВРЕМЕННОМ АРАБСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Одной из важных и мало изученных проблем арабского синтаксиса является проблема подчинительных связей между словами в словосочетании. Предметом рассмотрения являются глагольно-объектные словосочетания.

Существует два типа оформления синтаксической связи между словами в словосочетании: беспредложная связь (кара'а-л-китаба 'он прочел книгу') и предложная связь (хасала 'ала-л-китаби

'он получил книгу'). Выбор предложной или беспредложной формы слова, т.е. способ соединения слов, зависит от господствующего слова. Такой способ соединения слов в словосочетаниях, когда оформление зависимого слова предписывается господствующим словом, мы называем управлением.

Простейшие структурные модели глагольно-объектных словосочетаний представляют собой бинарные сочетания: 1) V + и и 2) V + ргг + Мген. Господствующее слово (глагол) может выступать и с несколькими зависимыми словами, образуя комбинацию бинарных сочетаний.

Синтаксическая связь между компонентами в беспредложном глагольном словосочетании типа қара'а-д-китаба всегда выражается словоформой винительного падежа зависимого компонента. По способу беспредложного управления образуют словосочетания переходные глаголы, которые для полного раскрытия своего лексического значения нуждаются в пояснении объектом. Винительный падеж является орудием выражения грамматического значения категории прямой переходности. Зависимый компонент в беспредложных глагольных сочетаниях может обозначать не только объект непосредственного воздействия, но также ориентир движения, пространственные границы.

В предложном словосочетании зависимое слово вводится предлогом, выступая при этом в родительном падеже; напр. қасала 'ада-д-китаби 'он получил книгу', қатаба-р-рисалата би қалами 'написал письмо пером'. Предлоги 'ада и би в словосочетаниях выражают отношения зависимости между компонентами, и это является содержанием грамматического значения предлога.

Однако различные типы связи, подводимые под понятие "управление", можно разграничить лишь с учетом обязательности-факультативности глагольного окружения и характера лексического значения предлога. Участвуя в оформлении синтаксической связи, предлог может выполнять две функции. В конструкции с факультативным окружением қатаба би-қалами 'написал пером' предлог би обладает ярко выраженным лексическим значением, управляет падежной формой самостоятельно. Употребление предлога здесь не обусловлено значением глагола; дополнение, вводимое предлогом, не является абсолютно необходимым для раскрытия значения глагола; его появление в предложении диктуется смысловым заданием предложения. По существу предложно-падежная форма не управляется

господствующим словом, а примыкает к нему. Такая связь между глаголом и объектом только условно может быть названа управлением, управлением слабым. В глагольной конструкции с обязательным окружением (ḥaṣala 'alā-h-Kitābi 'он получил книгу') предлог 'alā грамматикализирован. Лексическое значение предлога утрачено, предлог выступает в формальной функции, он служит лишь средством управления, мотивировкой употребления надежной формы. Предлог тяготеет к глаголу. Совместное выступление такого "фиксированного" предлога с глаголом является не разовым, а прочным и постоянным соединением. Выбор предлога определяется исключительно глаголом. Конструкция глагола ḥaṣala с указанным объектом является синтаксически связанной.

Развитие формальных значений предлога является той основой, благодаря которой существует предложное управление как определенным образом организованная связь между словами, обусловленная лексическими и грамматическими особенностями господствующего компонента. Особенности формальной функции предлога сводятся к постоянной зависимости предлога от глагола (1), к утрате предлогом самостоятельного значения и употреблению его в качестве формального средства глагольного управления (2).

Различаются двоякого рода связи в структуре глагольно-именного словосочетания, выражающие объектные отношения:

1. Сильное (или регулярное) управление, когда семантикой господствующего слова определяется обязательное наличие при нем надежной словоформы в винительном падеже или предложно-падежной формы зависимого слова. По способу сильного управления формируются словосочетания те глаголы, которые способны выявить свое значение в сочетании с объектом при участии определенного, "фиксированного" предлога.

Выявление значения глагола с помощью обязательного предложного управления характерно для большой группы арабских глаголов, называемых нами косвенно-переходными, напр. ḍafa 'a 'an 'занимать кого-л., что-л.', ḫtaṭa 'alā 'включать, содержать что-л.', ḫarasa alā 'желать чего-л.' и т.д.

Сюда же относятся те случаи управления глаголов, когда каждое из управлений связано с разными значениями глагола, напр. 'asna 'alā 'хватить кого-л., что-л.', 'asna 'an 'удерживать от чего-л.', ḫtalaḥa 'an 'отличаться от кого-л., чего-л.', ḫtalaḥa 'ilā 'посетить что-л., ходить часто куда-л.'

В указанных случаях предложная форма управления зависимого слова является синтаксическим средством раскрытия того или иного лексико-семантического варианта многозначного глагола. Отличия в свойствах сочетаемости данного значения многозначного глагола от других его значений могут идти по линии: а) употребления разных "фиксированных предлогов": икталафа 'ан 'отличаться от кого-я., чего-я.', икталафа 'илә 'ходить часто куда-я.'; б) противопоставления предложного управления беспредложному: 'аллака + Асс 'взять, повесить что-я.', 'аллака 'алә 'комментировать что-я.'; в) количества зависимых членов: 'аллака + Асс + 'әлб 'повесить что-я. на что-я., но 'аллака 'алә 'комментировать что-я.'; г) обязательности зависимого члена: 'аллака + 'әлб (предлог факультативен) 'повесить что-я. на что-я.' (предложный объект факультативен), но 'аллака 'алә (предлог обязателен) 'комментировать что-я.' (объект обязателен).

П. К сфере слабого (или нерегулярного) управления относятся те случаи, когда семантикой глагола определяется возможное, но не обязательное наличие при нем одной или нескольких возможных предложных форм имени с объектным значением, причем конкретная форма выбирается в зависимости от смыслового (иногда стилистического) высказывания: напр. катаба би-каламни 'написал пером', дахла 'аләй-хи 'вошел к нему' (в противоположность беспредложному управлению этого глагола - дахла-я-бейте 'вошел в дом').

Реализация синтаксических связей в словосочетании обусловлена синтаксической валентностью глагола, и все своеобразие различных синтаксических связей легче всего обнаруживается на фоне всех возможных валентных распространений слова. Исходя из синтаксической валентности глаголы подразделяются на следующие группы:

1. Глаголы обязательного (сильного) управления одним объектом (беспредложным или предложным), образующие структуры $V + N_{Acc}$; $V + ркр + N_{Gen}$.

Глаголы верьнувшегося управления предлогом (напр. зәда 'әлб (или 'ан) 'превосходить что-я., быть больше чего-я.', тезууәдди миң (или би) 'жениться на ком-я.' и т.д.), а также глаголы вариантного использования предлогов, т.е. управляющие зависимым словом либо посредством предлога, либо посредством

внимательного падежа без существенного нарушения значения словосочетания. Так, са'ме ми (или ми.п.) 'попытывать скуку от чего-л., отвращение к чему-л.', масса би (или ми.п.) 'касаться чего-л.' образуют структуры, являющиеся вариантами исходных структур $V+N$, $V+rpr+N$.

2. Глаголы сильного двойного управления, образующие трехчленную структуру:

а) глаголы управления двойным внимательным падежом, напр. 'а' тā + Асс + Асс 'давать что-л. кому-л.'

Структурная модель словосочетания: $V + N^1_{Асс} + N^2_{Асс}$

б) глаголы управления беспредложным и одновременно предложным объектами, напр. заккара + Асс + 'ан 'напомнить кому-л. о чем-л.', 'амара + Асс + би 'приказывать кому-л. что-л.'

Структурная модель словосочетания: $V + N^1_{Асс} + rpr + N^2_{Gen}$

в) глаголы двойного предложного управления, напр. самка + ли + би 'позволить кому-л. что-л.'

Структурная модель словосочетания: $V + rpr + N^1_{Gen} + rpr + N^2_{Gen}$

3. Глаголы факультативного (слабого) управления предложными объектами, напр. дахала 'ади 'ойти к кому-л.' и т.д.

Управление является наиболее характерным в сфере глагольных объектных связей.

И.А.Дзупова

КУРДСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ (Южнокурдское наречие - сорани)

Подходит к концу работа над составлением первого курдско-русского словаря (сорани), осуществляемая коллективом сотрудников Курдского кабинета.

По-видимому, нет надобности говорить о том, какое значение будет иметь выход в свет словаря, отражающего лексику еще малоизученного южного наречия курдского языка (языке курдов Ирака и Ирана). На этом диалекте создана богатая художественная и научная литература. Курдам хорошо известны имена таких крупнейших поэтов и прозаиков, писавших на этом наречии, как Наби,

Салим, Курди, Мех Реза Талебани, Харик, Хамди, Нури, Зивар, Бекес, Ширмерд, Салим, Горан, Хазар, Мухаррам Мухамад Амни, Маруф Барзанди и др. Думается, что издание готовящегося словаря будет способствовать научению этого богатейшего литературного наследия и в нашей стране.

Настоящий словарь охватит главным образом лексику современного курдского литературного языка, являющегося языком художественной литературы и прессы курдов Ирака. В меньшей степени будет представлена лексика иранских курдов (мукри). Несомненно в словарь проникнет какое-то количество слов и других говоров курдского языка, так как провести резкую грань между словарным фондом оупекутунских говоров представляется невозможным.

Словарь предполагается издать арабским алфавитом (поскольку вся ишикурдская литература издана и продолжает издаваться арабским письмом, специально приспособленным к курдскому языку) с параллельной фонемной транслитерацией латинским (бадирхановским) алфавитом.

Издание словаря в латинской транскрипции оправдано, с одной стороны, тем, что используемая арабская графика не в состоянии в полной мере отразить фонемного состава курдского языка, с другой - латиницей пользуется другая часть курдов, говорящих на северном наречии (курманди).

Составление данного словаря базируется на материалах художественной и научной литературы, фольклорных текстах, грамматик и различных пособий, газет и журналов, изданных в Иракском Курдистане. Расписано значительное количество текстов. Большую помощь в работе оказали и изданные за рубежом ишикурдские словари, перечень которых приводится ниже.

1) *فهرستی خاک، مسد خاک، سلیانی، جزوی به کام ۱۹۵۱، جزوی ۱۹۴۶*
Словарь Хала. Двухтомный толковый словарь курдского языка, составленный курдским ученым Мухамедом Халом в Сулеманлие, I т., 1959 г., 380 стр., II т., 1964, 392 стр. К сожалению, словарь не завершен (кончается на букве *ق*).

2) *فهرستی مه مابلا، گویی موکریانی، مهولیر ۱۹۴۱*
Словарь Мехабда. Курдско-арабский словарь, составленный видным курдским ученым и просветителем Гиви Мукрийани. Словарь издан в Ираке (г. Арбиль) и содержит, главным образом, лексику мукри. Объем словаря - 795 стр.

کۆلکه زێربینه، کوردی - فارسی - عەردبی - فرەنسی - انگلی - 3)
Курдско-персидско-арабско-французско-английский тематический словарь Гиви Мукрияни. Издан в Ираке (г.Хавлер) в 1966 г. К словарю приложен курдско-английский разговорник. Объем словаря 237 стр.

دهستور و فەرھەنگی زمانی کوردی - عەردبی - فارسی، عەلا 4)
Курдско-арабско-персидский тематический словарь известного курдского ученого-литератора, автора фундаментального труда "История курдской литературы", Ала ад-Дина Суджади. Словарь включает краткий грамматический очерк курдского языка и небольшой разговорник. Словарь издан в Ираке (г.Багдад) в 1962 г. Объем словаря 240 стр.

5) A Kurdish-english dictionary by Tawfiq Wahby and C.J.Edmonds, Oxford, 1966. Курдско-английский словарь, подготовленный крупнейшим курдским ученым-языковедом Тоуфиком Вахби совместно с известным английским курдоведом С.Эдмондсом. Словарь отражает лексику иракского варианта вжнокурдского литературного языка. Объем словаря - 176 стр.

Следует заметить, что при пользовании перечисленными выше словарями пришлось преодолеть немало трудностей, связанных, прежде всего, с отсутствием в них единой орфографии. Кроме того, эти словари включают большой лексический материал без необходимой диалектологической дифференциации.

Особое место в этом списке занимает последний словарь (Вахби и Эдмондса). Это, по существу, единственный научный словарь, построенный по принципу европейских словарей. Но и этот словарь практически не совсем удобен, поскольку он дан латиницей (без соответствий в арабской графике), в то время как вся вжнокурдская литература представлена арабским письмом.

Нет сомнений, что, как первый опыт, словарь не будет лишен недостатков. Тем не менее это начало решения большой научной и практической задачи, стоящей перед всеми курдоведами.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Источниковедение

И.Д.Амусин. К датировке Кумранского Комментария на Осию	3
Е.И.Васильева. Термины <i>tēmfē</i> , <i>ʿāšīrēt</i> и <i>kašbīle</i> в сочинении Шариф-хана Бидлисī "Шариф-нāме". . .	6
И.В.Виноградов. Характер связи Текстов А и В пашпурса Вильбур.	9
С.С.Какабадзе. Жизнеописание картлийского царя Арчила.	II
М.Н.Зислин. Проблемы исследования неопубликованного грамматического сочинения "Mš'br 'āyīn" (Рукопись ГПБ 1208г., II собр. Фирк. евр. П А 132, I).	14
В.Н.Кисляков. Литографии исторических сочинений на персидском языке, хранящиеся в Восточной библиотеке ИГУ	16
Ф.Дж.Мамедова. Термины "наһәпәт" и "әзгәпәт" в Алуэноских канонах	18
Н.Д.Миклухо-Маклей. Еще раз об авторе сочинения "Адженб ад-дуня".	21
А.Н.Рогоза. Согдийские фрагменты центрально-азиатского собрания Института Востоковедения АН СССР	23
В.А.Ромодин. Источники "Сирәди ат-тавәбрих". . .	26
М.Б.Руденко. Новая рукопись поэмы курдского поэта Селиме Слемана "Юсуф и Зелиха".	29
Т.И.Султанов. О некоторых источниках "Бахр ад-Асрәр"	31
Л.И.Чугуевский. Китайские документы о выдаче зерна под проценты в эпоху династии Тан. (Из дуньхуэньского фонда ЛО ИВАН СССР)	34

II. История

О.Ф.Акимчукин. Монгольско-узбекский союз против казахов в середине XVI века	37
С.М.Ахмиченов. О внешнем облике кипчаков-половцев	40
М.В.Воробьев. Народы империи Цзинь и национальная политика чжурчженей	42
С.Г.Кляиторный. Руническая надпись на каменном изваянии из Чойрана	46
А.М.Куликова. К вопросу о периодизации истории востоковедения в России до 1917 года.	47
Б.Е.Кумеков. Хозяйство кимеков.	49
В.А.Лившиц, С.Г.Кляиторный. Новая согдийская надпись из Монголии (предварительное сообщение) . . .	51
А.Г.Луцкин. Городской строй южной Аравии во II-IV вв. н.э.	55
А.С.Мартынов. Формулы "соответствия" и "действия" в императорских титулах династий Мин и Цин . .	58
М.Б.Пиотровский. Йеменитский халиф на 40 дней . .	61
С.М.Прозоров. Из истории сложения имамитской традиции в шиитской ересмографии. (Вторая половина VII - нач. X в. н.э.)	64
С.М.Прозоров. К вопросу об обожествлении в учениях крайних шиитов (гулат) в исламе в VII в.н.э. . .	
М.Б.Руденко. О возможной контаминации имен Хан-Абдала и Амир-Хана - главарей курдского восстания в Иранском Курдистане в 1608-1610 гг.	68
О.И.Смирнова. Потомок Гурека на процессе аффины	70
О.С.Сорокина. О проникновении буддизма в Бирму. (Постановка проблемы).	72
К.Б.Старкова. Календарь Кумрана и Дамаск	74
З.Я.Ханин. О роли социально-экономических процессов в возникновении дискриминации в Японии.	76
И.Ф.Чигринский. О стране Люцэ и ее обитателях . .	77
К.Н.Узбамян. К происхождению имени "павликиане"	81

III. Литературоведение

А.Д.Бурман. Дополнительные ритмирующие средства в пьесе У Поун Ня "Водонос"	84
Э.Н.Ворожейкина. Система образов в касиде Камāl ад-Дини Исмаїла Исфакāнī	86
Л.Д.Громковская. Проза Накано Сигэхару в период "тэнко"	89
Е.А.Западова. Пи Моу Ния - родоначальник психологического метода в бирманской литературе.	91
Г.Д.Иванова. "Рабочая литература" в Японии.	93
В.В.Кушев. Об участии сына Ахунда Дарвезы в литературной деятельности отца.	95
Ж.С.Мусаяян. Курдские народные песни из рукописного собрания Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина	98
А.В.Пайкова. Старая сирийская легенда в новой арабской литературе	101
Э.С.Русинова. Ранний период англоязычной литературы Индии	104
Л.С.Савицкий. Тибетская литература 13-14 вв. (некоторые общие вопросы)	107
Г.Г.Свиридов. О двух мифах из "Кодэки" ("Детопись древних дел", Япония, УШ в.н.э.).	110
В.Ю.Шейнин. Неизвестные рукописные фрагменты поэтических произведений Йбсѳа бен Танхūма хай-Йѳрūшалмī	112

IV. Языкознание

С.И.Беевский. Модальные значения причастия долженствования в современном персидском языке	115
М.Н.Боголюбов. Два ирано-арамейских гибридных слова	118
А.М.Газов-Гинзберг. О возможном использовании межъязыковой символики.	120

И.С.Гуревич, И.Т.Зюграф. О некоторых изменениях в грамматическом строе китайского языка III-XIV вв.	123
Н.В.Елисеева. О некоторых методах лексикологической работы Ю.Н.Марра ("Документированный перомско-русский словарь")	126
О.И.Завьялова. Мелодическая характеристика сонетов в китайском языке	129
М.Н.Зислин. О взаимозависимости форм различных категорий глагола древнееврейского языка. (По материалам ленинградской рукописи 1208 г. "МШ"бр "эйин")	132
К.Б.Кешинг. Субстантиваторы в тибетском языке. (Служебные слова, образующие синтаксические конструкции с именными свойствами)	134
К.К.Курдоев. Позиция союзного слова в курдском языке. (К вопросу о роли инверсии в курдском языке)	136
В.В.Кушев. Из истории афганского алфавита.	138
С.Д.Неведева. Эпическая ономастика. (Опыт описания структуры)	142
Х.Г.Нигматов. О классификации тюркских племенных языков М.Кашгарским	144
Н.И.Носова. Именные членные предложения в бирманском языке	147
В.В.Полосин. О проявлении правила полярности при образовании некоторых типов имен собирательных в арабском языке	149
О.С.Сорокина. Синтаксическая классификация глаголов в бирманском языке	151
А.А.Торопов. Идиоматичность как один из основных признаков сложных лексических единиц (на материале средневекового китайского языка)	154
И.И.Цукерман. Вариантность в языке и тексте.	158
И.И.Цукерман. Об объективной стороне орфографии.	160
Р.Ш.Шарафутдинова. Синтаксические связи в глагольно-объектных словосочетаниях в современном арабском литературном языке	163
З.А.Юсупова. Курдско-русский словарь. (Южнокурдское наречие - сорани).	167

Подписано к печати 11/1У-69г.

А-02367 Тир.250 экз. Зак.115 Объем 11,0 п.л

Офсетное производство 3-й типографии
издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер.,2

